

37. Сентябрь 1905 г.
ПЕТЕРБУРГЪ, КАБИНЕТСКАЯ, д. № 18.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ
ШКОЛА И ЖИЗНЬ

L'ÉCOLE ET LA VIE
Schule und Leben - School & Life

592
Джонъ Локкъ.

Исходящий №

МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ

и

О ВОСПИТАНИИ РАЗУМА.

Б. Е. Б. Введение и примѣчанія Эв. Даніэля.
1882 р.

Съ приложеніемъ портрета и очерка жизни и дѣятельности Локка.

Переводъ съ англійскаго М. А. Энгельгардта.

Выпускъ II.

ПЕРЕВІРЕНО
2005

должна
имѣть видъ
нѣмъ образъ
энергіи

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

ПЕРЕВІРЕНО
2007

Ізъ залітаріювання
1848 р.

(Отдѣль VII §§ 72—87).

(Наказанія и награды [резюме]).

72. Но вернемся къ наградамъ и наказаніямъ. Такъ какъ всѣ дѣтскія выходки и неприличное поведеніе, и все, что исправлять время и возрастъ, не должно (какъ я уже говорилъ) быть поводомъ къ примѣненію розги, то вовсе не требуется такого боязня дѣтей, какое практикуется обыкновенно. Если мы прибавимъ къ этому обученіе чтенію, письму, танцамъ, иностраннымъ языкамъ и проч., какъ занятія, пользующіяся той-же привилегіей, то при толковомъ воспитаніи очень рѣдко представится поводъ примѣнять побои или насилие. Правильный способъ обучения этимъ вещамъ заключается въ умѣніи возбудить въ ученикахъ охоту и склонность¹⁾ къ тому, что вы предлагаете имъ изучить и что потребуетъ съ ихъ стороны усердія и прилежанія. Я думаю, что это нетрудно сдѣлать, если вести дѣтей какъ должно, и осторожно примѣняять указанныя выше награды и наказанія²⁾, соблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ въ методѣ обучения слѣдующія немногія правила.

73. 1. Ни одинъ предметъ, который они должны изучить, не слѣдуетъ превращать для нихъ въ бремя³⁾, или навязывать имъ, какъ

¹⁾ Инициативы любознательности и дѣятельности будуть такъ же легко проявляться въ школѣ, какъ и въ школѣ, если учитель умѣетъ представить своимъ питомцамъ подходящіе для нихъ объекты. Ему нужно только продолжать воспитаніе ребенка съ того пункта, на которомъ природа оставила его въ дѣтской, и приспособлять свои методы къ ся методамъ. Онъ долженъ переходить отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ простого къ сложному, отъ неопределеннаго къ опредѣленному, и все время помнить, что онъ не образуетъ пассивную душу, а развиваетъ активную. Сотрудничество ребенка и учителя является первымъ условиемъ успѣшнаго обучения и лучшей гарантіей поддержания разумной дисциплины. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, какое отвращеніе къ знанію должно воевать въ душахъ дѣтей, когда ихъ заставляютъ заучивать вещи, которыхъ они не понимаютъ и которыми не могли бы заинтересоваться, если-бы понимали ихъ. Д.

²⁾ Учитель не долженъ слишкомъ полагаться на какія-бы то ни было награды и наказанія, включая и санкционированныя Локкомъ. Если онъ толково выбираетъ предметы своего обучения и умѣло примѣняетъ методы преподаванія, то ему не придется прилагать въ скольконибудь значительной степени къ наградамъ и наказаніямъ. Удовольствіе, доставляемое обученіемъ, будетъ достаточнымъ стимуломъ усердія и прилежанія. Награждать ребенка за интеллектуальный голодъ такъ-же излишне, какъ и за тѣлесный. Истинной наградой является удовлетвореніе аппетита. Д.

³⁾ Воспитаніе было-бы странной подготовкой къ обязанностямъ позднейшей жизни, если бы не возлагало на ребенка никакого бремени и даже не требовало отъ него дѣлать то, что соотвѣтствуетъ его склонности, разъ съѣхъ почему либо не расположены заниматься (См. § 74, 2). Но, какъ бы то ни было, въ словахъ Локка заключается важный элементъ истины. Уроки должны быть какъ можно менѣе обременительны: не слѣдуетъ упускать изъ виду никакихъ благоприятныхъ обстоятельствъ; надо пользоваться главнымъ образомъ тѣми часами дня, когда можетъ быть развитъ максимумъ энергии въ занятіяхъ. Д.

обязательную работу. Все, что предлагается имъ въ такой формѣ, немедленно становится скучнымъ; душа отвращается отъ такихъ предметовъ, хотя раньше они были для нея пріятны или безразличны. Задавайте ребенку ежедневно въ извѣстное время гонять кубарь, хочется ли ему того или не хочется; требуйте отъ него этого, какъ обязанности, которой онъ обязанъ посвящать столько-то часовъ утромъ и послѣ полудня,—увидите, какъ скоро ему надоѣсть всякая игра на такихъ условіяхъ. Не то же ли бываетъ и со взрослыми людьми? Развѣ то, что они охотно дѣлаютъ по собственной волѣ, не становится для нихъ тягостнымъ и невыносимымъ, какъ скоро выѣняется имъ въ обязанность? Думайте о дѣтяхъ, какъ вамъ угодно, но имъ также хочется показать, что они свободны, что ихъ добрыя дѣйствія исходятъ отъ нихъ самихъ, что они самостоятельны и независимы,—какъ самому гордому изъ взрослыхъ.

74. „Лѣдствіе этого надо избѣгать заставлять ихъ дѣлать тѣ вещи „которымъ они обнаруживаютъ склонность, въ такое „, когда они не чувствуютъ охоты и расположенія къ этому¹⁾.

Человѣкъ можетъ любить чтеніе, писаніе, музыку и проч не менѣе бываетъ времія, когда эти занятія не доставляютъ удовольствія; и если въ такие моменты принуждать его къ нимъ, онъ будетъ только изнемогать и мучиться безъ всякаго толка. Тоже бываетъ и съ дѣтьми. За этими перемѣнами настроенія нужно тщательно слѣдить и неукоснительно пользоваться этими періодами готовности и расположенія; если же они недостаточно часто наступаютъ сами собою, то слѣдуетъ внушать дѣтямъ благопріятное настроеніе посредствомъ бесѣды²⁾, прежде чѣмъ сажать ихъ за дѣло. Я думаю, что

1) Здѣсь Локкъ упускаетъ изъ вида важность развитія у дѣтей привычекъ къ регулярности. Взрослымъ приходится работать, не считаясь съ настроениемъ данной минуты, и надлежащей подготовкой къ этой суровой необходимости является ражнее пріученіе дѣтей къ определен. имъ часамъ занятій. Правда, мы не всегда одинаково расположены къ интеллектуальнымъ усилиямъ, но достаточное вниманіе будетъ удѣлено этому факту, если наше расписаніе дня согласуется съ общими законами, регулирующими распределеніе энергіи въ теченіе сутокъ. Мы можемъ утилизировать ранѣе приобрѣтенное знаніе въ новыхъ комбинаціяхъ, когда неспособны къ приобрѣтенію новаго; можемъ заняться механическимъ трудомъ, к. э. неспособны разсуждать. Школьные уроки должны быть неизродающими и часто прерываться играми и музыкой. Никакой урокъ и никакое положеніе не должны продолжаться черевчуръ долго. Перемѣна есть отдыхъ какъ для тѣла, такъ и для души. Д.

2) Локкъ хочетъ сказать, что учитель долженъ возбуждать умственный аппетитъ своихъ питомцевъ, подстрекая ихъ любопытство, объясняя имъ пользу знаній, которыя желаетъ имъ сообщить, и такъ далѣе. Большое искусство требуется при введеніи нового предмета, такъ какъ начатки большинства предметовъ имѣютъ въ себѣ нѣчто мало привлекательное. Худший изъ всѣхъ методовъ—начинать новый предметъ съ определеній. «Предполагаютъ», говорить м-ръ Спенсеръ, «что общія формулы, предуманные людьми взамѣнъ цѣльныхъ группъ деталей, и упростишія наши концепціи посредствомъ объединенія многихъ фактovъ въ однou фактъ, должны упростить также концепціи ребенка. При этомъ забываютъ, что обобщеніе проще только въ сравненіи съ цѣлой массой подразумѣваемыхъ подъ нимъ част-

что это не составить особенной трудности для внимательного воспитателя, который изучил характеръ своего питомца и не затруднится наполнить его голову подходящими идеями, способными возбудить охоту къ предстоящимъ занятіямъ. Такимъ способомъ можно спечь много времени и усилий; такъ какъ ребенокъ сдѣлаетъ втрое больше, когда онъ расположены къ занятіямъ, чѣмъ при затратѣ двойного труда и усилий, когда онъ занимается неохотно или по принужденію. Если бы на это обращалось надлежавшее вниманіе, дѣтей можно было бы предоставить играть до изнеможенія и все-таки у нихъ оставалось бы достаточно времени для изученія того, что соответствуетъ способностямъ каждого возраста. Но ничего подобнаго не принимается и не можетъ принимать въ разсчетъ обычный способъ воспитанія. Грубая дисциплина разгн основана на другихъ принципахъ, лишена всякой привлекательности, не обращаетъ вниманія на настроение дѣтей и не слѣдитъ за моментами благопріятнаго настроения. " " въ самомъ ^{уѣзѣ} смѣшино было-бы, внушивъ принужденіемъ и ^{въ} _{дѣлами} ревращеніе къ его работѣ, ожидать, что ^иль свободно, по собственному побужденію, бросить игру, и съ удовольствіемъ воспользоваться ^илучаючи поучиться. Между тѣмъ, при правильной организаціи дѣла, занятіе какимъ-либо предметомъ обучения могло-бы служить отдыходомъ отъ игры, какъ игра отдыходомъ отъ учебныхъ занятій. Въ обоихъ случаяхъ трудъ одинаковъ. Да и не онъ отталкиваетъ дѣтей, потому что они любять быть занятыми ¹⁾, а разнообразіе и перемѣна

истинъ; что оно сложнѣе, чѣмъ какая бы то ни было изъ этихъ истинъ, взятая сама по себѣ; что только послѣ усвоенія многихъ простыхъ истинъ обобщеніе облегчаетъ запоминаніе и помогаетъ разуму; и что для ума, не обладающаго этими простыми истинами, оно по необходимости остается тайной. Такъ, смѣшивая два рода упрощенія, учителя постоянно заблуждались, отправляясь отъ «основныхъ началъ» (first principles): приемъ, если не по личности, то по существу расходящійся съ элементарными правилами (перехода отъ простого къ сложному), согласно которому умъ нужно приводить къ основнымъ началамъ посредствомъ примѣровъ, то есть вести отъ частнаго къ общему и отъ конкретнаго къ абстрактному». Логическій порядокъ не является необходимо порядкомъ преподаванія. Очень часто гораздо удобнѣе следовать историческому порядку развитія науки, такъ какъ между интеллектуальными развитіями индивидуума и рода существует ²⁾альная связь. Начиная съ преподаванія правилъ и опредѣлений, мы начнемъ съ того пункта, на которомъ остановился философъ, и такимъ образомъ извращаемъ естественный порядокъ воспитанія. Д.

1) Въ этомъ и заключается одинъ изъ важнѣйшихъ секретовъ успѣшнаго обучения и дисциплины. Дѣтей часто обвиняютъ въ лѣниости, когда въ действительности они дѣятельно ищутъ, чѣмъ-бы заняться. Не ихъ чрезмѣрная лѣна, а ихъ чрезмѣрная дѣятельность не подходитъ къ удобствамъ тѣхъ, на кого возложено попеченіе о нихъ. Они находятъ удовольствіе въ душевной и тѣлесной дѣятельности, и дѣло учителя использовать этотъ инстинктъ, доставляя имъ подходящія занятія, организуя ихъ сотрудничество, где только возможно, упражняя каждую душевную способность, когда наступитъ си очередь, и давая исходъ бывающей черезъ край энергіи посредствомъ разумно выбранныхъ предохранительныхъ клапановъ. Подходящее упражненіе есть существенное условіе какъ счастья, такъ и душевнаго и тѣлеснаго развитія. Д.

всегда увлекают ихъ. Единственная разница въ томъ, что, при такъ называемой нами игрѣ, они дѣйствуютъ по собственному усмотрѣнію и свободно прилагаютъ свои труды (которыхъ, въ чёмъ легко убѣдиться, никогда не падать); къ учению-же ихъ принуждаютъ; зовутъ, сажаютъ насильно и заставляютъ заниматься. Это сразу отталкиваетъ и разочаровываетъ ихъ; они чувствуютъ утрату свободы. Добейтесь того, чтобы они просили воспитателя поучить ихъ, какъ часто просятъ своихъ товарищѣй поиграть съ ними, а не онъ-бы ихъ звалъ учиться; въ такомъ случаѣ, удовлетворенные сознаніемъ того, что и въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ такъ же свободно, какъ въ остальныхъ, они и за учение будутъ приниматься съ не меньшей охотой, и оно перестанетъ отличаться отъ ихъ остальныхъ забавъ и игръ. Путемъ тщательного примѣненія этихъ пріемовъ, вы можете внушить ребенку желаніе научиться всему, чему вамъ хотѣлось бы его научить. Всего труднѣе справляться съ первымъ или старшимъ; но разъ это устроилось правильно, нетрудно будетъ при его посредствѣ вести остальныхъ, куда вамъ вздумается.

75. Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что самое подходящее время для учебныхъ занятій дѣтей есть то, когда ихъ души настроены и расположены къ этому, когда ни душевная вялость, ни сосредоточеніе мысли на чёмъ либо другомъ не дѣлаютъ ученья черезчуръ труднымъ или противнымъ для нихъ; однако, слѣдуетъ имѣть въ виду двѣ вещи: 1) Если за этими моментами не достаточно тщательно слѣдить и не пользуются ими всякой разъ, какъ они наступаютъ, или если они наступаютъ не такъ часто, какъ бы слѣдовало, то изъ за этого нельзя пренебрегать успѣхами ребенка и предоставлять ему привыкать къ лѣности, укрѣпляя такимъ образомъ эту недугъ¹⁾. Хотя ученье идетъ плохо, если душа не расположена къ нему или занята другими предметами, но очень важно и достойно напихъ усилий пріучить душу господствовать надъ собой и быть способной по собственному рѣшенію отказываться отъ увлекательного занятія однимъ предметомъ и обращаться, легко и съ удовольствиемъ, къ другому, или въ любое время стряхивать съ себя вялость и бодро приниматься за то, къ чему призываетъ собственный разумъ или совѣтъ другого. Этого нужно добиваться отъ дѣтей, испытывая ихъ при случаѣ, когда они не склонны заниматься вслѣдствіе лѣнія или отвлечены отъ занятій чѣмъ

1) Локкъ, очевидно, сознаетъ опасность приспособленія ученья къ не-постоянному настроению дѣтей. Онъ видѣтъ, что, приспосабляясь къ ятимъ настроеніямъ, мы рискуемъ поощрять лѣность, и что хотя въ известные моменты ученье несомнѣнно идетъ лучше, чѣмъ въ другіе, но образованіе регулярныхъ привычекъ и укрѣпленіе воля къѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ приобрѣтеніе знаній. Опасность, о которой идетъ рѣчь, можно избѣжать, привыкая въ соображеніе только общіе законы успѣшнаго приложенія умственнаго труда (игнорируя случаи простого каприза), и приводя разумные мотивы для поддержки долга въ его первой борьбѣ съ наклонностями. Дѣти вскорѣ научаются цѣлить преимущества регулярности, убѣждаясь, что систематическое изжергтаніе частью своей свободы есть вѣрѣйшая гарантія веселаго употребленія остального времени. Д.

либо другимъ, и стараясь сосредоточить ихъ внимание на предлагающемъ предметѣ. Если такимъ путемъ душа пріобрѣтаетъ привычку властствовать надъ собой, откладывать въ сторону мысли или занятія, если того требуютъ обстоятельства, и обращаться къ новымъ и менѣе привлекательнымъ предметамъ безъ отвращенія или разстройства, то это пріобрѣтеніе будетъ поважнѣе латыни или логики или большинства тѣхъ предметовъ, которымъ привято обучать дѣтей.

(Принужденіе).

76. Такъ какъ дѣти живѣе и дѣятельнѣе въ эту пору жизни, чѣмъ въ какую бы то ни было другую, и такъ какъ для нихъ безразлично, чѣмъ заниматься, лишь бы заниматься, то танцы и «scotch-hoppers¹» были бы одинаково привлекательны для нихъ, при равенствѣ поощряющихъ или отталкивающихъ условій. Но по отношенію къ учебнымъ занятіямъ важными и единственными отталкивающими условіемъ является то, что ихъ требуютъ отъ дѣтей²), что эти занятія считаются ихъ дѣломъ, за которое ихъ бранятъ и истязаютъ, такъ что они принимаются за него съ дрожью и страхомъ; или, если они берутся за него охотно, ихъ черезчурь долго держать за урокомъ³), пока они не выбются изъ силъ: все

¹) Дѣтская игра, въ которой дѣти прыгаютъ на одной ногѣ черезъ борозды или линіи, проведенные на землѣ. Д.

²) Практическій комментарій къ этому заключается въ слѣдующемъ: дѣлайте ученье привлекательнымъ и дѣти сами будутъ требовать его. Дѣлайте всѣ сопровождающія обстоятельства приятными, и то скучное, что всетаки останется въ ученьи, будетъ охотно преодолѣваться ради сопутствующаго удовольствія. Дѣтей отталкиваетъ не столько ученье, сколько сердитые взгляды, сердитыя слова, и сердитыя взысканія; но ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что они переносятъ свое отвращеніе къ учителю на предметъ его преподаванія. Въ случаѣ отсутствія этой помѣхи, дѣти обнаруживаютъ такую же естественную склонность къ подходящему ученью, какъ къ подходящей пицѣ. Къ несчастью, значительная часть духовной пищи, предлагаемой дѣтямъ, такъ же мало годится для ихъ ума, какъ камни для ихъ желудка. Послѣдовательно является то, что мы теряемъ огромное преимущество естественной привлекательности ученья и дѣлаемъ прилежаніе ребенка почти всецѣло зависящимъ отъ силы ихъ воли,—и это въ такомъ возрастѣ, когда воля всего слабѣе, а соблазны къ нарушению долга всего сильнѣе. Гораздо разумнѣе было бы прекращать ученье, когда оно явно не по плечу дѣтямъ, дѣлать остальное ученье болѣе привлекательнымъ посредствомъ болѣе внимательного отношенія къ законамъ духа, и такимъ образомъ присоединять другіе мотивы къ естественной склонности. Намъ нечего опасаться потерять удобный случай становиться поперекъ желания ребенка. Воля будетъ расти вмѣстѣ съ ростомъ тѣла, и величайшее безуміе предполагать, что мы усиливаемъ ее, противорѣча ей. Д.

³) Разумная дисциплина и усиленное ученье въ значительной степени зависятъ отъ толковаго распределенія времени. Дѣтей вообще не слѣдуетъ занимать болѣе получаса однімъ и тѣмъ же урокомъ, а уроки, требующіе приложенія однѣхъ и тѣхъ же умственныхъ способностей и сохраненія одной и той же позы не должны слѣдовать непрерывно одинъ за другимъ. Читателямъ нужно помнить, что для дѣтей полезно оставлять умственную, какъ и физическую трапезу, раньше пресыщенія, и что въ этомъ, какъ и во

что черезчурь нарушаетъ ту естественную свободу, которую они принимаютъ такъ близко къ сердцу. Только эта свобода и сообщаетъ прелестъ и увлеченіе ихъ играмъ. Переверните отношенія — и вы увидите, что они вскорѣ перемѣнятъ объектъ своего рвения, особенно если будутъ видѣть примѣры другихъ, которыхъ уважаютъ и ставятъ выше себя. И если устроить такъ, что они станутъ относиться къ тому, что дѣлаютъ другіе, какъ къ привилегіи болѣе высокаго возраста и положенія, то честолюбіе и желаніе продвинуться впередъ и выше, и уподобиться тѣмъ, кто выше ихъ, заставятъ ихъ приняться за работу и исполнять ее ревностно и съ удовольствіемъ; удовольствіемъ оттого, что они начали заниматься по собственному желанію, не отступаясь отъ своей милой свободы, которая явится въ этомъ случаѣ не малымъ поощреніемъ. Если ко всему этому прибавится удовольствіе, доставляемое похвалой и хорошей репутацией, то я склоненъ думать, что не потребуется никакого другого поощренія, чтобы возводить ихъ усердіе и прилежаніе, насколько это необходимо. Конечно для достижения этого результата потребуется вначалѣ большое терпѣніе и искусство, кротость и вниманіе, и благоразумное поведеніе. Но зачѣмъ же вамъ воспитатели, если это дѣло не потребуетъ никакого труда? Зато, разъ этотъ результатъ достигнутъ, все остальное послѣдуетъ гораздо легче, чѣмъ при любой болѣе суровой и despoticеской дисциплинѣ. И я не думаю, чтобы достигнуть этого было особенно трудно; я увѣренъ, что затрудненій не представится, если дѣти не видятъ вокругъ себя дурныхъ примѣровъ. Серьезная опасность, слѣдовательно, угрожаетъ только со стороны слугъ, или другихъ дурно поведенныхъ дѣтей, или вообще порочныхъ и глупыхъ людей, которые портятъ дѣтей, какъ подавая имъ дурной примѣръ своимъ собственнымъ поведеніемъ, такъ и доставляя имъ двѣ вещи, которыхъ имъ никогда бы не слѣдовало получать; я разумѣю порочныя удовольствія и одобренія дурныхъ поступковъ.

(Брань).

77. Какъ побои очень рѣдко должны примѣняться для исправленія дѣтей, такъ и частая брань, особенно страстная, ведеть, по моему мнѣнію, къ дурнымъ послѣдствіямъ. Она умаляетъ родительскій авторитетъ и почтительность ребенка; такъ какъ, прошу помнить, дѣти очень рано начинаютъ отличать страсть отъ разума и если они могутъ питать лишь почтеніе къ тому, что вытекаетъ изъ послѣднаго, то быстро приобрѣтаютъ презрѣніе къ первой; если же она и внушаетъ сначала испугъ, то къ нему вскорѣ привыкаютъ, и естествен-

многихъ другихъ случаяхъ, «половина больше цѣлаго». Масса усилій предпринимаемая постоянно тратится бесплодно вслѣдствіе игнорированія умственности интеллигентнаго дѣтей. Къ нимъ относятся, какъ къ пассивнымъ резервуарамъ изограниченной вѣдѣтимости, а не какъ къ извѣрѣльмъ организмамъ съ слабыми силами духовнаго пищеваренія и усвоенія. Эта-то практика и соединяетъ такъ называемое «пичканье». Д.

ная склонность легко научается пренебречь подобными пугалами, которые поднимают много шума, но не одушевлены разумомъ.

Такъ какъ родители должны запрещать дѣтямъ только дурные поступки (очень немногочисленные въ ихъ нѣжномъ возрастѣ), то простого взгляда или жеста будетъ достаточно для исправленія ихъ погрѣшностей; если-же придется иногда прибѣгать къ словамъ, то они должны быть серьезны, ласковы и сдержаны, имѣть характеръ объясненія дурныхъ или неприличныхъ сторонъ проступка, а не запальчиваго разноса ребенка; такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ онъ не сумѣеть разобрать, относится ли выше неудовольствіе къ нему лично или къ его поступку. Страстная брань сопровождается обыкновенно грубыми и неприличными выраженіями, и имѣть еще то дурное послѣдствіе, что находитъ имъ дѣтей и оправдываетъ употребленіе подобного языка съ ихъ стороны: имъ за себя такой высокий авторитетъ, они не постыдятся и не постыжатъ другихъ эпитетами, которыми надѣлали ихъ родители или воспитатели.

(Упорство).

78. Я предвижу, что здѣсь мнѣ возразятъ: какъ вы хотите, что бы дѣтей никогда не били и не бралили за какой бы то ни было проступокъ? Да вѣдь это значитъ дать полную волю всяческой распущенности. Не такъ оно страшно, какъ воображаютъ, если съ самаго начала выбранъ правильный путь для формированія дѣтской души и внѣдренія въ нее почтенія къ родителямъ, о которомъ говорилось выше.

Вѣдь битье, какъ показываетъ наблюденіе, приносить мало добра, если боль, причиняемая имъ, есть единственное наказаніе, которое чувствуется и внушиаетъ страхъ; влияніе его быстро утрачивается вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о немъ. Есть впрочемъ одна вина, за которую дѣтей слѣдуетъ, по моему мнѣнію, бить; а именно упорство и открытое неповиновеніе (rebellion). Но и въ этомъ случаѣ я устроилъ-бы по возможности такъ, чтобы стыдъ быть высѣченымъ, а не боль, составлялъ главную часть наказанія. Стыдъ совершилъ дурной поступокъ¹⁾ и заслужить наказаніе есть единственная надежная сдержанка, приличествующая добродѣтели. Боль отъ розги, если она не сопровождается стыдомъ, быстро прекращается и забывается, и вслѣдствіе привычки, вскорѣ перестаетъ пугать. Я знаю дѣтей одной

¹⁾ И здѣсь мы видимъ смѣщеніе двухъ противуположныхъ понятій. «Стыдъ совершилъ дурной поступокъ» есть проявленіе морального начала, возмущеніе совѣсти, которое само по себѣ является настолько серьезнымъ воздействиѳмъ, что о наказаніяхъ, взысканіяхъ, сѣченіяхъ etc. тамъ, где дѣйствуетъ это начало, не можетъ быть рѣчи. «Стыдъ быть высѣченнымъ» — иначе совершенно иное: это страхъ оскорблѣнія, униженія, надругательства; такой же, какъ страхъ физической боли, но еще болѣе развращающій и способный извѣсогда искалѣчить душу ребенка. Это принадлежность во снданіи, дѣйствующемъ терроромъ, застрашиваніемъ, то есть, устранило го моральное начало. № 6 р.

знатной особы, которыхъ угроза снять съ нихъ башмаки, держала въ не меньшемъ послушаніи, чѣмъ другихъ страхъ нависшей надъ ними розги.

Подобныя наказанія я предпочитаю побоимъ; такъ какъ не боль, а стыдъ проступка и навлекаемаго имъ взысканія, долженъ быть страшнѣй для дѣтей, если вы хотите, чтобы они обладали истиннымъ благородствомъ характера. Но упрямство и упорное неповиновеніе должны быть побѣждаемы силой и ударами; такъ какъ противъ нихъ нѣть другого лѣкарства. Разъ вы предписываете и запрещаете ребенку что нибудь дѣлать, вы должны быть увѣрены въ его нови-новеніи; тутъ не можетъ быть никакого снисхожденія, никакого сопротивленія; ибо разъ дѣло доходитъ до состязанія, до спора, чья возьметъ, какъ оно и бываетъ, когда вы приказываете, а ребенокъ не слушается, вы непремѣнно должны взять верхъ, какихъ-бы это ни стоило побоевъ, разъ слова или жесты не производятъ дѣйствія; если только не хотите на всю жизнь остаться подъ командой вашего сына. Одна моя знакомая, благоразумная и добрая мать, принуждена была въ подобномъ случаѣ высѣчь свою маленькую дочь тотчасъ по возвращеніи ея отъ кормилицы, восемь разъ подрядъ въ одно и тоже утро для того, чтобы преодолѣть ея упрямство и добиться послушанія въ одной, въ сущности пустой и безразличной, вещи. И еслибы она бросила дѣло и остановилась на седьмомъ сѣченіи¹⁾, то навсегда испортила бы ребенка, и своими бесплодными побоимъ только укрѣпила бы ея упрямство, исправить которое впослѣдствіи было бы крайне трудно; но разумно наставляя, пока не согнула ея духа и не сдѣлала податливой ся воли²⁾, что и является единственной цѣлью исправленія и

¹⁾ Локкъ не рассматриваетъ, что могло-бы случиться, еслибы она вовсе не начинала сѣчь, и не паслѣдуетъ конечнаго дѣйствія на характеръ маленькаго ребенка восьми послѣдовательныхъ порокъ. Тѣлесное наказаніе часто можетъ показаться успѣшнымъ, потому что вызываетъ непосредственное послушаніе; но мы-бы иначе взглянули на него, если-бы могли прослѣдить весь рядъ его длительныхъ вліяній на характеръ. Д.

²⁾ Эти метафоры могутъ повести къ недоразумѣніямъ. Локкъ говорить о волѣ, какъ будто это кусокъ твердой кожи. Все, чего добивается успѣшное (?) наказаніе,—это сдѣлать страхъ боли достаточнымъ опредѣляющимъ мотивомъ для обеспеченія непосредственного появленія. Читатель хорошо сдѣлаетъ, если будетъ внимательно изслѣдоватъ метафоры, обычно употребляемыя для описанія душевныхъ процессовъ и явлений. Онъ производится въ большинствѣ случаевъ отъ материальныхъ вещей, и нерѣдко, опираясь на метафору, мы разсуждаемъ такъ, какъ будто бы имѣли дѣло съ чисто физическимъ вопросомъ. Иногда мы говоримъ о душѣ, какъ объ интеллектуальномъ желудкѣ, иногда какъ о комкѣ пластической глины, иногда какъ о сосудѣ, иногда какъ о листѣ бумаги. Это не представляетъ опасности, пока мы имѣемъ въ виду метафорический характеръ нашего языка, но приводить къ грубымъ послѣдствіямъ, когда мы вачинаемъ принимать метафоры за чистую монету и подставлять ихъ на мѣсто фактовъ дѣйствительности.

Джорджъ Элліотъ разсказываетъ намъ, что такъ какъ мозгъ Тома Толливера былъ особенно недоступенъ этикологіи и математическимъ доказательствамъ, то мистеръ Стэллингъ, его воспитатель, пришелъ къ заключенію о необходимости особенно тщательно вспахать и воздѣлать его

наказаниія, она вполне установила свой авторитетъ въ первомъ же случаѣ, и позднѣе всегда встрѣчала со стороны своей дочери послушаніе и повиновеніе, такъ что этотъ первый случай былъ кажется и послѣднимъ, когда она побила ее. Разъ приходится примѣнять такую мѣру, какъ боль, причиняемая розгой, ее нужно продолжать и усиливать, пока она не одержитъ верха, не сломить душу и не установить родительскаго авторитета; а затѣмъ серьезность, соединенная съ лаской, должна закрѣпить его навсегда.

Если бы люди хорошо обдумали это, они были бы сдержаніе въ употребленіи розги и палки, и не такъ склонны считать побои надежнымъ и универсальнымъ средствомъ, которое можно примѣнять наудачу во всѣхъ случаяхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: если это средство не приноситъ пользы, то приноситъ большой вредъ; если оно не затрагиваетъ души и не дѣлаетъ волю податливой, то ожесточаетъ наказываемаго; и хотя бы ему приходилось терпѣть сильнѣйшую боль, оно только закалияетъ его упорство, доставившее ему побѣду и подготовляющее его къ борьбѣ съ надеждой на успѣхъ въ будущемъ. Я не сомнѣваюсь, что это безтолково примѣняемое наказаніе сдѣлало упорными и неподатливыми многихъ, которые при другихъ условіяхъ могли бы быть очень послушными и покладистыми. Ибо если вы наказываете ребенка такъ, какъ будто мстите ему за проступокъ, возбудившій вашъ гнѣвъ, какое дѣйствіе произведетъ это на его душу, подлежащую исправленію? Если къ его проступку не примѣнилось упрямство или своеволіе¹⁾, то въ немъ не было ничего,

этими патентованными орудіями. «Его любимой метафорой», продолжаетъ она, «было утвержденіе, что классики и геометрія составляютъ культуру ума, подготавлиющую его ко всякому послѣдующему поѣзу. Я ничего не говорю противъ теоріи мистера Стеллинга: если для всѣхъ умъ долженъ быть установленъ одинъ режимъ, то его система кажется мнѣ не хуже всякой другой. Я знаю только, что она имѣла для Тома Толливера такія же плачевныя послѣдствія, какъ еслибы его налихивали сырьемъ въ качествѣ лѣкарства противъ слабости желудка, отказывающагося переварить этотъ продуктъ. Удивительно къ какимъ различнымъ результатамъ приводить перемѣна метафоры. Стоять назвать мозгъ интеллектуальнымъ желудкомъ, и остроумное опредѣленіе классиковъ и математики, какъ плуговъ и боронъ, окажется, повидимому, совершенно ни къ чему. Но вѣдь всякому можно послѣдовать другимъ великимъ авторитетамъ и назвать душу листомъ бѣлой бумаги или зеркаломъ, а въ этомъ случаѣ и представление о инцеварительномъ процессѣ окажется совершенно неподходящимъ. Безъ сомнѣнія было очень удачной идеей назвать верблюда кораблемъ пустыни, но врядъ-ли это помогло комунибудь дрессировать это полезное животное. (!, Аристотель! Еслибы ты пользовался преподѣломъ быть «самымъ передовымъ изъ современниковъ», а не величайшимъ изъ древнихъ, ты бы нѣмѣно присоединилъ къ своимъ похваламъ метафорической рѣчи, какъ признаку высокаго ума, жалобу на то, что умъ такъ рѣдко проявляется въ речи безъ метафоръ, и мы такъ рѣдко можемъ объяснить, что представляется изъ себя данная вещь, иначе, какъ заявлениемъ, что она представляется изъ себя нечто» (Mill on the Floss, book ii. chap. I). Д.

¹⁾ Такъ называемое своеволіе (wilfulness), какъ указалъ д-ръ Карренхорстъ, часто есть нечто «прямо противоположное своеволію; такъ какъ является прямымъ результатомъ недостатка волевого контроля надъ инстинктивной дѣятельностью мозга» (Mental Physiology, p. 135). Д.

требовавшаго такой суворой мѣры, какъ побои. Ласковаго или серьезнаго увѣщанія достаточно для исправленія промаховъ слабости, забывчивости или разсѣянности, и это все, чего они требуютъ. Но если въ проступкѣ проявляется порочная воля, если онъ представляетъ умышленное, обдуманное неповиненіе, то наказаніе должно измѣряться не важностью или неважностью самого проступка, а его несоответствиемъ съ покорностью и почтеніемъ по отношенію къ приказаніямъ отца; въ такомъ случаѣ надо примѣнять его строго и возобновлять удары до тѣхъ порь, пока они не подѣйствуютъ на душу и вы замѣтите признаки истиннаго огорченія, стыда и готовности повиноваться¹⁾.

Правда, для этого требуется нечто болѣе, чѣмъ усадить ребенка за работу и сѣчь его безъ всякихъ церемоній, если онъ не выполнилъ ее или выполнилъ не такъ, какъ намъ хочется. Требуется забота, вниманіе, наблюденіе и тщательное изученіе дѣтскихъ характеровъ, ровно какъ и основательное обсужденіе проступковъ, прежде чѣмъ мы прибѣгнемъ къ такого рода наказанію. Но развѣ это не лучше, чѣмъ вѣчно держать розгу въ руцѣ, какъ единственное орудіе управления, и, примѣня ее то и дѣло во всевозможныхъ случаяхъ, испортить и сдѣлать недѣйствительнымъ это послѣднее и полезное средство, когда въ немъ окажется надобность? А развѣ можно ждать чего либо другого, если оно примѣняется безъ разбора при всякомъ пустомъ промахѣ? Если грамматическая ошибка или неправильное чтеніе стиха навлекаютъ на благоправнаго и прилежнаго мальчика розги такъ же неизбѣжно, какъ умышленный проступокъ упорнаго и испорченного неслуха, то какъ можно ожидать, что подобный способъ исправленія принесетъ пользу душѣ и поставить ее на правый путь? А вѣдь это все, къ чему нужно стремиться; и если это достигнуто, то все остальное, чего вы можете пожелать, послѣдуетъ само собою.

79. Гдѣ нѣть на лицо дурнаго направленія воли, требующаго исправленія, тамъ не можетъ быть надобности въ побояхъ. Всѣ остальные проступки, при которыхъ душа настроена правильно и не отвергаетъ власти или авторитета отца или воспитателя,—простыя ошибки, на которыхъ часто можно смотрѣть сквозь пальцы; если-же онѣ сдѣлались предметомъ замѣчанія, то не требуютъ ничего другого, кроме мягкихъ средствъ увѣщанія, наставленія и выговора, пока повторное и умышленное пренебреженіе этими замѣчаніями не покажеть, что изъянъ коренился въ душѣ и что въ основѣ неповиновенія лежитъ очевидное извращеніе. Но разъ только обнаруживается упорство, то есть открытый вызовъ, его нельзя спускать или игнорировать, а необходимо подавить и обуздить въ самомъ началѣ; нужно только

¹⁾ Локъ не объясняетъ, какъ отличить эти чувства отъ простой боязни дальнѣйшихъ мученій. Бѣзъ сомнѣнія, мы можемъ воздѣйствовать черезъ тѣло на душу, но не можемъ быть увѣрены, что воздѣйствуемъ этимъ способомъ на ту именно часть души, до которой желаемъ добраться. Надо также помнить, что поддержка, оказываемая выносливости гордостью, усиливается пропорционально наказанію. Чѣмъ дольше мальчикъ можетъ вынести тѣлесное наказаніе, тѣмъ больше онъ гордится своимъ торжествомъ. Д.

193

сильно стѣдѣть, чтобы не вышло ошибки, и быть увѣреннымъ, что... дѣйствительно упорство, а не что либо другое.

80. Но такъ какъ поводовъ къ наказанію, особенно къ побоямъ, слѣдуетъ избѣгать елико возможно, то я не думаю, чтобы пришлось часто прибѣгать къ этому средству. Если тотъ почтительный страхъ (awe), о которомъ я говорилъ выше, внушишь ребенку, то въ большинствѣ случаевъ будетъ достаточно простого взгляда. Нельзя, конечно, требовать отъ маленькихъ дѣтей такого-же поведенія, серьезности или прилежанія, какъ отъ болѣе зрѣлыхъ. Надо разрѣшить имъ, какъ я уже говорилъ, дѣтскія шалости и дурачества, соотвѣтствующія ихъ возрасту, не обращая на нихъ вниманія. Неосторожность, беззаботность и веселье въ природѣ ихъ возраста, и строгость, о которой я говорилъ, не должна выражаться въ неумѣстныхъ ограниченіяхъ. Не слѣдуетъ также черезчуръ поспѣшно объяснять упорствомъ или свое-воліемъ то, что является естественнымъ продуктомъ ихъ возраста или характера. Въ такихъ случаяхъ дурного поведенія надо помогать дѣтямъ и содѣйствовать исправленію, какъ помогаютъ больнымъ при естественномъ недугѣ; при этомъ нельзя приписывать каждый рецидивъ, хотя бы случившійся послѣ предостереженія, умышленной небрежности и немедленно третировать ихъ какъ упорныхъ. Промахи легкомыслія никогда не слѣдуетъ игнорировать или пропускать безъ замѣчанія, но если къ нимъ не примѣшивается воля, не нужно преувеличивать ихъ или взыскивать за нихъ черезчуръ строго; надо исправлять ихъ крѣпкими мѣрами, насколько позволяютъ время и возрастъ. Благодаря этому дѣти начнутъ замѣчать, что именно въ данномъ проступкѣ наиболѣе предосудительно, и такимъ образомъ научатся избѣгать дурного. Это будетъ поощрять ихъ направлять свою волю къ добру, такъ какъ они убѣдятся, что это избавляетъ ихъ отъ сильного неудовольствія, и что во всѣхъ своихъ остальныхъ промахахъ они находятъ дружеское участіе и помошь, а не гнѣвъ и запальчивые упреки со стороны воспитателей и родителей. Удерживайте ихъ отъ порока и порочныхъ наклонностей, и ихъ поведеніе вообще будетъ принимать съ каждой ступенью возраста форму, соотвѣтствующую этому возрасту и обществу, въ которомъ они обычно вращаются; а съ годами будетъ возрастать ихъ вниманіе и прилежаніе. Но для того, чтобы ваши слова могли всегда имѣть вѣсъ и авторитетъ въ ихъ глазахъ, если понадобится, даже въ томъ случаѣ, когда вы приказываете имъ прекратить какую нибудь чисто дѣтскую забаву, вы должны быть увѣрены въ ихъ послушаніи и не позволять имъ господствовать. При всемъ томъ, отецъ, по моему мнѣнію, долженъ какъ можно рѣже проявлять свой авторитетъ и приказывать въ подобныхъ случаяхъ, да и во всѣхъ остальныхъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ проявляется склонность къ дурнымъ привычкамъ. Я думаю, что есть лучшіе способы обращенія съ дѣтьми; и что ласковое убѣжденіе посредствомъ доводовъ (разъясній пунктъ—подчиненіе вашей волѣ—обезпечень) дастъ въ большинствѣ случаевъ лучшіе результаты.

11593

(Разсуждение).

81. Быть можетъ, покажется страннымъ, что я упоминаю о разсуждении съ дѣтьми? Тѣмъ не менѣе, я считаю, что это—правильный способъ обращенія съ ними. Дѣти начинаютъ понимать разсужденія съ того момента, когда начинаютъ говорить; и если наблюденіе не обманываетъ меня, они раньше, чѣмъ мы думаемъ, начинаютъ желать, чтобы съ ними обращались, какъ съ разумными существами. Эту гордость надо поощрять въ нихъ, и, насколько возможно, пользоваться ею, какъ главнѣйшимъ орудіемъ обращенія съ ними.

Но, говоря о разсужденіи, я подразумѣваю лишь то, которое соответствуетъ способностямъ и пониманію ребенка. Никто не думаетъ, что съ трехлѣтнимъ или семилѣтнимъ мальчикомъ надо разсуждать, какъ со взрослымъ человѣкомъ. Длинныя рѣчи и философскія разсужденія въ лучшемъ случаѣ очеломляютъ и сбиваются съ толка, а не научаются дѣтей. Поэтому, когда я говорю, что съ ними нужно обращаться, какъ съ разумными существами, я подразумѣваю подъ этимъ, что вы должны дать имъ понять, кротостью вашего поведенія и сдержанностью даже въ томъ случаѣ, когда вы наказываете ихъ, что ваши дѣйствія имѣютъ разумное основаніе, и полезны и необходимы для нихъ; и что вы не руководитесь капризомъ, страстью или фантазіей, приказывая или запрещая имъ что-либо. Это они способны понять; и я думаю, что ихъ можно убѣдить въ необходимости всякой добродѣтели, которую желательно имъ внушить, и во вредѣ всякаго порока, отъ которого ихъ нужно удержать; но, разумѣется, убѣждать ихъ слѣдуетъ такими доводами, которые доступны ихъ пониманію, и всегда въ немногихъ и ясныхъ словахъ. Основанія, на которыхъ построены различные обязанности, и источники добра и зла, изъ которыхъ они вытекаютъ, не легко уразумѣть и взрослымъ людямъ, если они не привыкли отрѣшаться отъ ходячихъ общепринятыхъ мнѣній. Дѣти еще менѣе способны къ разсужденіямъ, исходящимъ отъ отдаленныхъ принциповъ. Они не могутъ осилить длинныхъ дедукцій. Доводы, которые на нихъ дѣйствуютъ, должны быть очевидными и соответствовать уровню ихъ мышленія; должны быть такими, которые можно (если позволительно такъ выразиться) осознать, опуштать. При всемъ томъ, если вы принимаете въ расчетъ ихъ возрастъ, характеръ и наклонности, у васъ никогда не будетъ недостатка въ доводахъ, достаточныхъ для ихъ убѣжденія. Если не найдется другого, болѣе специального, то все же есть доводы, которые всегда будутъ понятны и достаточно сильны, чтобы удержать ихъ отъ всякаго проступка, способного навлечь на нихъ замѣчаніе, а именно: что этотъ проступокъ доставить имъ срамъ и порицаніе, а вамъ неудовольствие.

(Примѣры).

82. Но изъ всѣхъ способовъ обученія дѣтей и образованія ихъ характеромъ, самый простой, удобный и дѣйствительный—ставить

и ихъ глазами примѣры¹⁾ того, что они должны дѣлать и чего имъ избегать; эти примѣры изъ практики знакомыхъ имъ лицъ, сопровождаемые замѣчаніями объ ихъ достоинствѣ или неприличій, сильнѣе привлекутъ или отвратятъ ихъ подражательность, чѣмъ какія бы то ни было разсужденія. Никакія слова не могутъ дать имъ такого яснаго представленія о добродѣтеляхъ и порокахъ, какъ поступки другихъ людей, если вы будете руководить ихъ наблюденіемъ и обращать ихъ вниманіе на ту или другую, хорошую или дурную, сторону поведенія. И достоинство или негодность многихъ вещей, въ хорошемъ или дурномъ воспитаніи, будетъ лучше усваиваться ими и производить на нихъ болѣе глубокое впечатлѣніе въ примѣрахъ другихъ, чѣмъ при помощи какихъ бы то ни было правилъ и наставлений.

Вотъ методъ, который нужно примѣнять не только пока они малы, но и все время, пока они находятся на попеченіи или подъ руководствомъ другихъ; да, я не знаю, найдется ли лучшее средство которое отецъ можетъ примѣнять такъ долго, какъ онъ найдетъ это умѣстнымъ, во всѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ въ чемъ-либо исправить своего сына; ничто не проникаетъ такъ незамѣтно и такъ глубоко въ душу людей, какъ примѣръ. И если они не замѣчаютъ или извиняютъ какіе-нибудь недостатки, присущіе имъ самимъ, то не преминуть почувствовать къ нимъ отвращеніе и устыдиться, когда имъ покажутъ ихъ въ другомъ.

(Розги).

83. Относительно сѣченія, когда оно становится необходимымъ, какъ крайнее средство, можетъ возникнуть сомнѣніе, когда и кто долженъ его производить: тотчась ли по совершенному проступка, когда впечатлѣніе еще свѣжо и ярко, и слѣдуетъ ли самимъ родителямъ бить своихъ дѣтей? Относительно первого пункта я думаю, что оно должно производиться не тотчасъ, чтобы къ нему не примѣшилась страсть; и такимъ образомъ наказаніе, превзойдя справедливую мѣру, не утратило бы достодолжнаго вѣса, такъ какъ даже дѣти разбираются, когда мы дѣйствуемъ подъ влияніемъ страсти. Но какъ я уже говорилъ, наиболѣе вѣса имѣть въ ихъ глазахъ то, что является спокойнымъ рѣшеніемъ разума родителей; и они умѣютъ замѣчать эту разницу. Затѣмъ, если у васъ имѣется годный для этой пѣли разумный тугъ, принимающій участіе въ воспитаніи вашего ребенка (если есть учитель, то не возникаетъ и сомнѣній), то, мнѣ кажется, лучше, чтобы боль причинялась непосредственно рукою другого, хотя и по принципію отца, который долженъ слѣдить за наказаніемъ; такимъ обра-

¹⁾ «Отецъ Горація примѣнялъ этотъ методъ къ воспитанію своего сына. Горацій, который разсказываетъ объ этомъ въ Sat. i V, lib. i, сообщаетъ очень поучительныя подробности. Это мѣсто слѣдуетъ какъ можно чаще перечитывать тѣмъ, которые занимаются воспитаніемъ дѣтей. Они должны знать его наизусть и почаше вспоминать» (Кость).

зомъ родительскій авторитетъ сохраняется, а озлобленіе ребенка, вызванное болью, которую ему приходится терпѣть, обращается главнымъ образомъ на того, кто неиногда причиняетъ ее. Вообще, я бы посовѣтовалъ отцу, какъ можно рѣже бить своего ребенка, только въ случаѣ крайней необходимости и въ качествѣ послѣднаго средства; и въ такомъ случаѣ, можетъ быть, лучше дѣлать это такъ, чтобы ребенокъ не скоро забылъ о наказаніи.

84. Но, какъ я уже говорилъ выше, побои—худшее, а потому послѣднее средство, которое можетъ примѣняться въ воспитаніи дѣтей; и то лишь въ случаяхъ крайности, когда всѣ болѣе мягкия средства были уже испытаны и оказались безуспѣшными; если же это будетъ строго соблюдаться, то очень рѣдко понадобится прибѣгать къ ударамъ. Ибо трудно себѣ представить, что ребенокъ часто будетъ оснаривать положительныя приказаія отца въ какомъ-либо специальному случаѣ; и если, съ другой стороны, отецъ не станетъ проявлять свою абсолютную власть въ обязательныхъ правилахъ, касающихся дѣтскихъ или безразличныхъ поступковъ, въ которыхъ его сынъ долженъ пользоваться свободой, или ученья, въ которомъ принужденіе не должно имѣть мѣста,—то развѣ лишь при запрещеніи какихъ-либо порочныхъ дѣйствій ребенокъ можетъ проявить упорство, и слѣдовательно, заслужить побои; такимъ образомъ, для того, кто разсуждаетъ здраво и ведетъ воспитаніе своего ребенка, какъ его слѣдуетъ вести, представится очень мало поводовъ для примѣненія этой мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ порокахъ можетъ провиниться ребенокъ въ теченіе первыхъ семи лѣтъ своей жизни, кромѣ лжи и какихъ-нибудь злопри意图ныхъ (ill-intended) шалостей, повтореніе которыхъ, послѣ прямого запрещенія со стороны отца, навлечетъ на него обвиненіе въ упорствѣ и наказаніе розгой? Если всякая порочная наклонность, при первомъ ее проявленіи и осуществленіи, будетъ встрѣчена какъ должно,—сначала удивленіемъ, потомъ, въ случаѣ повторенія, недовольствомъ и суровымъ видомъ отца, воспитателя и всѣхъ окружающихъ,—и обращеніемъ, соотвѣтствующимъ этому состоянію опалы, о которомъ упоминалось выше; если это будетъ продолжаться, пока ребенокъ не почувствуетъ и не устыдится своей вины, то я думаю, что къ другимъ средствамъ исправленія не придется прибѣгать и поводовъ къ побоямъ никогда не представится. Необходимость тѣлеснаго наказанія является обыкновенно только послѣдствіемъ прежней снисходительности или небрежности; еслибы мы слѣдили за порочными наклонностями съ самого начала, исправляя мягкими средствами первыя, вызванныя ими, уклоненія, намъ рѣдко приходилось бы имѣть дѣло съ болѣе чѣмъ однимъ изъянномъ заразъ; и легко было-бы исправить его безъ шума и гвалта, не примѣняя такой суровой кары, какъ побои. Такимъ образомъ, ихъ можно было-бы выпалывать одинъ за другимъ по мѣрѣ появленія, не оставляя ни слѣда, ни воспоминанія о томъ, что они были когда-то. Но мы предоставляемъ недостаткамъ (снисходя и потворствуя нашимъ малюткамъ) разрастаться, пока они не сдѣлаются упорными и многочисленными, а затѣмъ, когда ихъ безобразіе начи-

настъ конфузить настъ и становится неудобнымъ, поневолѣ хватаемся за плугъ и борону, за мотыгу и заступъ, которыми приходится рѣть глубоко, до самыи корней; и вся наша сила, умѣніе и усердіе оказываются недостаточными, чтобы очистить запущенную гряду, заросшую сорными травами, и возстановить наши надежды на плоды, которые въ свое время должны вознаградить настъ за трудъ.

85. Этотъ царякъ, если онъ будетъ соблюдатья, избавитъ какъ отца, такъ и ребенка, отъ повторныхъ виншений и многочисленныхъ правилъ, предписывающихъ, что дѣлать и чего не дѣлать. По крайней мѣрѣ, я того мнѣнія, что изъ тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ обнаруживается склонность къ дурнымъ привычкамъ (единственныхъ, въ которыхъ отецъ долженъ вмѣшиваться съ своимъ авторитетомъ и приказаніями), ни одно не должно запрещаться дѣтямъ раньше, чѣмъ они окажутся виновными въ немъ. Ибо такія несвоевременные запрещенія, если они не приводятъ къ еще худшимъ результатамъ, все-же научаютъ и поощряютъ дѣтей къ совершенію проступковъ, на которые ихъ считаютъ способными и относительно которыхъ имъ лучше было бы оставаться въ невѣдѣніи. Лучшее средство остановить ихъ,— это, какъ я уже говорилъ, выражать глубокое изумленіе по поводу каждого поступка, въ которомъ проявляется порочная наклонность, въ первый же разъ, какъ ребенокъ будетъ замѣченъ въ немъ. Напримеръ, если онъ уличенъ во лжи или въ какой-нибудь дурной шалости, первое, что вы должны сдѣлать, это говорить съ нимъ о ней, какъ о поразительной чудовищной вещи, которой никто не могъ ожидать отъ него,—и такимъ образомъ пристыдить его.

86. На это возразить, вѣроятно, что я могу вообразить что угодно о говорчивости дѣтей и предпочтительности мягкихъ способовъ пристыженія и одобренія; но есть много такихъ, которыхъ никогда не возьмутся за учебники и не проявлять усердія къ тому, что они должны выучить, если не поощрять ихъ розгами. Но я боюсь, что это только отговорки обычныхъ школъ и практики, которая никогда не допускала надлежащаго испытанія другихъ приемовъ въ такихъ мѣстахъ, где они могли бы быть провѣрены. Почему изученіе латинскаго и греческаго языковъ требуетъ розги, а французскаго и итальянскаго не требуется? Дѣти учатся танцевать и фехтовать безъ помоши сѣченія; мало того, ариѳметикой, рисованіемъ и проч. они занимаются очень охотно, не нуждаясь для этого въ побояхъ; это заставляетъ подозрѣвать, что есть нечто странное, противоестественное и непріятное для этого возраста¹⁾ въ предметахъ, преподаваемыхъ въ грамматическихъ

¹⁾ Правильное упражненіе всякой способности, которой мы обладаемъ, сопровождается удовольствиемъ. Дѣти всегда любятъ упражнять свои способности, если мы предоставляемъ этимъ способностямъ оперировать, находясь подходящими предметами. Если, стало быть, ребенокъ пачасто отвращение къ предмету преподавания, то отсюда смѣло можно заключить, либо что предметъ не соответствуетъ стадіи умственной культуры, которой онъ достигъ, либо, что онъ преодолется въ такъ, какъ слѣдуетъ. Вивовать учитель, и не ребенокъ. Еще разъ повторяю, для ребенка естественно находить такие же удовольствия въ подходящемъ упражненіи души, какъ и въ под-

школахъ или въ методахъ преподаванія, если дѣтей можно заставить заниматься ими только жестокой поркой, да и то съ большимъ трудомъ; или-же, что мнѣніе, будто этимъ языкамъ нельзя научить безъ побоевъ, ошибочно.

87. Но допустимъ, что иные такъ нерадивы или лѣнивы, что ихъ не приучишь къ ученію предложенными мною мягкими средствами, такъ какъ мы должны предполагать, что среди дѣтей встречаются всякие характеры; все-же отсюда не слѣдуетъ, что суровая дисциплина палки должна примѣняться ко всѣмъ. Нельзя также заключать о неприложимости болѣе мягкихъ методовъ воспитанія къ кому-бы то ни было, пока они не были испытаны надъ нимъ со всѣмъ тщаніемъ; и лишь послѣ того какъ они оказались бессильными принудить его приложить усердіе и дѣлать то, что онъ способенъ дѣлать, мы не находимъ извиненія для этого упорства. Для такихъ побои являются подходящимъ средствомъ, которое, однако, надо примѣнять совершенно иначе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно. Того, кто умышлено пренебрегаетъ ученіемъ и упорно отказывается дѣлать то, что ему по силамъ, несмотря на требование отца, выраженное въ формѣ серьезнаго, положительного приказанія, не слѣдуетъ исправлять двумя или тремя сердитыми ударами за неприготовленный урокъ, повторяя это наказаніе снова и снова послѣ каждого проступка; нѣтъ, разъ уже дошло до того, что своеоліе становится очевиднымъ и дѣлаетъ побои необходимыми, наказаніе должно быть, по моему мнѣнію, посерѣзѣнѣе и построже, и съченіе (чертежающееся съ увѣщаніями) слѣдуетъ продолжать, пока его впечатлѣніе на душу можно будетъ прочесть на лице, въ голосѣ и въ покорности ребенка, чувствительнаго не столько къ боли, сколько къ сознанию своей вины и смягчившагося въ искреннемъ сожалѣніи о ней. Если подобное наказаніе, повторенное нѣсколько разъ, черезъ надлежащіе промежутки времени, и исполненное съ крайней строгостью, при явномъ неудовольствіи отца, высказывающемся все время, не произведетъ дѣйствія, не исправить души и не создастъ послушанія въ будущемъ, то чего можно достигнуть побоями и ради какой цѣли ихъ примѣнять? Побои, разъ вы не ожидаете отъ нихъ никакого добра, будутъ смахивать скорѣе на бѣшено разъяренного врага, чѣмъ на доброжелательность сострадательнаго друга; а такое наказаніе является простымъ подстрекательствомъ безъ всякой надежды на исправленіе. Если какой-нибудь злополучный отецъ имѣтъ такого испорченаго и неукротимаго сына, то я не знаю, что ему остается съ нимъ сдѣлать,—развѣ только молиться за него¹). Но я думаю, что если правильный методъ будетъ принятъ съ ходящемъ упражненіи тѣла. Учитель долженъ найти подходящія упражненія. Въ школахъ, современныхъ Локку, предметы плохо выбрались и методы преподаванія были плохи. См. Введеніе. Д.

¹) По поводу этого мѣста Кампе замѣчаетъ: «А также молить Бога о прощеніи за то, что допустилъ алу здѣти такъ далеко по собственной винѣ, но милости资料 своего прежніаго великаго обращенія съ сыномъ. Врядъ ли ребенокъ можетъ дойти до такой закоснѣлости безъ какой либо серьезной ошибки со стороны родителей». Д.

стъи съ самаго начала, то очень немногие окажутся такими; и если подобные образчики попадаются, то они не могут служить правиломъ для воспитанія тѣхъ, которые обладаютъ лучшой натурай и могутъ быть руководимы съ помощью лучшихъ приемовъ.

(Отдѣль IX. §§ 88—94).

(Необходимыя качества воспитателя).

88. Если можно найти воспитателя, который, считая себя замѣстителемъ отца, взявши на себя его заботы, и сочувствуя выশеприведеннымъ правиламъ будетъ примѣнять ихъ на дѣлъ съ самаго начала, то впослѣдствіи его задача сдѣляется очень легкой; и, думается мнѣ, вашъ сынъ въ короткое время сдѣлаетъ такие успѣхи въ ученьи и въ благовоспитанности, какихъ вы, можетъ быть, и не ожидали. Только ни подъ какимъ видомъ не позволяйте воспитателю бить ребенка безъ вашего согласія и распоряженія, по крайней мѣрѣ пока вы не убѣдились на опытѣ въ его разсудительности и сдержанности. Но чтобы не подрывать его авторитета въ глазахъ воспитанника, вы должны не только скрывать отъ послѣдняго, что онъ не властенъ примѣнять розгу, но и относиться къ нему съ большимъ почтениемъ¹⁾), требуя того же отъ вашего семейства, такъ какъ нельзя ожидать, чтобы вашъ сынъ питалъ какое-нибудь почтеніе къ тому, къ кому его отецъ, или мать, или другіе относятся пренебрежительно. Если вы считаете его достойнымъ презрѣнія — вы сдѣлали плохой выборъ; и если вы выражаете презрѣніе къ нему, оно врядъ ли успокойзнетъ отъ вниманія вашего сына; а разъ это случится, то хотя бы онъ былъ достойный человѣкъ самъ по себѣ и обладалъ способностями къ своему дѣлу, — все это пропадетъ для вашего сына и уже не можетъ быть сдѣлано полезнымъ для него.

89. Какъ примѣръ отца долженъ внушать ребенку почтеніе къ его воспитателю, такъ примѣръ воспитателя долженъ побуждать ребенка къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыхъ туть добивается отъ него. Его

¹⁾ Моятанъ говорить о выборѣ воспитателя: «Я бы желалъ также, чтобы его друзья позаботились найти для него воспитателя, нестолько ученаго, сколько элегантнаго (*elegant*) или соединяющаго въ себѣ то и другое, если такого человѣка возможно найти; но во всякомъ случаѣ правъ и разумѣніе надо ставить выше эрудиціи. Этотъ человѣкъ долженъ использвать свою способность по новому методу. Въ обычай школьнаго учителей вѣчно трубыть, учили своимъ питомцамъ, которые обязаны только повторять то, что имъ приговарено; мнѣ бы хотѣлось, чтобы воспитатель исправилъ эту ошибку: и съ самаго начала, сообразуясь съ характеромъ той способности, съ которой у приходится имѣть дѣло, подвергалъ бы ее испытанию, предоставляемую питомцу самому пробовать и разбираться въ вещахъ, иногда указывая ему путь къ пимѣ, иногда заставляя его ломать ледъ собственными руками; мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ не одинъ придумывалъ и т. д., я слушаю бы также и то, что говорить воспитанникъ». — *Essais*.

поведение отнюдь не должно противоречить его правиламъ, если онъ не хочетъ испортить воспитанника. Бездѣльно со стороны воспитателя толковать обѣ обузданіи страстей, если самъ онъ разнуздывается ихъ; тщетно онъ будетъ стараться исправить какой-нибудь порокъ или неприличие своего питомца, разъ позволяетъ ихъ себѣ. Дурные примѣры действуютъ сильнѣе хорошихъ правиль; а потому онъ долженъ тщательно оберегать своего питомца отъ дурныхъ прецедентовъ, особенно отъ опаснѣйшихъ изъ всѣхъ, отъ примѣровъ прислуги; отъ этой компании надо его удалять и запрещеніями, которая только подстрекнѣтъ его, а другими средствами, на которыхъ я указывалъ.

90. Во всемъ дѣлѣ воспитанія нѣть ничего, что такъ мало со-
блюдается и что такъ трудно осуществить, какъ то, о чмъ я напи-
ревъ теперь говорить; именно, чтобы ребенокъ съ самаго начала
имѣлъ подъ себя разсудительного, трезваго, мало того,—мудраго
человѣка, на которомъ бы лежала забота вести его правильно и обе-
регать отъ всего, особенно отъ заразы дурнаго общества. Я думаю,
что эта область требуетъ большой трезвости, умѣренности, нѣжности,
усердія и осмотрительности—качества, которыхъ врядъ ли можно найти
въ ихъ совокупности у лицъ, обычно служащихъ за жалованье, да и
вообще не легко найти. Что касается расходовъ, то, мнѣ кажется,
не можетъ быть лучшей затраты денегъ, чмъ на воспитаніе дѣтей; и
потому, хотя бы расходы оказались выше обычныхъ, они не могутъ
считаться чрезмѣрными. Тотъ, кто какой бы то ни было цѣной до-
ставляетъ своему ребенку хорошую душу, вооруженную добрыми
принципами, испытанную въ добродѣтели и полезной дѣятельности и
украшенную вѣжливостью и благовоспитанностью, дѣлаетъ для него
лучшую покупку, чмъ если бы онъ затратилъ деньги на прибавку
новыхъ земель къ своему имѣнію. Экономьте, сколько вамъ угодно,
на игрушкахъ и забавахъ, на шелкахъ и лентахъ, на кружевахъ и
другихъ безполезныхъ затратахъ; но не жалѣйте денегъ на такую не-
обходиющую вещь, какъ эта. Плохая экономія надѣлаетъ его богатымъ
состояніемъ и бѣдной душой. Мнѣ часто случалось съ удивленіемъ
наблюдать, какъ люди щедро тратятъ деньги, доставляя своимъ дѣ-
тямъ нарядные костюмы, роскошное помыканіе и столь, безполезную
прислугу, и въ то же время предоставляютъ ихъ душамъ голодать и
не заботятся прикрыть ихъ постыднѣйшую наготу, то есть природныя
дурныя наклонности и невѣжество. По моему, это значитъ приносить
дѣтей въ жертву своему тщеславию; я вижу въ этомъ больше гор-
дости, чмъ дѣйствительной заботы о благѣ дѣтей: все, что вы за-
тратите на пользу души вашего сына, покажеть вашу искреннюю
привязанность, хотя бы повело къ уменьшению его состоянія. Разум-
ный и добрый человѣкъ не можетъ не быть великимъ и счастливымъ,
какъ въ дѣйствительности, такъ и въ мнѣніи другихъ; но глупый или
порочный не можетъ быть ни великимъ, ни счастливымъ, какое-бы
вы ни оставили ему состояніе; и я спрашиваю васъ, не предпочтете-ли
вы, чтобы вашъ сынъ былъ такимъ, какъ нѣкоторые известные вамъ
люди съ доходомъ въ пятьсотъ фунтовъ, чмъ такимъ, какъ иные съ
доходомъ въ пять тысячъ?

91. Поэтому расходы не должны останавливать тѣхъ, кто въ состояніи ихъ сдѣлать. Главное затрудненіе—найти подходящаго человѣка; такъ какъ люди молодыхъ лѣтъ и незначительныхъ способностей и добродѣтелей не годятся для этого дѣла, а люди болѣе значительные врядъ-ли согласятся взять на себя подобную обязанность. Вы должны, поэтому, искать заблаговременно и освѣдомляться повсюду, такъ какъ на свѣтѣ есть всякаго рода люди. Миѣ помнится, Монтзѣнъ говорить въ одномъ изъ своихъ опытовъ, что ученый Касталіо¹⁾ принужденъ былъ заниматься въ Базелѣ вырѣзываніемъ кухонныхъ

1) Въ какомъ изданіи или въ какой части опыта Леккъ цитируетъ на этотъ авекдотъ, я не могу найти; вѣроятно, онъ нашелъ его въ примѣчаніи къ какому нибудь изъ старыхъ англійскихъ переводовъ. Можно бы было ожидать, что въ дневникѣ Монтзѣна (опубликованномъ спустя сто восемьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти) найдется упоминаніе о бѣдности Касталіо, въ томъ мѣстѣ, где онъ говоритъ о Бадельскихъ ученикахъ, по случаю своего проѣзда черезъ этотъ городъ по пути въ Италию (т. i. р. р. 44—58); но это имя здѣсь вовсе не упоминается. О его крайней бѣдности и голодавіи впрочемъ упоминается, но безъ всякихъ указаний на вырываніе кухонныхъ досокъ (trencher: доски для мяса) въ «Опытахъ» (т. i. сн. 34, т. ii. р. 270) тамъ, где онъ жалуется на отсутствіе въ Европѣ чеголибо подобного нашей системѣ обѣльевъ, которая и нынѣ нуждается во многихъ улучшеніяхъ. «Къ великому позору нашего вѣка», замѣчаетъ онъ, «я узнаю, что двое превосходящихъ ученыхъ мужей умерли на нашихъ глазахъ отъ неимѣнія средствъ утолить свой голодъ: Лиліусъ Грегоріусъ Джиральдусъ въ Италии и Себастіанусъ Касталіо въ Германіи. Я думаю, однако, что нашлись бы тысячи лицъ, которымъ, зная обѣихъ положеній, пришли бы ихъ въ свой домъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ или помогли бы имъ на мѣстѣ. Свѣтъ не такъ ужъ испорченъ и я знаю многихъ лицъ, которыхъ искренно желали бы употреблять богатство, полученнное ими отъ предковъ—пока судьбы угодно оставлять его въ ихъ рукахъ—на избавленіе отъ бѣдности необыкновенныхъ и замѣчательныхъ людей, которыхъ влая судьба доводить иногда до последней крайности; или по крайней мѣрѣ на обезлечение имъ такихъ условій, при которыхъ ихъ счастье зависѣло бы только отъ ихъ собственного разумма». Относительно Джиральдуса Монтзѣнъ ошибся, такъ какъ онъ умеръ не отъ голода, а отъ подагры, и оставилъ значительное состояніе (см. его жизнъ, Орга, folio, Jensii Prolegom. i. 12. Roscoe, Leo X. Vol. i V. p. 180). Ст. Дж.

Себастіанъ Касталіонъ или Шастильонъ родился въ Дофинѣ въ 1515 г. Онъ рано приобрѣлъ знаніе древнихъ языковъ иоказалъ особенные успѣхи въ греческомъ и еврейскомъ. Одно время онъ былъ профессоромъ по Женевѣ, но скора съ Кальвиномъ изъ-за религіозныхъ вопросовъ засталъ его покинуть этотъ городъ и поселиться въ Базелѣ, где онъ посвятилъ себѣ преподаванію греческаго языка и писанию различныхъ произведеній, пишнымъ образомъ на религіозныя темы. Главный трудъ его полный переводъ Библіи съ греческаго и еврейскаго на латинскій языкъ, изданный въ 1541 и послѣдній нашему (англійскому) королю Эдуарду VI. Онъ издалъ французскій переводъ въ 1565. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ крайней бѣдности и умеръ въ 1563. Говорятъ, что подъ старость онъ часто ходилъ на берегъ Рейна или Бирса во время половодья и вылавливалъ малкой съ крючкомъ дрова и хворостъ, ильвишія по рѣкѣ, чтобы додѣлать тощливо для своей семьи (Реппур Суслораедіа). См. статью «Касталіонъ» въ Dictionnaire Байля, где упоминается, что Касталіону приходилось дѣлить свое время между учеными занятиями и обработкой земли. //.

досокъ чтобы не умереть съ голода, межъ тѣмъ, какъ отецъ Монтэни не пожалѣть-бы никакихъ денегъ, чтобы имѣть такого воспитателя для своего сына, а Касталіо охотко согласился-бы взять на себя подобную обязанность на разумныхъ условіяхъ; но это не могло состояться за неосвѣдомленностью.

92. Если окажется затруднительнымъ найти такого воспитателя, какой желательнъ,— не удивляйтесь этому. Могу сказать одно: не жалѣйте хлопотъ и издержекъ, чтобы добыть такого. Этимъ способомъ можно все достать; и смыю васъ увѣрить, что если вы добудете хорошаго воспитателя, то никогда не пожалѣете обѣ издержкахъ; и всегда будете съ удовольствиемъ сознавать, что именно эти деньги затрачены съ наибольшою пользой. Только ни въ какомъ случаѣ не берите никакого по совѣту друзей, или изъ состраданія, или полагаясь на громкія похвалы. Мало того, если вы хотите сдѣлать, какъ слѣдуетъ, то и репутація разсудительного человѣка съ большимъ запасомъ учености (что обыкновенно требуется отъ воспитателя) окажется для васъ недостаточной. При этомъ выборѣ будьте такъ же осмотрительны, какъ при выборѣ жены для своего сына, такъ какъ вамъ не слѣдуетъ расчитывать на позднѣйшее испытаніе или перемѣну; это причинить вамъ большое неудобство, а вашему сыну еще большее. Раздумывая о рекомендуемыхъ мною предосторожностяхъ и разборчивости, я нахожу, что выходить, будто я совѣтую вамъ такое дѣло, которое можно предложить, но нельзя исполнить. Но всякий, кто приметъ въ соображеніе, какъ мало общаго имѣть дѣло воспитателя, нравильно поставленное, съ обычной практикой, какъ далеко оно отъ взглядовъ большинства даже тѣхъ, которые посвящаютъ себя этому занятію, быть можетъ, согласится со мной, что человѣка, способнаго образовать и воспитать душу молодого джентльмена, не встрѣтишь на каждомъ шагу, и что требуются не совсѣмъ обычные заботы при его выборѣ, иначе вы рискуете промахнуться.

93. Качества разсудительного и ученаго человѣка,— вотъ чего требуетъ, какъ я уже замѣтилъ выше, всякий отъ воспитателя. Это, вообще говоря, считается достаточнымъ, и представляеть все, чѣмъ обычно ищутъ родители. Но когда такой господинъ нагрузить своего питомца всей латынью и логикой, которыми вынесь изъ университета,— сдѣлается ли тотъ, благодаря такому снаряженію, добропорядочнымъ джентльменомъ? И можно ли ожидать, что онъ окажется болѣе благовоспитаннымъ, болѣе свѣдучимъ въ обычаяхъ свѣта, болѣе проникнутымъ начальами и основаніями истинной добродѣтели и благородства, чѣмъ его молодой воспитатель?

Чтобы образовать молодого джентльмена, какимъ ему слѣдуетъ быть, самъ воспитатель долженъ быть благовоспитаннымъ, знать правила обхожденія и формы вѣжливости по отношенію ко всему разнобразію лицъ, временъ и мѣстъ, и заставлять своего питомца соблюдать ихъ, поскольку этого требуетъ его возрастъ. Этому искусству нельзя научиться изъ книгъ. Его могутъ дать только хорошее общество и наблюдательность. Портной можетъ одѣть по модѣ, таяцмей-

стеръ—придать грацију движеніямъ; но это хотя и служить къ украшению, однако еще не создаетъ благовоспитанного джентльмена. Нѣтъ,—если даже овь напичканъ ученостью, которая, при дурномъ направленіи, дѣлаетъ его еще болѣе нахальнымъ и невыносимымъ въ обществѣ. Благовоспитанность придаетъ блескъ его остальнымъ хорошимъ качествамъ, и дѣлаетъ ихъ полезными для него, доставляя ему уваженіе и расположение всѣхъ, кто сталкивается съ нимъ. При отсутствіи хорошаго воспитанія его другія достоинства пріобрѣтаютъ ему только репутацію гордеца, надутаго, тщеславнаго или глупаго человѣка.

Смѣлость дурно воспитанаго человѣка производить впечатлѣніе грубости. Ученость становится педантизмомъ; остроуміе—шутовствомъ; простота—неотесанностью; добродушіе—льстивостью. И нѣтъ такого достоинства, котораго недостатокъ воспитанія не показалъ бы и не изуродовалъ къ ущербу его обладателя. Даже добродѣтель и таланты, хотя бы они нашли достодолжное признаніе, не всегда оказываются достаточными, чтобы обеспечить человѣку хороший приемъ и сдѣлать его желаннымъ гостемъ всюду. Никто не удовольствуется неотдѣляемыми алмазами и не станетъ носить ихъ въ такомъ видѣ, если хочеть явиться наряднымъ. Они блестятъ только, когда отшлифованы и оправлены. Хорошія качества существенное богатство души, но хорошее воспитаніе служитъ для нихъ оправой: и тотъ, кто желаетъ быть принятymъ въ обществѣ, долженъ придавать своимъ поступкамъ не только силу, но и красоту. Основательности или даже полезности еще недостаточно: изящная манера и форма во всемъ украшаютъ и привлекаютъ. Въ большинствѣ случаевъ, манера дѣйствовать даже важнѣе самого дѣйствія, и отъ нея зависитъ вызванное послѣднимъ удовольствие или неудовольствие. Но хотя эта манера, которая заключается не въ искусствѣ снимать шляпу или отпускать комплименты, а въ надлежащей и свободной непринужденности языка, взглядовъ, жестовъ, позы и проч., и можетъ быть усвоена только путемъ привычки и практики, не по плечу дѣтямъ и не можетъ быть требуема отъ маленькихъ, однако, молодой джентльменъ долженъ приняться за ея усвоеніе и въ значительной степени усвоить, пока находится подъ руководствомъ воспитателя, раньше, чѣмъ выступить въ свѣтъ на собственныхъ ногахъ, такъ какъ въ это время обыкновенно уже поздно надѣяться на исправленіе различныхъ привычекъ неблаговоспитанности, проявляющихся въ мелочахъ. Манера держать себя не такова, какою она должна быть, пока она не сдѣлалась совершенно естественной, находящей гармоническіе тоны, какъ пальцы искуснаго музыканта, безъ всякаго усилия и обдумыванія. Если умъ человѣка, находящагося въ обществѣ, не направляется его манерой держать себя, а наоборотъ, занятъ безцокойнымъ наблюденіемъ за нею, то его поведеніе будетъ принужденнымъ, неловкимъ и непріятнымъ.

Кромѣ того, эту сторону необходимо образовать трудами и попечениемъ воспитателя, такъ какъ промахи въ отношеніи благовоспитанности раньше всѣхъ замѣчаются другими, но послѣ всѣхъ указываются человѣку; не потому, чтобы свѣтское злословіе не спѣшило

болтать о нихъ; а потому что эта болтовня всегда происходит за спиной того, кто могъ бы воспользоваться отзывами другихъ и исправить свои недостатки соответственно ихъ критикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, это такой щекотливый пунктъ, что даже друзья, желающіе исправить эти недостатки, съ трудомъ рѣшаются заводить рѣчъ о нихъ и говорить тому, кого они любятъ, что онъ проявилъ въ такомъ то и такомъ то случаѣ неблаговоспитанность. Промахи въ другихъ отношеніяхъ часто можно указать человѣку въ вѣжливой формѣ; и исправленіе его ошибокъ не будетъ нарушеніемъ хорошихъ манеръ или дружбы; но сама благовоспитанность не позволяетъ человѣку касаться этого пункта и намекать другому, что онъ показалъ себя невоспитаннымъ. Такія указанія могутъ исходить только отъ тѣхъ, кто пользуется авторитетомъ надъ нимъ, да и съ ихъ стороны покажутся чересчуръ грубыми и рѣзкими взрослому человѣку; и, хотя бы высказанныя въ самой мягкой формѣ, придется не по вкусу тому, кто хоть немножко пожилъ въ свѣтѣ. Отсюда слѣдуетъ, что эта часть должна быть предметомъ главной заботы воспитателя, чтобы привычное изящество и вѣжливость въ обхожденіи укоренились въ его питомцѣ, прежде чѣмъ онъ выйдетъ изъ его рукъ, и чтобы онъ не нуждался въ совѣтахъ по этому пункту, когда у него не будетъ ни времени, ни охоты воспользоваться ими, да и не будетъ при немъ и человѣка, который могъ бы ихъ давать. Слѣдовательно, воспитатель прежде всего долженъ быть благовоспитаннымъ человѣкомъ; и молодой джентльменъ, который усвоитъ отъ своего гувернера хотя бы одно это качество, будетъ надѣленъ большимъ преимуществомъ, и убѣдится, что одно это достоинство шире откроетъ ему дорогу, доставить больше друзей и обеспечить больший успѣхъ въ свѣтѣ, чѣмъ всѣ мудреные слова или реальное званіе, которое онъ почерпнетъ изъ свободныхъ искусствъ или изъ ученой энциклопедіи своего воспитателя. Это не значитъ, что послѣдними нужно иренебрегать, но ни въ коемъ случаѣ имъ не слѣдуетъ оказывать предпочтение или допускать, чтобы они пріобрѣтались на счетъ указанного достоинства.

94. Кроме благовоспитанности, воспитатель долженъ обладать знаніемъ свѣта; онъ долженъ быть хорошо знакомъ съ обычаями, нравами, причудами, плутнями, недостатками своего вѣка, а особенно страны, въ которой живеть. Онъ долженъ умѣть указать ихъ своему воспитаннику, поскольку тотъ способенъ уразумѣть ихъ; научить его разбираться въ людяхъ и ихъ повадкахъ; срывать маски, которыми прикрываютъ ихъ различныя профессіи и притязанія, и различать то, что лежитъ на днѣ подъ этой виѣнностью, чтобы онъ не могъ, какъ это бываетъ съ неопытными молодыми людьми, не получившими предостереженія, принимать одну вещь за другую, судить по наружности и поддаваться показному блеску, обольщаться заскочными манерами или любезной услугливостью. Воспитатель долженъ научить своего питомца угадывать намѣренія людей, съ которыми онъ имѣть дѣло, и осторегаться ихъ, не высказывая ни чрезмѣрной подозрительности, ни чрезмѣрного довѣрія; а такъ какъ молодой человѣкъ по

натурѣ въ высшей степени склоненъ къ односторонности, то съ-
дуетъ поправлять его и отвлонять въ другую сторону. Онъ долженъ
приучать его составлять себѣ насколько возможно правильное пред-
ставление о людяхъ по тѣмъ признакамъ, которые всего лучше ука-
зываютъ, что они такое, и разоблачаютъ ихъ внутреннюю природу,
причёмъ часто проявляются въ мелочахъ, особенно когда эти люди
не въ парадѣ и не на чесу. Онъ долженъ ознакомить его съ истин-
ицъ состояніемъ свѣта, и внушить ему привычку не считать челове-
ка лучшимъ или худшимъ, болѣе умнымъ или болѣе глупымъ, чѣмъ
онъ есть въ дѣйствительности. Такъ, съ безопасной и нечувствитель-
ной постепенностью, воспитанникъ перейдетъ отъ состоянія реберка
къ состоянію взрослаго; самый критический шагъ во всемъ течениіи
жизни. Поэтому за нимъ нужно тщательно следить и съ особеннымъ
усердіемъ руководить молодымъ человѣкомъ въ этотъ моментъ, а не
выпускать его, какъ это обыкновенно дѣлается, сразу изъ подъ опеки
воспитателя въ свѣтъ, за собственный рискъ и страхъ, не безъ явной
опасности немедленной порчи; въ самомъ дѣлѣ, итъ болѣе обыкно-
венного явленія, чѣмъ примѣры крайней распущенности, сумазброд-
избавятся отъ дисциплины суроваго и строгаго воспитанія, что, по
моему мнѣнію, можно поставить въ вину, главнымъ образомъ, ложному
воспитаніи, особенно въ циничномъ пункѣ; такъ какъ
ности свѣтъ, и найдя его совершенно не такими, какимъ воображали
на основаніи всего, что имъ толковали о немъ, они легко поддаются
наставлению иного сорта воспитателей, которыхъ безъ сомнѣнія
встрѣтятъ и которые постараются убѣдить ихъ, что тяготѣвшая надъ
ними дисциплина и читавшіяся имъ лекціи — простая формальность
воспитанія и мѣры къ обузданію дѣтей; что свобода, принадлежащая
взрослымъ, заключается въ широкомъ и неограниченномъ пользова-
ніи всѣмъ, что раньше запрещалось имъ. Они показываютъ пови-
чованія, которое сразу ослѣпляетъ его. Моя юный джентльменъ, ра-
зумѣется, не прочь показать себя такимъ же взрослымъ, какъ любой
изъ его блестящихъ сверстниковъ, и съ этой целью пускается во
приобрѣтѣ репутацию молодца, отбрасывая срамость и умѣрен-
ность, которыми внушились ему воспитатели; и считаетъ съ своей
стороны молодечествомъ озnamеновать свои первые шаги въ свѣтѣ
зарушеніемъ всѣхъ правилъ добродѣти, проповѣдывавшихся **ему**
въ воспитателемъ. По моему мнѣнію, одно изъ лучшихъ средствъ пре-
одолѣть это зло — показать ему свѣтъ, каковъ онъ есть, прежде
чѣмъ онъ вступить въ него. Надо постоянно извлекать его съ
ими пороками и предостеречь противъ пододовъ и плановъ,
которые поставлять своей задачей разрушить его. Ему нужно
чтобы ухищренія, къ которымъ они пребываютъ, и о съ-
которыми они разставляютъ; а времѣнь отъ времони выводить.

передъ его глазами трагические или смѣшные примѣры тѣхъ, котоыре гибнутъ или гибли на этомъ пути. Врядъ-ли въ нашемъ вѣкѣ окажется недостатокъ примѣровъ подобного рода, которая нужно сдѣлать для него предохранительными знаками, чтобы разочарованіе, болѣзнь, нищета и позоръ многообѣщающихъ молодыхъ людей, доведенныхыхъ, такимъ образомъ, до гибели, могли послужить для него предостереженіемъ и раскрыть очи глаза на тѣхъ, которые подъ предлогомъ дружбы и уваженія толкали ихъ на путь гибели и помогали ихъ грабить, пока они разорялись, а затѣмъ отвернулись отъ нихъ съ презрѣніемъ и осужденіемъ. Пусть онъ увидитъ, прежде чѣмъ купить это слишкомъ дорогимъ опытомъ, что тѣ, которые убѣждаютъ его не слѣдовать разумнымъ советамъ воспитателей, а положиться на собственный разсудокъ, которымъ будто-бы руководили до сихъ поръ другіе, дѣлаютъ это только для того, чтобы имѣть возможность самимъ руководить имъ; и увѣряютъ его, будто онъ дѣйствуетъ какъ самостоятельный человѣкъ, по собственному усмотрѣнію и для собственного удовольствія, когда на самомъ дѣлѣ онъ какъ малый ребенокъ увлекается ими въ пороки, наилучше служаще ихъ интересамъ. Вотъ знаніе, которое воспитатель долженъ стараться внушить ему при всякомъ удобномъ случаѣ, добиваясь всѣми способами, чтобы онъ вполнѣ уразумѣль и усвоилъ его.

Часто говорятъ, что открывать молодому человѣку пороки вѣка значитъ научить его этимъ порокамъ. Правда, такъ оно и бываетъ весьма часто въ зависимости отъ того, какъ это дѣлается; оттого-то и нуженъ для этого разсудительный человѣкъ, который знаетъ свѣтъ и можетъ судить о темпераментѣ, наклонностяхъ и слабыхъ сторонахъ своего питомца. Даѣше надо помнить, что теперь невозможно (какъ, можетъ быть, было возможно ранѣе) удержать молодого человѣка отъ порока, оставляя въ невѣденіи о немъ, если только вы не рѣшили продержать его всю жизнь взаперти, никогда не пуская въ общество. Чѣмъ дольше онъ будетъ оставаться съ завязанными глазами, тѣмъ меныше будетъ видѣть, когда выйдетъ изъ дома на вольный свѣтъ и тѣмъ болѣе будетъ подвергаться опасности сдѣлаться добычей себя самого и другихъ. Такой взрослый птенецъ, лишь только онъ появится со всею степенностью, вынесенною изъ роднаго гнѣзда, непремѣнно привлечь на себя взоры и крики всей городской стаи, среди которой найдется не мало хищныхъ птицъ, готовыхъ пуститься за нимъ въ погоню.

Единственная защита отъ свѣта есть основательное знаніе его, которое нужно сообщать молодому человѣку постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ становится способнымъ усвоять его; и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, разъ онъ находится въ надежныхъ и искуссныхъ рукахъ. Слѣдуя нужно открывать по-немногу и вводить его шагъ за шагомъ, указывая опасности, ожидающія его со стороны людей разныхъ знаний, характеровъ, намѣреній и кружковъ. Слѣдуетъ подготовить его къ тому, что иные будутъ задирать его, другие ласкать; указать ему, кто, по всей вѣроятности, будетъ враждовать съ нимъ, кто направлять

его на ложный путь, кто подкапываться подъ него, и кто оказывать ему услуги. Онъ долженъ научиться узнавать и различать ихъ; долженъ знать, когда ему слѣдуетъ дать имъ понять, что онъ видить ихъ цѣли; когда слѣдить видѣть, что онъ не догадывается обѣ ихъ планахъ и махинаціяхъ. Если же онъ окажется черезезчуръ склонными полагаться на свою силу и умѣнье, то досада и непріятность неудачи, если она не причиняетъ ущерба его невинности, здоровью или репутациіи, можетъ быть недурнымъ средствомъ научить его осторожности.

Конечно, эта существенная часть мудрости не можетъ быть продуктомъ поверхностнаго мышленія или начитанности, а является результатомъ опыта и наблюденія человѣка, который живетъ въ свѣтѣ съ открытыми глазами и имѣть сношенія со всякаго рода людьми; поэтому я и считаю въ высшей степени важнымъ сообщать его молодому человѣку при всякомъ удобномъ случаѣ, чтобы, когда придется его время пуститься въ море житейское, онъ не оказался бы безъ направлениія, компаса и карты; но ознакомился бы заранѣе съ подводными камнями, теченіями и движущимися песками, и умѣть бы хоть немного править рулемъ, чтобы не потонуть прежде, чѣмъ пріобрѣтенъ опытъ. Тотъ, кто не считаетъ этого болѣе важнымъ для своего сына и болѣе требующимъ воспитателя, чѣмъ языки и науки, забываетъ, что умѣть правильно судить о людяхъ и разумно вести дѣла съ ними гораздо важнѣе умѣнія говорить по латыни и по гречески и разсуждать о модусѣ и фигурахъ¹⁾, или переполненія головы абстрактными спекуляціями натуральной философіи и метафизики; важнѣе даже основательного знакомства съ греческими и римскими писателями, хотя обладать имъ гораздо полезнѣе для молодого джентльмена, чѣмъ быть хорошимъ перипатетикомъ²⁾ или картезіанцемъ³⁾, такъ какъ древніе авторы умѣли наблюдать и изображать человѣчество и внесли много свѣта въ этотъ родъ знаній. Тотъ, кто отправится въ восточные области Азіи, найдетъ тамъ способныхъ и достойныхъ людей, не имѣющихъ понятія обо всемъ этомъ; но безъ добродѣтели, знанія свѣта и вѣжливости нигдѣ нельзя быть почтеннымъ и достойнымъ человѣкомъ.

Большая часть знаній, преподаваемыхъ въ настоящее время въ европейскихъ школахъ и входящихъ обыкновенно въ кругъ воспитанія, такова, что джентльменъ можетъ прекрасно обойтись безъ нея, безъ особенного вреда для себя или ущерба для своихъ дѣлъ. Но благоразуміе⁴⁾ и благовоспитанность необходимы во всѣхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ жизни; а большинство молодыхъ людей

¹⁾ Т. е. о формахъ и видахъ саллогизма. Пер.

²⁾ Послѣдователи Аристотеля.

³⁾ Послѣдователи Декарта.

⁴⁾ «Кампѣ вспоминаетъ по этому поводу замѣчаніе Галена (De Aff. Cagandis): «постыдно, что мы работаемъ и трудимся непрерывно многіе годы съ цѣлью сдѣлаться хорошими грамматиками, ораторами, математиками или врачами, и не дѣлаемъ ничего, чтобы стать хорошими людьми». III.

страдаютъ ихъ недостаткомъ, и именно по этой причинѣ вступаютъ въ свѣтъ болѣе неумѣлыми и неловкими, чѣмъ могли бы быть, такъ какъ эти качества, которыя нужно всѣхъ остальныхъ и особенно нуждаются въ помоши и поддержкѣ со стороны учителя, остаются въ пренебреженіи и составляютъ лишь маловажную часть задачи воспитателя или вовсе не входятъ въ его обязанности. Хлопочать только о латынѣ и ученоosti; и главныя усиія направлены на достиженіе успѣховъ въ такихъ вещахъ, большая часть которыхъ не имѣть никакого отношенія къ призванию джентльмена, требующему познаній дѣлового человѣка, поведенія, приличествующаго званію, и умѣнья быть полезнымъ своей странѣ соотвѣтственно своему положенію. Если часы досуга, остающіеся отъ обычныхъ занятій, или стремленіе усовершенствоваться въ какихъ-либо отрасляхъ знанія, съ которыми воспитатель ознакомилъ его лишь слегка, побудить его къ занятіямъ, то начальныя свѣдѣнія, усвоенные имъ раньше, укажутъ путь, по которому онъ и можетъ зайти такъ далеко, какъ пожелаетъ его фантазія или позволять его способности. Если онъ желаетъ сократить себѣ время и трудъ при помощи учителя, который будетъ помогать ему въ затруднительныхъ случаяхъ, то можетъ взять человѣка, вполнѣ освѣдомленного въ данной области, или такого, котораго найдетъ подходящимъ для своихъ цѣлей. Но для того, чтобы ознакомить питомца съ какой-либо отраслью знанія, насколько это необходимо при обычномъ ходѣ занятій молодого ~~человѣка~~, достаточно обыкновенныхъ познаній гувернера. Вовсе и ~~не~~ нужно, чтобы онъ былъ глубокимъ ученымъ или въ совершеніи владѣлъ всѣми науками, съ которыми молодому джентльмену слѣдуетъ познакомиться въ формѣ общаго обзора или краткой системы. Джентльменъ, который пожелалъ бы глубже проникнуть въ науку, долженъ добиваться этого собственными дарованіями и усердіемъ; такъ какъ никто еще не заходилъ далеко въ области знанія и не достигалъ выдающихся успѣховъ въ наукахъ, благодаря дисциплинѣ и принужденію со стороны наставника.

Великая задача воспитателя выработать поведеніе и образовать душу; укоренить въ питомцѣ хорошія привычки и начала добродѣтели и мудрости; сообщить ему мало-по-малу понятіе о человѣчествѣ и внушить любовь и стремленіе къ тому, что прекрасно и достойно похвалы, а также дать ему силу, бодрость и усердіе въ преслѣдованіи этихъ цѣлей. Занятія, которыхъ онъ требуетъ отъ него, служать только для упражненія способностей и заполненія времени, чтобы оберечь его отъ шалопайства и лѣности, научить прилежанію, пріучить къ усилиямъ и дать иѣкоторое понятіе о томъ, въ чёмъ онъ долженъ усовершенствоваться съ помощью собственнаго рвенья. Вѣдь никто не ожидаетъ, что подъ руководствомъ воспитателя молодой джентльменъ сдѣлается заправскимъ критикомъ, оратомъ или логикомъ, постигнетъ глубины метафизики, натуральной философии или математики, или въ совершенствѣ овладѣеть исторіей и хронологіей. Правда, ему слѣдуетъ сообщить кое-какія свѣдѣнія по

всѣмъ этимъ наукамъ: но лишь съ цѣлью отворить дверь, чтобы онъ могъ заглянуть въ нее и, такъ сказать, свести знакомство съ обитателями, однако не засиживаться у нихъ; заслуживаетъ строгаго порицанія тотъ воспитатель, который задерживаетъ своего питомца слишкомъ долго и заводить слишкомъ далеко въ большинствѣ этихъ наукъ. Но благо-воспитанность, знаніе свѣта, добродѣтель, усердіе (*industry*) и любовь къ добруму имени никогда не могутъ оказаться въ избыткѣ; и тотъ, кто обладаетъ ими, не будетъ долго терпѣть недостатка во всемъ остальномъ, что ему потребно или желательно.

Такъ какъ нельзя надѣяться, что у него хватитъ времени и силы изучить все, то нужно приложить наибольшія усилия къ тому, что особенно необходимо; и обращать главное вниманіе на то, что, всего болѣе и всего чаще понадобится для него въ свѣтѣ.

Сенека жалуется на противоположную практику, господствовавшую въ его времена; а между тѣмъ Бургердицусы и Шейблеры¹⁾ не развелись еще въ тѣ дни въ такомъ обиліи, какъ нынѣ. Что бы онъ подумалъ, еслибы жилъ теперь, когда воспитатели считаютъ своей главной обязанностью переполнять занятія и головы своихъ питомцевъ подобными авторами? У него было-бы гораздо больше оснований сказать: *Non vita sed schola discipula*, «мы учимся не для жизни, а для диспутовъ»²⁾; такъ какъ наше воспитаніе подготовляетъ настѣнѣ скорѣ для университета, чѣмъ для жизни. Не удивительно, впрочемъ, что тѣ, которые создаютъ моду, приспособляютъ ее къ тому, чѣмъ сами обладаютъ, а не къ тому, что требуется для ихъ питомцевъ. А разъ установилась мода, никто не найдетъ страннымъ, что она преобладаетъ въ этомъ, какъ и вдругихъ дѣлахъ; и что большинство тѣхъ, которые находятъ выгоднѣмъ подчиняться ей, не преминутъ обвинить въ ереси всякаго, кто отступаетъ отъ нея. При всемъ томъ, нельзя не подивиться, что выдающіеся и даровитые люди доходятъ до такихъ заблужденій подъ вліяніемъ обычай и слѣпой вѣры. Посовѣтуйся они съ разумомъ, оно указалъ-бы имъ на то, что можетъ оказаться для нихъ полезнѣмъ, когда они будутъ взрослыми, а не на забиваніе ихъ головъ кучей хлама, большая часть котораго обыкновенно забываетъ ими (несомнѣнно, она никогда не понадобится имъ) на всю остальную жизнь; а то, что остается въ памяти, служить только къ ихъ вреду. Это настолько общезнѣально, что я ссылалось на самихъ родителей, тратившихъ деньги на обученіе своихъ юныхъ наслѣдниковъ: не покажутся ли ихъ сыновья смѣшными,

¹⁾ Бургердицусы и Шейблеры, писатели по логикѣ и метафизикѣ, учебники которыхъ пользовались большой популярностью во времена Локка. Галламъ замѣчаетъ мимоходомъ во поводу первого: «Изъ сочиненій по логикѣ въ 16 столѣтіи наиболѣшую славу приобрѣли труды Смиледіуса, Бургердицуса и нашего соотечественника Крауканторпа: все они процвѣтали, если можно такъ выражаться о тѣхъ, которые никогда не приносили цѣловъ, въ началѣ слѣдующаго вѣка». (*Lit. Hist. iii, 5.* 4).

²⁾ Точно: «Мы учимся не для жизни, а для школы»—жалоба, которой заканчивается 106 письмо Сенеки къ Люцилію. Это мѣсто начинается: «Въ наукахъ, какъ и во всемъ, мы страдаемъ отъ избытка, и проч.» III.

если сохранять отпечатокъ этого сорта учености при своемъ выступлении въ свѣтъ? Не уронить ли ихъ въ глазахъ общества всякое проявление этой послѣдней? Хорошо пріобрѣтие, которое конфузить людей, когда имъ особенно важно проявить свои таланты и воспитаніе,—оно дѣйствительно заслуживаетъ быть предметомъ воспитанія!

Есть и другая причина, въ силу которой вы должны обращать вниманіе при выборѣ воспитателя на вѣжливость манеръ и знаніе свѣта; та именно, что способный человѣкъ зреѣлыхъ лѣтъ можетъ сообщить мальчику достаточныя свѣдѣнія въ любой изъ упомянутыхъ наукъ, хотя бы самъ не обладалъ въ нихъ глубокими знаніями¹⁾). Книги доставлять ему нужно знанія и возможность идти впереди своего юного питомца; но тотъ, кто хромаетъ въ отношеніи знанія свѣта, а особенно благовоспитанности, никогда не сообщить этихъ вещей другому.

Этимъ знаніемъ онъ долженъ обладать,—знаніемъ, вошедшемъ въ его натуру, благодаря практикѣ и общенію съ людьми, и продолжительной работѣ надъ самимъ собою, съ помощью наблюденій надъ тѣмъ, что разрѣщается и требуется въ лучшемъ обществѣ. Этого знанія, если онъ самъ не обладаетъ имъ, ему нѣгдѣ будетъ заимствовать для надобностей своего питомца; если-же ему и удастся найти въ книгахъ толковыя указанія, касающіяся всѣхъ деталей поведенія англійскаго джентльмена, то его собственный дурной примѣръ, разъ онъ не получилъ хорошаго воспитанія, будетъ уничтожать всѣ его уроки; никто не можетъ выйти благовоспитаннымъ изъ неотесанной, дурно воспитанной кампаніи.

Говоря это, я вовсе не думаю, что такого воспитателя можно встрѣтить на каждомъ шагу или пріобрѣсти за обычное вознагражденіе; я думаю только, что тѣ, которые обладаютъ достаточными средствами не должны скучниться на поиски или издержки въ такомъ важномъ дѣлѣ; и что другіе родители, состояніе которыхъ не позволяетъ имъ платить большое жалованье, должны тѣмъ не менѣе помнить о томъ, что имъ слѣдуетъ главнымъ образомъ имѣть въ виду при выборѣ человѣка, которому они желаютъ поручить воспитаніе своихъ дѣтей; и на что главнымъ образомъ они должны обращать вниманіе въ отношеніи самихъ себя, пока дѣти находятся на ихъ попеченіи, и всякий разъ, когда они находятся на глазахъ у дѣтей; а не думать, что все заключается въ латыни и французскомъ языкахъ или въ сухихъ системахъ логики и философіи.

¹⁾ Никто не можетъ учить тому, чего онъ не знаетъ, и никто не можетъ учить хорошо, если онъ не знаетъ гораздо больше того, чему долженъ научить. Иногда утверждаютъ, что учителъ, который лишь немногого опередилъ своего ученика, способеъ лучше вникать въ его затрудненія, чѣмъ болѣе ученые преподаватели, которые забыли о затрудненіяхъ, представляющіхся дѣтямъ, и подвигаются быстрѣ, чѣмъ ихъ питомцы могутъ слѣдовать за пими. Въ этомъ есть доля истины; но тотъ, кто знаетъ предметъ только съ одной стороны, можетъ и преподавать его только съ одной стороны. Чтобы преподавать предметъ хорошо, нужно знать его досконально, и уметь представить ученикамъ съ наиболѣе доступной стороны, а въ случаѣ надобности—съ разныхъ сторонъ. Д.

(Отдѣль X, §§ 95—99).

(О близости родителей съ дѣтьми).

95. Но вернемся къ нашему методу. Хотя я упоминаю о суровости отца и почтительномъ страхѣ (awe), внушаемомъ имъ дѣтьми, пока они малы, какъ о главномъ орудіи воспитанія, но я далекъ отъ мысли, что это должно продолжаться все время, пока они подчишаются дисциплинѣ и опекѣ, какъ несовершеннолѣтнія; я думаю, что суровость должна ослаблиться¹⁾ въ той мѣрѣ, въ какой это будутъ допускать ихъ возрастъ, благоразуміе и хорошее поведеніе; думаю, даже, что отецъ хорошо сдѣлаетъ, если, когда сынъ подрастетъ и окажется достойнымъ того, будетъ дружески бесѣдоватъ съ нимъ; мало того, спрашивавъ его мнѣнія и совѣтоватъ съ нимъ о тѣхъ вещахъ, которыхъ доступны его знанію и пониманію. Этимъ способомъ отецъ выигрываетъ двѣ вещи, обѣ очень важныя. Во-первыхъ, это гораздо успѣшище будетъ побуждать его сына къ серьезнымъ размышеніямъ, чѣмъ всѣ правила и наставленія, которыхъ онъ можетъ ему дать. Чѣмъ скорѣе вы начнете относиться къ нему, какъ взрослому, тѣмъ скорѣе онъ начнетъ становиться таковymъ: и если вы будете иногда вступать съ нимъ въ серьезныя бесѣды, то будете этимъ самыми незамѣтно поднимать его душу надъ обычными развлечениями юности и тѣми пустыми занятіями, на которыхъ она обыкновенно тратится. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно замѣтить, что многие молодые люди дольше остаются школьниками по мысламъ и разсужденіямъ, чѣмъ оставались бы при другихъ условіяхъ,—потому что ихъ родители всѣмъ своимъ отношеніемъ къ нимъ удерживаютъ ихъ на этомъ разстояніи и въ этомъ низкомъ положеніи.

96. Другая очень важная вещь, которой вы достигнете такимъ способомъ обращенія съ ребенкомъ, это его дружба. Многіе отцы, щедро снабжая своихъ сыновей средствами, соотвѣтственно ихъ возрасту и положенію, скрываютъ отъ нихъ свое состояніе и свои дѣла такъ тщательно, какъ будто оберегаютъ государственную тайну отъ шпиона или непріятеля. Если даже это не имѣть характера недовѣрія, то все же тутъ чѣть признаковъ доброжелательства и сердечности, которыхъ отецъ долженъ проявлять по отношенію къ сыну, и безъ сомнѣнія это часто тормозитъ или ослабляетъ ту готовность и удовольствіе, съ какими сынъ долженъ обращаться къ отцу и полагаться на него. И я часто удивляюсь при видѣ отцовъ, которые иѣжно любятъ своихъ сыновей, но создаютъ такія отношенія своей постоянной холодностью, своимъ видомъ суроваго авторитета и неприступности, сохраняемыхъ всю жизнь, какъ будто не желаютъ ни радости, ни уѣхи отъ тѣхъ, кого любятъ больше всѣхъ на свѣтѣ, пока не лишатся ихъ, удалившись въ иной міръ. Ничто такъ не скрѣпляетъ

¹⁾ Этой системы держался отецъ Локка. Многія замѣчанія Локка по этому предмету предвосхищены Монтенемъ (см. *Essais* II, 8, *De l'affection des pères aux enfants*). Д.

и не упрочиваеть дружбы и расположениі, какъ довѣрчивое сообщеніе о дѣлахъ и предпріятіяхъ. Другія проявленія расположениія, при отсутствіи этого, всегда оставляютъ нѣкоторое сомнѣніе: но если вашъ сынъ видить, что вы открываете ему душу, если онъ находить, что вы стараетесь заинтересовать его вашими дѣлами, такъ какъ желаете, чтобы они со временемъ перешли въ его руки, то онъ заинтересуется ими, какъ своими собственными, будетъ терпѣливо ждать своего времени, и любить васъ за то, что вы не держите его на почтительномъ разстояніи, какъ посторонняго. Это покажеть ему также, что владѣніе доставляетъ вамъ не мало хлопотъ; а чѣмъ яснѣе онъ пойметъ это, тѣмъ менѣе станетъ завидовать вашему обладанію, и тѣмъ болѣе будетъ склоненъ считать себя счастливымъ на попеченіи такого любящаго друга и заботливаго отца. Брядъ ли найдется молодой человѣкъ, настолько скудоумный или лишенный смысла, что ему не доставить радости имѣть вѣрнаго друга, къ которому можно прибѣгнуть, съ которымъ можно свободно посовѣтоваться при случаѣ. Сдержанность и некриступность отцовъ лишаютъ сыновей этого прибѣжища, которое было бы для нихъ полезнѣе сотни выговоровъ и головомоекъ. Если вашъ сынъ приметъ участіе въ какой-нибудь проказѣ или увлечется какой-нибудь затѣй, то не лучше ли будетъ, если онъ сдѣлаетъ это завѣдомо для вѣсть, чѣмъ безъ вашего вѣдома? Разъ уже приходится дѣлать уступки молодымъ людямъ въ подобныхъ вещахъ, то чѣмъ большие вы будете знать о его затѣяхъ и планахъ, тѣмъ легче вамъ будетъ предотвратить серьезное зло; а, указывая ему на вѣроятныя послѣдствія поступка, вы найдете въ этомъ вѣрное средство убѣждать его отказываться и отъ менѣе важныхъ несуразностей. Если вы хотите, чтобы онъ открывалъ вамъ сердце и спрашивалъ вашего совѣта, то должны сдѣлать это первый, и своимъ поведеніемъ пріобрѣсти его довѣріе.

97. Но о чѣмъ бы онъ ни совѣтовался съ вами — если только его затѣя не ведетъ къ какой-нибудь роковой и непоправимой бѣдѣ — советуйте только, какъ болѣе опытный другъ, не примѣшивайте къ вашему совѣту никакого приказанія или авторитета; относитесь такъ, какъ вы бы отнеслись къ равному себѣ или къ постороннему. Иначе, онъ болѣе уже не станетъ обращаться къ вамъ и пользоваться вашими совѣтами. Вы должны принимать въ соображеніе, что онъ молодой человѣкъ и обладаетъ влечениями и фантазіями, какими и вы обладали въ свое время. Вы не должны ожидать, что его наклонности будутъ точно такими, какъ ваши, или, что въ двадцать лѣтъ онъ будетъ думать такъ же, какъ вы въ пятьдесятъ. Все, чего вы можете ожидать, признавая, что молодость должна пользоваться извѣстной свободой въ дѣйствіяхъ и проказахъ, — это, чтобы она пользовалась ею съ сыновней откровенностью и съ вѣдома отца; въ такомъ случаѣ большого вреда изъ этого не выйдетъ. А чтобы добиться этого, нужно, какъ я уже говорилъ, бесѣдовать съ сыномъ (насколько вы считаете его способнымъ къ этому) о вашихъ дѣлахъ, дружески предлагать ему вопросы и спрашивать его мѣнѣніе, и если оно окажется

правильнымъ, съдоватъ ему, какъ поданному имъ; а въ случаѣ хорошаго результата, похвалить его. Это вовсе не умалитъ вашего авторитета, но увеличить его любовь и уваженіе къ вамъ. Пока вы сохраняете за собою состояніе, распоряженіе остается въ вашихъ рукахъ; и вашъ авторитетъ будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше онъ укрѣпляется довѣріемъ и привязанностью. Ибо вы не обладаете той властью, какою вамъ надлежитъ обладать надъ нимъ, если отношенія между вами не таковы, что онъ больше боится оскорбить друга, чѣмъ потерять часть ожидаемаго въ будущемъ наслѣдства.

98. Если ужъ отецъ можетъ снисходить до фамильярной бесѣды съ сыномъ, то воспитатель съ своимъ воспитанникомъ и подавно. Время, которое они проводятъ вмѣстѣ, не все должно уходить на объясненіе и спрашиваніе уроковъ и на безапелляціонныя предписанія воспитаннику заниматься тѣмъ-то и исполнять то-то. Выслушивая сго въ свою очередь и пріучая разсуждать о томъ, что съ него требуется, воспитатель облегчить пониманіе и болѣе глубокое усвоеніе правилъ и внушить воспитаннику любовь къ занятіямъ и учению: онъ начнетъ цѣнить знаніе, видя, что оно дѣлаетъ его способнымъ разсуждать и находя удовольствіе и поощреніе въ томъ, что его участіе въ разговорѣ допускается, а его доводы иногда одобряются и признаются; особенно въ вопросахъ морали, благоразумія и благо-воспитанности слѣдуетъ обращаться къ нему и спрашивать его мнѣнія. Это лучше всякихъ наставленій, хотя бы самыхъ толковыхъ, расширять пониманіе и закрѣплять правила въ памяти для практическаго выполненія. Этотъ способъ проводить въ душу вещи, которыя запечатлѣваются въ ней, сохрания свою очевидность; тогда какъ слова въ лучшемъ случаѣ только блѣдныя представленія, только вѣрныя тѣни вещей и гораздо скорѣе забываются. Онъ лучше пойметъ основанія и мѣрила пристойности и справедливости, и получить болѣе живое и болѣе прочное представление о томъ, какъ ему должно поступать, если будетъ высказывать свое мнѣніе по предлагаемымъ ему вопросамъ и разсуждать съ воспитателемъ о подходящихъ примѣрахъ, чѣмъ при безмолвномъ, невнимательномъ и сонномъ выслушиваніи наставленій воспитателя; и гораздо лучше, чѣмъ при хитроумныхъ логическихъ диспутахъ или сочиняемыхъ по всѣмъ правиламъ декламаціяхъ на всякія темы. Послѣднія направляютъ мысль на остроуми-чанье и фальшивыя реторическія украшенія, а не на изысканіе истины; первыя пріучаютъ къ лукавству, изворотливости и упорству; и тѣ и другія искажаютъ сужденіе и сбиваютъ человѣка съ пути правильного и здраваго разсужденія; а потому ихъ слѣдуетъ тщательно избѣгать всякому, кто желаетъ усовершенствовать себя и быть пріят-нымъ для другихъ.

(Почтительность).

99. Когда, давъ понять вашему сыну, что онъ зависитъ отъ васъ и находится въ вашей власти, вы установили свой авторитетъ;

а непреклонно суровымъ отношениемъ къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ упорствуетъ въ какой-нибудь дурной, запрещенной вами, малости, особенно же во лжи, внущили ему необходимый почтительный страхъ (awe); когда, съ другой стороны (предоставляя ему полную свободу, подобающую его возрасту, и не налагая въ своеемъ присутствии никакихъ стѣснений на дѣтскія проказы и забавы, такъ же необходимыя ему въ малолѣтствѣ какъ ъда и сонъ), вы примирili его съ вашимъ обществомъ и дали ему почувствовать вашу заботливость и любовь къ нему енисходительностью и нѣжностью, лаская его въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ поступить хорошо, и проявляя свою привязанность къ нему на тысячи ладовъ, соответствующихъ его возрасту, которымъ природа научаетъ родителей лучше, чѣмъ я могу научить; когда, говорю я, тѣми проявленіями нѣжности и привязанности, въ которыхъ у родителей не можетъ быть недостатка по отношенію къ дѣтямъ, вы внушите ему особенную привязанность къ вамъ; тогда вы доведете его до такого состоянія, какого можете пожелать, и образуете въ его душѣ ту истинную почтительность, которую останется только заботливо продолжать и поддерживать въ обѣихъ составныхъ частяхъ ея, любви и страхѣ, какъ великихъ началахъ, дающихъ вамъ возможность вліять на него и направлять его душу на пути добродѣтели и чести.

(Отдѣль X. §§ 100—102).

(О различныхъ характерахъ дѣтей).

100. Разъ этотъ фундаментъ хорошо заложенъ, и вы находите, что почтеніе начинаетъ дѣйствовать въ немъ, ближайшей задачей является тщательно изучить его характеръ и специальную конституцію его души. Упрямство, ложь и дурные поступки не должны (какъ сказано выше) допускаться съ самого начала, каковъ бы ни былъ его характеръ. Не слѣдуетъ допускать, чтобы эти сѣмена пороковъ укоренились; ихъ нужно тщательно вышалывать при первомъ появлении; и ванъ авторитетъ долженъ быть на лицо и вліять на его душу, лишь только въ ней начнетъ проявляться пониманіе, чтобы дѣйствовать какъ естественное условіе, начала котораго ребенокъ не могъ замѣтить, такъ что и не представлять себѣ, чтобы когда-нибудь было или могло быть иначе. Благодаря этому, если почтеніе, которымъ онъ обязанъ вамъ, усталовилось рано, онъ всегда останется священнымъ для него, и ему будетъ такъ же трудно противиться этому авторитету, какъ естественнымъ началамъ.

101. Установивъ такимъ образомъ очень рано вашъ авторитетъ, и мягкимъ примѣненiemъ его внушая ребенку стыдъ ко всему, что ведетъ къ безнравственнымъ привычкамъ, лишь только вы замѣтите въ немъ подобныя проявленія (такъ какъ я отнюдь не желалъ бы примѣненія браны, а тѣмъ менѣе побоевъ, если только упрямство

и неисправимость не сдѣлаютъ ихъ абсолютно необходимыми), вамъ слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какую сторону направляеть его естественныи складъ его души. Иные люди въ силу неизмѣнного склада своей конституціи смѣлы, другіе боязливы, иные самоувѣрены, другіе скромны, покладисты или упорны, любознательны, или беззаботны, быстры или медлительны. Въ лицахъ людей и виѣшнихъ очертаніяхъ ихъ тѣла не больше различій, чѣмъ въ складахъ и характерахъ ихъ душъ; разница лишь въ томъ, что отличительныи особенности лица и очертанія тѣла становятся болѣе ясными и замѣтными съ временемъ и возрастомъ; но особенности душевной физіономіи наиболѣе различны у дѣтей, прежде чѣмъ искусство и хитрость научатъ ихъ скрывать свои уродливости и прятать свои дурныи наклонности подъ фальшивой вѣнѣшностью.

102. Поэтому, своевременно начинайте пристально наблюдать характеръ вашего сына; и когда онъ совершенно непринужденно предается игрѣ, и не подозрѣваетъ, что вы за него слѣдите, замѣчайте его преобладающія страсти и господствующія наклонности; сердить ли онъ или кротокъ, дерзокъ или застѣничивъ, сострадательнъ или жестокъ, откровененъ или сдержанъ и проч. Ибо, сообразно различіямъ этихъ качествъ, должны различаться и ваши методы, и вашъ авторитетъ долженъ утверждаться различными средствами. Эти прирожденныи наклонности, эти преобладающія особенности конституціи не устраняются правилами или прямымъ противодѣйствиемъ, особенно болѣе низкія и дрянныи изъ нихъ, вытекающія изъ страха и малодушія, хотя при умѣніи можно въ значительной степени исправить ихъ и направить къ хорошимъ цѣлямъ. Но во всякомъ случаѣ, что-бы вы ни дѣлали, грузъ¹⁾ всегда будетъ тягнуть въ ту сторону, на которой первоначально помѣстила его природа; и если вы тщательно наблюдаете свойства его души на первыхъ порахъ его жизни, то и впослѣдствіи всегда будете въ состояніи судить, куда клонятся его мысли, и чего онъ добивается; даже много позднѣе, когда, съ возрастомъ, его затѣи осложняются и онъ старается облекать ихъ въ различныхъ формахъ.

(Отдѣль XII. §§ 103—110).

(О своеволії (self-will) дѣтей).

103. Я говорилъ вамъ раньше, что дѣти любятъ свободу; а потому, надо добиваться, чтобы они дѣлали то, что имъ слѣдуетъ дѣлать, не чувствуя надъ собой никакого принужденія. Теперь я скажу вамъ, что они любятъ нечто большее, именно господство: а

¹⁾ Bias. Уподобленіе заимствовано изъ игры въ шары. «Bias»—грузъ, помѣщаемый на одной сторонѣ шара и отклоняющій его отъ того направления, по которому онъ пущенъ. *Д.*

это первая причина большинства порочных привычекъ, которыхъ являются обыкновенными и естественными. Любовь къ власти и господству проявляется очень рано и сказывается въ двухъ вѣдахъ.

104. 1. Мы видимъ, что дѣти, почти тотчасъ послѣ рожденія (несомнѣнно, задолго до того, какъ начнутъ говорить) плачутъ, кашляютъ, скрипятъ и эзятся только ради того, чтобы исполнялась ихъ воля. Они хотятъ, чтобы другіе подчинялись ихъ желаніямъ; требуютъ безпрекословного послушанія отъ всѣхъ окружающихъ, особенно отъ тѣхъ, которые близки къ нимъ или ниже ихъ по возрасту или положенію, какъ скоро начнутъ замѣтить между ними эти различія.

105. Другое проявленіе ихъ любви къ господству—желаніе присвоивать себѣ вещи: они стремятся къ обладанію и собственности, такъ какъ имъ нравится власть, доставляемая, повидимому, собственностью, и право распоряжаться ею, какъ угодно. Кто не замѣтитъ очень ранняго проявленія у дѣтей этихъ двухъ наклонностей, тотъ мало наблюдалъ ихъ поведеніе, а кто не думаетъ, что эти два корня почти всей неправды и раздоровъ, которые такъ возмущаютъ человѣческую жизнь, должны быть рано выкопоты и замѣщены противуположными привычками, тотъ упускаетъ надлежащей моментъ для закладки оснований хорошаго и достойнаго человѣка. Достиженію этого, какъ мнѣ кажется, могутъ до нѣкоторой степени способствовать слѣдующія вещи.

106. 1. Я уже говорилъ, что никогда не слѣдуетъ допускать, чтобы ребенокъ получалъ то, чего онъ требуетъ, особенно, если онъ требуетъ съ плачемъ; но такъ какъ эти слова могутъ повести къ недоразумѣнію и быть объясненными въ томъ смыслѣ, будто по моему мнѣнію ребенокъ никогда не долженъ просить чего-бы то ни было у своихъ родителей, что найдутъ, быть можетъ, черезчуръ тяжелымъ гнетомъ для души ребенка, наносящимъ ущербъ любви и привязанности, которыхъ должны существовать между дѣтьми и родителями, то я объяснюсь нѣсколько подробнѣе. Конечно, дѣти должны пользоваться свободой заявлять родителямъ о своихъ нуждахъ, и эти заявленія надо выслушивать и удовлетворять со всей избѣжностью, по крайней мѣрѣ пока дѣти очень малы. Но большая разница сказать: я голоденъ, или: я хочу жаркого. Разъ они заявляютъ о своихъ нуждахъ, естественныхъ нуждахъ, о страданіяхъ, испытываемыхъ вслѣдствіе голода, жажды, холода или о другихъ естественныхъ потребностяхъ, обязанность родителей и тѣхъ, кто смотритъ за дѣтьми, облегчить эти страданія; но дѣти должны предоставить родителямъ выбирать и опредѣлять, что для нихъ требуется и въ какомъ количествѣ; нельзя позволить имъ выбирать самимъ и говорить: я хочу вина, или я хочу бѣлаго хлѣба; простое называніе предмета должно быть поводомъ къ отказу.

107. Родителямъ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ отличать мни-

мая потребности отъ естественныхъ; дѣлать то, чemu ихъ учить Горацій въ своемъ стихѣ

Quis humana sibi doleat natura negatis¹⁾.

Дѣйствительно естественные потребности—тѣ, которыхъ разумъ, одинъ, безъ всякой другой помощи, не въ состояніи устранить и которымъ онъ не можетъ помѣшать тревожить насть. Страданія отъ болѣзней и ранъ, жажды и холода, бессонницы, отсутствія отдыха или облегченія для части, утомленной трудомъ, чувствуются всѣми людьми, и наилучше устроенные души не могутъ не сознавать ихъ неудобства, а потому должны, путемъ соотвѣтственныхъ приспособленій, стараться устранять ихъ при первомъ появлѣніи, хотя безъ нетерпѣнія и чрезмѣрной торопливости, если только отсрочка не угрожаетъ непоправимымъ вредомъ. Страданія, вытекающія изъ естественныхъ потребностей, суть предостереженія, напоминающія намъ о болѣе серьезномъ злѣ, предвѣстіемъ котораго они являются, а потому не слѣдуетъ пренебрегать ими или допускать ихъ до чрезмѣрного напряженія. Но все же, чѣмъ больше дѣти будутъ пріучаться къ лишеніямъ этого рода²⁾, благодаря разумному попеченію объ укрѣпленіи ихъ души и тѣла, тѣмъ лучше для нихъ. Минѣть надобности предупреждать, что при этомъ нужно держаться въ границахъ, опредѣляемыхъ пользой, и тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы лишенія, которымъ подвергаются дѣти, не угнетали ихъ духа и не причиняли вреда ихъ здоровью, такъ какъ родители и безъ того черезчуръ способны болѣе, чѣмъ нужно, отклоняться въ сторону баловства.

Но если естественные потребности требуютъ удовлетворенія, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ удовлетворять воображаемыя нужды дѣтей, ни даже дозволять имъ заявлять о нихъ. Самое требование подобной вещи должно вести къ отказу въ ней. Они должны имѣть одежду, въ которой нуждаются; но быть увѣрены, что если потребуютъ такой то матеріи, или такого-го цвѣта, то именно ихъ и не получать. Я не хочу сказать, что родителямъ слѣдуетъ умышленно перечить желаніямъ своихъ дѣтей въ безразличныхъ вещахъ; напротивъ, если ихъ поведеніе заслуживаетъ этого и если мы увѣрены, что это не испортитъ ихъ, не изнѣжитъ ихъ душу и не внушить имъ пристрастія къ пустякамъ; то, по моему мнѣнію, нужно устраивать все, насколько возможно, къ ихъ удовольствію, чтобы возбуждать въ нихъ охоту и готовность вести себя хорошо. Самое лучшее для дѣтей, чтобы они не находили никакого удовольствія въ подобныхъ вещахъ, не подчиняли своихъ влечений своимъ фантазіямъ и относились безразлично ко всему, что природа создала таковымъ. Этого, главнымъ образомъ, должны добиваться родители и воспитатели; но пока это будетъ

1) «То, при лишеніи чего, человѣческая натура страждеть». Ног Зат. I. у. 75.

2) Объ этой, совершенно ошибочной, системѣ закаливанія, см. Введеніе Стр. 36. Д.

достигнуто, я высказываюсь противъ свободы требованій, которыхъ въ этихъ проявленіяхъ приходитъ¹⁾ должны обуздываться постояннымъ за-прещеніемъ.

Это можетъ показаться черезчуръ строгимъ для естественной сущности нѣжныхъ родителей; но тѣмъ не менѣе это простая необходимость: такъ какъ предлагаемый мною методъ имѣть пѣлю изгнать розгу²⁾, то это обузданіе дѣтскихъ языковъ окажется чрез-

) То, что Локкъ называетъ «воображаемыми нуждами» (*Wants of fancy*) должно существовать только въ душѣ, въ отлітии отъ действительныхъ нуждъ. Нельзя ожидать, чтобы маленькия дѣти могли разбираться въ этомъ. Воображаемые нужды также настоительны въ ихъ глазахъ, какъ тѣлесны, и они могутъ оказывать имъ предпочтеніе совершенно искренно. Все, чего слѣдуетъ требовать отъ нихъ, это, чтобы требования дѣлались въ приличной формѣ, а отказать, если онъ является необходимымъ, принимался безъ протеста. Добиться этого отъ дѣтей гораздо труднѣе, чѣмъ заставить ихъ бояться высказывать свою желанія, но этого требуетъ праильное воспитаніе. См. Введение, стр. 40. Локкъ такъ защищаетъ свою точку зрѣнія въ письмѣ къ Молине:—«Дѣти очень склонны получать или дѣлать то, что получаютъ или дѣлаютъ старшіе, особенно, если это ихъ старшіе братья и сестры. Идти одинъ въ гости. Другой обязательно же лаетъ отправляться туда-же. Получить кто-нибудь новое или нарядное платье или игрушку. Остальные, если вы только допустите это, потребуютъ того-же и будутъ считать себя обижденными въ случаѣ отказа. Если къ этой склонности снисходить, пока они малы, то съ годами она разрастается, обращается на болѣе важныя вещи,—и разстроила уже не одну семью. Ее нужно подавлять при первомъ появлѣніи, и вы не должны позволять высказывать тѣ желанія, которыхъ не расположены поощрять. Это лучшій способъ застаканіе дѣтей таить ихъ про себя. Дѣти должны путемъ постоянной практики пріучаться быть очень скромными въ отношеніи желаній, и не просить родителей о томъ, чѣмъ они имѣютъ основаніе думать, родителя не одобрять. А выговоръ за то, что они не переносятъ съ покорностью отказа, является запоздалымъ: проступокъ уже совершенъ и дозволенъ; и если вы позволяете имъ просить, то врядъ ли можете находить страннымъ, что они возмущаются отказомъ; такъ что вы допускаете ихъ совершилъ проступокъ и тогда уже находите моментъ подходящій для виноватаго, я же думаю, что самый вѣрный и удобный путь—предупрежденіе. Ибо мы должны предполагать у дѣтей ту же природу, что и у взрослыхъ; а какъ ча-сто мы видимъ, что взрослые раздражаются отказомъ въ чѣмъ-либо, о чѣмъ бы вовсе не беспокоились, если-бы яе вздумали попросить. Но я не буду распространяться на эту тему, такъ какъ полагаю, что мы сойдемся; да вѣдь и трудно, почти невозможно дать общія правила воспитанія, когда врядъ ли найдется ребенокъ, который не требовалъ бы, изъ известныхъ случаяхъ, иного отношенія, чѣмъ другое. Всѣ, что мы можемъ дать въ видѣ общихъ положеній, сводится къ указанію цѣли, къ которой должны стремиться родители и воспитатели, но они самы должны разбираться въ частныхъ обстоятельствахъ каждого отдельнаго случая». Д.

) Замѣчаніе, очень характерно рисующее власть старой террористической системы воспитанія, тѣнь которой ложится на всѣ разсужденія Локка. Отвергая розгу, онъ ищетъ другого способа выѣдрять «спасительный страхъ»; но не решается отвергнуть цѣликомъ самую систему «спасительного страха», какъ несомнѣтимую съ воспитаніемъ, стремящимся не подавить, а развить творческія силы личности. Въ результате остаются и розги, и дикое требованіе: «Не смѣй называть вещь, которой тебѣ хочется», и т. под. приемы, идущіе въ разрывъ съ существомъ нового воспитанія. Только Руссо себѣ освободился отъ этого тысячелѣтняго кошмара и обосновать воспитаніе на новыхъ началахъ соответственно новой цѣли. Пере в.

вычайно полезнымъ для внушенія того почтительного страха (awe), о которомъ мы столько говорили, и для поддержанія достодолжнаго уважаія и почтенія къ родителямъ. Во-первыхъ, оно будетъ пріучать ихъ сдерживаться и такимъ образомъ управлять своими наклонностями. Такимъ способомъ вы заставите ихъ научиться искусству подавлять свои желанія при первомъ возникновеніи, когда съ ними всего легче справиться. Вѣдь давая волю своимъ влеченіямъ, мы придаляемъ имъ жизнь и силу; и тотъ, кто пользуется свободой превращать свои желанія въ просьбы, не далекъ отъ мысли, что они должны исполняться. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что каждому легче вынести отказъ отъ самого себя, чѣмъ отъ другого. Нужно поэтому съ раннихъ лѣтъ пріучать дѣтей совсѣмъ съ своимъ разумомъ и пользоваться имъ прежде, чѣмъ давать волю своимъ наклонностямъ. Большой шагъ къ господству надъ нашими желаніями—умѣть останавливать ихъ и принуждать къ молчанію. Усвоенная дѣтьми привычка сдерживать порывы своихъ влечений, и обсуждать, умѣстны ли они или нѣтъ, раньше, чѣмъ высказывать, принесетъ имъ не малую пользу въ болѣе важныхъ вещахъ, въ послѣдующее время жизни. А я не устану повторять, что въ каждомъ данномъ случаѣ, крупномъ или мелкомъ, главное (я чуть не сказалъ единственное), на что мы должны обращать вниманіе въ поступкѣ ребенка, это: какое вліяніе оно окажеть¹⁾ на его душу; какую привычку способенъ укоренить въ немъ; какъ отразится на немъ, когда ребенокъ станетъ больше; и куда приведетъ его, въ случаѣ поощренія, когда онъ вырастетъ.

Итакъ, я вовсе не думаю, что дѣтей нужно умышленно дѣлать недовольными. Для этого требуется слишкомъ много безчеловѣчности и безсердечія, которыя могутъ заразить и ихъ. Ихъ надо пріучить отказываться отъ своихъ влечений; ихъ души, какъ и тѣла, надо сдѣлать стойкими, свободными и сильными посредствомъ привычки обуздывать свои наклонности, а тѣла закалить лишеніями; но все это, не давая повода заподозрить здѣсь дурное отношеніе къ нимъ. Постоянныій отказъ въ томъ, чего они требуютъ или что хотятъ взять самовольно, долженъ научить ихъ скромности, подчиненію и умѣнью сдерживаться; но получение въ награду за скромность и молчаніе того, что имъ нравится, должно также увѣрить ихъ въ любви тѣхъ, которые строго требуютъ такого послушанія. Умѣніе примириться съ отсутствіемъ того, чего имъ хотѣлось, есть добродѣтель, которую слѣдуетъ вознаграждать при первомъ случаѣ тѣмъ, что полезно и пріятно для нихъ, чтобы это вознагражденіе являлось естественнымъ послѣд-

¹⁾ Надо, однако, помнить, что желаніе не угаснетъ оттого, что его запрещено выражать. Оно можетъ даже усиливаться вслѣдствіе вынужденаго молчанія. Гораздо лучше отказывать ребенку въ неумѣстной просьбѣ, или, если обстоятельства дѣла допускаютъ это безъ вредныхъ послѣдствій, посредствомъ уступки дать ему возможность убѣдиться въ нелѣпости его желанія. Родители могутъ представить разоны, которые смягчать отказъ и обезпечать повиновеніе: часто также можно безъ опасенія предоставить опыту оправдать предостереженія, которыхъ ребенокъ не послушался. Д.

ствіемъ ихъ хорошаго поведенія, а де выторгованной платой. Но вы потеряете свой трудъ и, что еще важиѣ, ихъ любовь и почтеніе, если они могутъ получать отъ другихъ то, въ чёмъ отказываете вы. За этимъ нужно тщательно слѣдить и никакимъ образомъ не допускать подобныхъ вещей. Здѣсь опять таки прислуга становится мнѣ попрекъ дортги.

108. Если это начнется своевременно, и они съ раннихъ поръ пріучатся умалчивать о своихъ желаніяхъ, эта полезная привычка сдѣлаетъ ихъ способными къ самообузданію; и по мѣрѣ того какъ они будутъ становиться больше и разсудительнѣе, имъ можно будетъ предоставить больше свободы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ говорить разумъ, а не страсть; ибо къ голосу разума всегда слѣдуетъ прислушиваться. Но если ихъ никогда не слѣдуетъ слушать, разъ они первые заводятъ рѣчь о какихъ-либо специальныхъ вещахъ, которыхъ имъ хотѣлось бы имѣть, то, наоборотъ, всегда слѣдуетъ выслушивать и отвѣтывать толково и ласково, когда они спрашиваютъ о чёмъ-либо, что имъ интересно знать, и выражаютъ желаніе получить свѣдѣнія. Любознательность надо такъ же заботливо поощрять въ дѣтяхъ, какъ другія влеченія подавлять.

(Развлеченія).

Хотя воображаемыя желанія (*desires of fancy*) нужно строжайшимъ образомъ обуздывать, но есть одинъ случай, когда слѣдуетъ дать слово воображенію и прислушиваться къ нему. Развлеченіе такъ же необходимо, какъ трудъ или пища. Но такъ какъ развлечениія не можетъ быть безъ удовольствія, которое не всегда зависитъ отъ разума, а чаще отъ воображенія, то надо позволять дѣтямъ не только развлекаться, но и дѣлать это, какъ имъ самимъ вздумается, если только это развлечениѣ невинное и не вредитъ ихъ здоровью; поэтому въ подобныхъ случаяхъ не нужно отвѣтывать отказомъ, если они предложатъ какой-нибудь особенный способъ развлечениія. Правда, я думаю, что при хорошо поставленномъ воспитаніи, они рѣдко будутъ испытывать потребность въ подобной свободѣ: нужно позаботиться о томъ, чтобы они всегда дѣлали съ удовольствиемъ то, что для нихъ полезно; и прежде чѣмъ устанутъ отъ одного полезнаго занятія, находили развлечениѣ въ какомъ-нибудь другомъ. Но если ихъ еще не удалось довести до такой степени совершенства, чтобы развлечениемъ для нихъ могло служить какое-нибудь полезное занятіе, то нужно предоставить имъ полную свободу въ дѣтскихъ играхъ, отъ которыхъ они отстанутъ, когда тѣ надоѣдуть имъ; полезныя же занятія слѣдуетъ прерывать раньше, чѣмъ они потеряютъ охоту къ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, раньше, чѣмъ они утомятся и почувствуютъ отвращеніе къ нимъ, чтобы они могли возвращаться къ этимъ занятіямъ, какъ къ ожидающему ихъ удовольствію. Ибо вамъ нечего и думать о правильной постановкѣ воспитанія, если они не находятъ удовольствія въ занятіяхъ похвальными вещами; и если чередование полезныхъ

упражнений тѣла и души не дѣлаетъ ихъ жизнь и учопіе пріятными, превращая ихъ въ непрерывную вереницу развлечений, при которыхъ утомленная часть постоянно находитъ отдыхъ и облегченіе. Возможны ли это въ отношеніи всѣхъ характеровъ и согласятся ли родители и воспитатели взять на себя этотъ трудъ, хватить-ли у нихъ разсудительности и терпѣнія, необходимыхъ для его осуществленія, я не знаю; но я ии мало не сомнѣваюсь, что это достижимо въ отношеніи большинства дѣтей, если только будетъ взять правильный курсъ для возбужденія въ нихъ желания похвалы, чести и доброго имени. А разъ они стали на такой правильный путь, съ ними можно откровенно говорить о томъ, что наиболѣе занимается ихъ, и направлять ихъ или предоставляемъ имъ свободу; такимъ образомъ они не могутъ не замѣтить, что ихъ любятъ и лѣтятъ, и что тѣ, на попеченіи которыхъ они находятся, отнюдь не враги ихъ удовольствію. Такое отношеніе заставитъ ихъ любить руку, которая направляетъ ихъ и добродѣтель къ которой она ихъ направляетъ.

Предоставленіе имъ свободы въ ихъ развлеченияхъ имѣть еще ту выгодную сторону, что раскрываетъ ихъ природные характеры, обнаруживаетъ ихъ наклонности и способности, и такимъ образомъ даетъ разумнымъ родителямъ указанія относительно выбора карьеры и занятія для дѣтей, ровно какъ и относительно средствъ, которымъ пока что могутъ быть примѣнены противъ природныхъ наклонностей, грозящихъ направить ихъ на дурной путь.

109. 2. Дѣти, живущіе вмѣстѣ, часто спорятъ изъ-за господства, изъ за того, кому командовать остальными; это соперничество нужно преѣхать въ самомъ началѣ. Но этого мало; ихъ нужно учить оказывать другъ другу всяческое вниманіе, снисхожденіе и любезность. Разъ они замѣтятъ, что это доставляетъ имъ одобрение, любовь и честь, не лишая ихъ никакихъ преимуществъ, они будутъ находить въ этомъ больше удовольствія, чѣмъ въ нахальномъ командованіи, какимъ являются противуоположныя отношенія.

Дѣтскія обвиненія¹⁾ другъ противъ друга, являющіяся обыкно-

1) Кампе говорить: «Во многихъ случаяхъ будетъ хорошо и достаточно отпустить маленькаго жалобщика съ замѣнцемъ, что мы не должны придавать значеніе всякому пустяку, и что лучше спускать мелкія обиды, чѣмъ быть истительными. Но такъ какъ устранить ссоры и драки между дѣтьми можно лишь въ томъ случаѣ, если они знаютъ, что есть человѣкъ, къ которому можно обратиться за возстановленіемъ справедливости, то наставнику придется иногда брать на себя роль судьи, особенно въ болѣе важныхъ случаяхъ. Въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ не отказывать жалобщику, а сказать ему: «Дитя мое, ты теперь не владѣешь собой; но когда мы жалуемся на кого-нибудь, мы должны быть совершенно спокойны и хладнокровны, иначе рискуемъ оказаться несправедливыми къ обидчику, преувеличивъ обиду. Погоди, пока успокоишься; а затѣмъ обсуди, такая ли это обида, что ей нельзя пропустить. Если признаешь это, приходи ко мнѣ вечеромъ или завтра утромъ, и разскажи, что случилось,—ты найдешь во мнѣ справедливаго судью». Если тѣмъ временемъ вы посовѣтуете другой сторонѣ сдѣлать попытку примириться съ обиженнымъ, то можно ожидать, что въ большинствѣ случаевъ дѣло уладится дружелюбно, и суда не по-

венно только крикомъ гибва и мести, ищущихъ поддержки, не слѣдуетъ принимать благосклонно, и выслушивать. Позволять имъ жаловаться значить ослаблять и "изнѣживать" ихъ души; если же они будутъ выносить иногда противорѣчія или обиды со стороны другихъ, не находя этого чѣмъ-то необычайнымъ и нестерпимымъ, то это имъ не повредить, а будетъ съ раннихъ порь закалять ихъ и пріучать къ терпѣнію. Однако, не поощряя жалобъ со стороны вздорныхъ, старайтесь обуздывать нахальство и злобныя чувства обидчиковъ. Если вы сами замѣтите обиду, побраните за неѣ въ присутствіи обиженнаго; но въ случаѣ жалобы, заслуживающей вашего вниманія и предупрежденія на будущее время, сдѣлайте обидчику выговоръ наединѣ въ отсутствіи обиженнаго и заставьте его пойти попросить прощенія¹⁾ и исправить свою вину: онъ охотнѣе исполнить это, если будетъ дѣйствовать какъ будто по собственному побужденію, а обиженный ласковѣ приметъ его, и такимъ образомъ дружба между ними будетъ усиливаться, а привычка къ вѣжливости укореняться между вашими дѣтьми.

110. 3. Что касается обладанія и владѣнія вещами, то учите ихъ легко и свободно дѣлиться тѣмъ, что у нихъ есть, съ друзьями, и дайте имъ убѣдиться на опытѣ, что самый щедрый всегда оказывается самымъ богатымъ, получая вдобавокъ похвалу и честь; въ такомъ случаѣ они быстро научатся проявлять щедрость. Я думаю, что это сдѣлаетъ братьевъ и сестеръ болѣе ласковыми и любезными по отношенію другъ къ другу, а слѣдовательно и къ другимъ, чѣмъ двадцать правиль о хорошихъ манерахъ, которыми обыкновенно дѣлываютъ и допекаютъ дѣтей. Такъ какъ жадность и желаніе имѣть въ своемъ распоряженіи и обладаніи большие, чѣмъ намъ нужно, есть корень всяческаго зла, то еї нужно рано и тщательно вычищать, а противоположное качество, готовность дѣлиться съ другими, насаждать. Это качество нужно поощрять одобрениемъ и похвалами и постоянно заботиться о томъ, чтобы ребенокъ ничего не терялъ отъ своей щедрости. Пусть во всѣхъ случаяхъ проявленія такой тароватости онъ всегда получаетъ награду²⁾, и притомъ съ процентами; и пусть онъ

требуетсяся. Въ то же время ребенокъ получить полезный урокъ въ томъ смыслѣ, что мы не должны ничего дѣлать въ раздраженіи, и что слѣдуетъ остерегаться несправедливости даже по отношенію къ тѣмъ, которые обзываютъ насъ». *Д.*

¹⁾ Конечно, въ высшей степени желательно воспитывать въ ребенкѣ готовность признавать и исправлять свою вину, свой насprаведливый поступокъ, но нужно остерегаться заставлять его говорить, что онъ раскаялся, когда никакого раскаянія онъ не чувствуетъ, или просить прощенія, когда онъ считаетъ обиженнымъ себя. Лучше упорство, чѣмъ лицемѣре. *Д.*

²⁾ Не обязательно въ формѣ подарка, такъ какъ если это дѣлается постоянно, то проявленія доброты могутъ превратиться въ дѣло простого расчета. Истинная доброта несетъ въ себѣ самой свою награду. Въ то же время случайные награды не лишены значенія, когда дѣло идетъ о малолѣтнихъ дѣтяхъ. Отъ ребенка нельзя требовать чрезмѣрного самоутвержденія, и не мѣшаетъ вознаграждать его, пока «роскошь дѣлать добро» и болѣе высокие мотивы не сдѣлаются прямую награду излишней. *Д.*

ясно пойметь, что доброта, которую онъ проявляетъ къ другимъ, не плохой расчетъ; что она вызываетъ въ ствѣть доброе отношеніе какъ со стороны тѣхъ, которые пользуются ею, такъ и со стороны тѣхъ, кто видитъ еб. Дѣлайте еб предметомъ соревнованія между дѣтьми, чтобы они старались превзойти другъ друга въ этомъ направлениі: а когда, такимъ способомъ, благодаря постоянной практикѣ, дѣтамъ станетъ легко дѣлиться своимъ добромъ, благодушіе укоренится въ нихъ, какъ привычка, и они будутъ находить удовольствіе и гордиться своей добротой, щедростью и вѣжливостью къ другимъ.

Если щедрость слѣдуетъ поопрять, то, конечно, нужно слѣдить съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы дѣти не нарушили правила справедливости: и всякий разъ, когда они это дѣлаютъ, ихъ надо исправлять и въ случаѣ необходимости подвергать строгому взысканію.

Такъ какъ наши первыя дѣйствія опредѣляются больше себѧ-любіемъ, чѣмъ разумомъ и размышеніемъ, то неудивительно, что у дѣтей они чрезвычайно способны отклоняться отъ правильной оцѣнки правды и неправды, которая является результатомъ успѣховъ разума и серьезного размыщенія. Чѣмъ больше они склонны заблуждаться въ этомъ отношеніи, тѣмъ тщательнѣе нужно слѣдить за ними, не пропуская безъ замѣчанія и исправленія малѣйшаго нарушенія этой великой соціальной добродѣти; даже въ самыхъ незначительныхъ и маловажныхъ случаяхъ нужно просвѣщать ихъ невѣденіе и предупреждать дурныя привычки, которыя начавшись съ пустяковъ, съ булавокъ и вишневыхъ косточекъ, вырастутъ, если имъ предоставить свободу, въ крупныя плутни и грозятъ въ концѣ концовъ превратиться въ закоренѣлую нечестность.

При первомъ же проявленіи склонности къ какой-либо недобросовѣстности, она должна подавляться выражениемъ удивленія и отвращенія со стороны родителей и воспитателей. Но такъ какъ дѣти не могутъ ясно понимать, что такое недобросовѣстность, пока не поймутъ, что такое собственность и какимъ образомъ она достается отдельнымъ лицамъ, то вѣрнѣйший способъ обезпечить честность — съ равныхъ поръ заложить ея основы въ щедрости и готовности дѣлиться съ другими тѣмъ, что имѣшь или любишь. Къ этому можно пріучить ихъ рано, прежде чѣмъ они овладеютъ рѣчью и разсудкомъ въ достаточной степени, чтобы составить себѣ ясное понятіе о собственности, и понять, что принадлежитъ имъ по специальному праву, исключающему право другихъ. И такъ какъ дѣти рѣдко получаютъ что либо инымъ путемъ, кромѣ подарка, въ большинствѣ случаевъ отъ родителей, то ихъ можно сначала учить не брать и не прятать ничего, кромѣ того, что дано имъ тѣми, отъ которыхъ они получили возможность располагать вещью. По мѣрѣ расширенія ихъ способностей можно объяснять и внушать имъ другія правила и случаи добросовѣстности, и права, относящіяся къ тѣмъ и тимъ. Если будеть замѣченъ съ ихъ стороны какой либо недобросовѣстный поступокъ, вытекающій не изъ недоразумѣнія, а изъ порочнаго направлѣнія воли, и мягкие выговоры и стыдъ окажутся безсильными испра-

вить эту порочную и корыстную наклонность, то слѣдуетъ применить болѣе суровыя средства: не только отецъ или воспитатель могутъ отбирать у нихъ то, что они цѣнятъ и считаютъ своей собственностью, или поручать кому-нибудь сдѣлать это; и такими примѣрами сдѣлать для нихъ яснымъ, что они чѣмнога выигрываютъ, если будутъ несправедливо завладѣвать чужимъ добромъ, разъ на свѣтѣ есть люди сильнѣе и старшѣ ихъ. Но если позаботиться съ раянихъ поѣздувшать имъ искреннее ствращеніе къ этому постыдному пороку, что я считаю вполнѣ возможнымъ, то это будетъ вѣрнымъ и действительнымъ способомъ противъ него и лучше предохранить ихъ отъ недобросовѣтности, чѣмъ всѣ соображенія, основанныя на интересѣ; привычки действуютъ болѣе непрерывно и съ большей легкостью, чѣмъ разумъ, который, когда мы наиболѣе нуждаемся въ немъ, рѣдко призывается на совѣтъ, и котораго мы еще реже слушаемся.

(Отдѣль XIII. § III—114).

(О дѣтскомъ плачѣ и ревѣ).

111. Плачъ есть проступокъ, который не долженъ быть терпимъ со стороны дѣтей; не только потому, что онъ наполняетъ домъ неприятнымъ и неудобнымъ шумомъ, но и по болѣе важнымъ соображеніямъ, касающимся самихъ дѣтей, что и должно быть главной цѣлью воспитанія.

Ихъ плачъ бываетъ двухъ родовъ: упорный и властный или жалобный и иноящій.

1. Ихъ плачъ очень часто является притязаніемъ на господство и открытымъ проявленіемъ нахальства или упорства: не будучи въ состояніи исполнить свое желаніе, они хотятъ крикомъ и рыданіями поддержать свое право на его удовлетвореніе. Это открытое настояніе на своемъ требованіи и пѣчто вродѣ протеста противъ угнетенія и несправедливости тѣхъ, которые не разрѣшаютъ имъ того, чего они добиваются.

112. 2. Иногда ихъ плачъ есть слѣдствіе страданія или искрѣннаго огорченія, и вызванная ими жалоба.

При внимательномъ наблюденіи не трудно различить эти два рода, по наружности, взглядамъ, дѣйствіямъ, и въ особенности по тону самого плача; но ни того, ни другого не слѣдуетъ допускать, тѣмъ менѣе поощрять.

1. Упорный или капризный плачъ никоимъ образомъ не долженъ быть позволяемъ, такъ какъ это значило бы въ другой формѣ потакать ихъ желаніямъ и поощрять страсти, обузданіе которыхъ является нашей главной задачей; и если, какъ это часто бываетъ, подобный плачъ слѣдуетъ за полученнымъ наказаніемъ, то онъ совершенно уничтожаетъ все его полезное дѣйствіе; такъ какъ всякое наказаніе, которое оставляетъ ихъ въ состояніи такой явной оппо-

зиції, только способствуетъ ихъ портѣ. Взысканія и наказанія, налагаемыя на дѣтей, безтолковы и бесплодны, если не побуждаютъ ихъ воли, не научаютъ ихъ обуздывать свои страсти и не дѣлаютъ ихъ душъ уступчивыми и послушными родительскимъ увѣщаніемъ, подготовляя ихъ такимъ образомъ къ повиновенію увѣщаніемъ собственнаго разума въ позднѣйшей жизни. Но дошуская, чтобы въ случаѣ какого бы то ни было запрещенія они отвѣчали ревомъ, вы позволяете имъ настаивать на своихъ желаніяхъ и сохранять дурное настроеніе, заявлять о своемъ правѣ и рѣшимости при первомъ удобномъ случаѣ удовлетворить свою склонность. Вотъ, слѣдовательно, еще аргументъ противъ частаго примѣненія побоевъ; ибо всякий разъ, когда вамъ случится примѣнить эту крайнюю мѣру, недостаточно будьтъ просто побить или выѣтчъ, но придется продолжать наказаніе, пока вы не убѣдитесь, что подчинили ихъ душу, что они принимаютъ наказаніе съ покорностью и терпѣніемъ, въ чёмъ вы всего лучше убѣдитесь по ихъ плачу и прекращенію его по вашему приказанію. Иначе, тѣлесное наказаніе дѣтей есть чистая тиранія; простая жестокость, а не исправленіе,—причинять боль ихъ тѣлу, не принося пользы ихъ душѣ. Будучи доводомъ противъ частаго примѣненія тѣлесныхъ наказаній, это устраиваетъ въ то же время необходимость часто прибѣгать къ нимъ. Ибо если всякий разъ, когда дѣтей наказываютъ, дѣлать это безстрastно, трезво, и при всемъ томъ основательно, нанося удары не съ бѣшенствомъ, не всѣ заразъ, но медленно, съ увѣщаніями въ промежуткахъ, наблюдая за ихъ дѣйствіемъ и прекращающая наказаніе, когда оно сдѣлало дѣтей уступчивыми, рассказывающимися и послушными; то они рѣдко будутъ нуждаться въ повтореніи подобнаго наказанія, такъ какъ постараются избѣгать проступковъ, заслуживающихъ его. Кромѣ того, если наказаніе при такомъ способѣ не остается безплоднымъ оттого, что было недостаточнымъ и недѣйствительнымъ, то оно не будетъ и чрезмѣрнымъ, разъ мы прекращаемъ его, лишь только замѣтимъ, что оно достигло души и вызвало въ ней улучшеніе. Брань или побои должны отпускаться дѣтямъ въ возможно меньшей дозѣ, но если это дѣлается въ пылу гнѣва, то рѣдко остается въ надлежащихъ границахъ и обыкновенно превосходить должную мѣру, не достигая въ то же время цѣли.

113. 2. Многія дѣти склонны плакать по поводу самой незначительной боли, и малѣшшая непрѣятность, случившаяся съ ними, вызываетъ съ ихъ стороны жалобы и вопли. Немногія дѣти свободны отъ этого; такъ какъ это первый и естественный способъ заявлять о своихъ страданіяхъ или нуждахъ, прежде чѣмъ они научатся говорить, то состраданіе, которое считается обязательнымъ по отношенію къ этому иѣжному возрасту, безсмысленно поощряетъ и даетъ эти проявленія спустя долгое время послѣ того какъ дѣти начнутъ говорить. Конечно, обязанность тѣхъ, кто смотритъ за дѣтьми, помогать имъ въ случаѣ какого-либо страданія, но не проявлять этого въ соболѣзваніяхъ. Помогайте имъ, облегчайте ихъ, какъ только мо-

жете, но ни подъ какимъ видомъ не сѣтуйте надъ ними ¹⁾. Это разслабляетъ ихъ души и дѣлаетъ ихъ податливыми къ малѣйшей боли, которую имъ случится испытать; вслѣдствіе чего она глубже проникаетъ въ ту часть, которая одна чувствуетъ, и вызываетъ въ ней болѣе тяжелыя раны, чѣмъ вызвала-бы сама по себѣ. Дѣти должны быть закалены противъ всякихъ страданій и проявлять только такую чувствительность, которая вытекаетъ изъ искренняго стыда и живого сознанія добра го имени. Многочисленныя превратности, которымъ подвержена наша жизнь, требуютъ, чтобы мы не были слишкомъ чувствительны ко вся кому незначительному страданію. То, чemu не поддаются наши души, производить лишь слабое впечатлѣніе и не причиняетъ намъ особенного вреда. Страданіе нашего луха,—вотъ что порождаетъ и продолжаетъ боль. Стойкость и нечувствительность душъ—лучшее оружіе противъ обычныхъ житейскихъ бѣдъ и несчастныхъ случайностей; а такъ какъ этотъ закалъ достигается упражненіемъ и привычкой вѣраѣ, чѣмъ какимъ-бы то ни было другимъ пугемъ, то соотвѣтственная практика должна начаться своевременно; и счастливъ тотъ, кто рано пріобрѣлъ его. Изнѣженность духа, которую нужно предотвращать или устранить болѣе, чѣмъ что-либо другое, усиливается у дѣтей вслѣдствіе плача; поэтому ничто такъ не ограничиваетъ и не подавляетъ ее, какъ запрещеніе иметь этого рода жалобъ. Въ случаѣ незначительной боли вслѣдствіе ушиба или паденія не слѣдуетъ выражать сожалѣнія, что они упали, а нужно запретить дѣлать это вторично; такое отношеніе не только прекращаетъ плачь, но и отучаетъ отъ неосторожности и предупреждаетъ дальнѣйшія паденія лучше, чѣмъ брань или сожалѣніе. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были полученные ими ушибы, прекращайте ихъ плачь; это дѣлаетъ ихъ спокойными и довольными въ данный моментъ и закаляетъ на будущее время.

114. Первый родъ плача требуетъ строгости для его прекращенія; и если взгляда или положительного приказанія оказывается недостаточнымъ,—необходимы удары; такъ какъ онъ вытекаетъ изъ гордости, упорства и каприза, то воля, въ которой коренится вина, должна быть сломана и сдѣлана уступчивой посредствомъ строгости, достаточной для ея обузданія ²⁾). Но такъ какъ второй родъ плача за-

¹⁾ Самый разумный способъ попытаться отвлечь вниманіе. «Впечатлѣнія, которые при обыкновенныхъ условіяхъ вызвали бы сильную боль, могутъ въ теченіе иѣкотораго времени совершенно не чувствоватья, при исключительномъ направленіи вниманія на что-нибудь». (Carpenter, M e n t P h y s, p. 138). Д.

²⁾ Трудно было бы связать этотъ совѣтъ съ новыми принципами высказанными Локкомъ выше (ср. §§ 46, 50, 51) и въ конечномъ результатѣ приведшими къ преобразованію воспитанія. Но легко найти его корни въ старой системѣ, противъ той говорить вся философія Локка. Ср., напримѣръ, „Нагибай выю его въ юности и сокрушилъ ребра его, доколѣ оно молодо, дабы сдѣлавшись упорнымъ оно не вышло изъ повиновенія тебѣ. Учи сына твоего и трудись надъ нимъ, чтобы не имѣть тебѣ горечевія отъ непристойныхъ поступковъ его“. (Книга Прѣмудр. Иисуса сына Сирахова, XXX, 12, 13). Но старый авторъ послѣдовательнѣе,

высчитъ обыкновенно отъ душевной слабости, то есть отъ совѣдѣніи преступноложной причины, то къ нему нужно относиться съ крѣпостью. Уговариваніе, или отвлеченіе мыслей въ другую сторону, или подтруниваніе надъ хныканьемъ могутъ оказаться подходящими средствами; но при этомъ нужно принимать въ соображеніе обстоятельства дѣла и особенности характера ребенка. Никакихъ неизмѣнныхъ, достовѣрныхъ правилъ въ данномъ случаѣ нельзя установить; дѣло должно быть предоставлено благоразумію родителей или воспитателя. Но, я думаю, можно высказать въ качествѣ общаго правила, что и этотъ родъ плача требуетъ постояннаго порицанія; и что отецъ, опираясь на свой авторитетъ, всегда долженъ прекращать его, проявляя большую или меньшую степень суворости въ своихъ взглядахъ и словахъ соответственно возрасту и болѣе или менѣе упрямому характеру ребенка; во всякомъ случаѣ, эта степень должна быть достаточной, чтобы прекратить хныканье и положить конецъ беспорядку.

(Отдѣлъ XIV. § 115).

(О робости и храбрости дѣтей).

115. Трусость и храбрость¹⁾ такъ тѣсно связаны съ только-что упомянутыми качествами, что нельзя не упомянуть о нихъ здѣсь. Страхъ есть побужденіе, которое, при надлежащемъ управлѣніи, имѣть свою полезную сторону. И хотя рѣдко случается, чтобы себѧлюбіе не поддерживало его въ насть бдительнымъ и на достаточной высотѣ, но возможенъ также и избытокъ отваги. Безразсудная смѣлость и нечувствительность къ опасности такъ-же неразумны, какъ страхъ и трепетъ въ случаѣ приближенія малѣйшей бѣды. Страхъ данъ намъ, какъ предостереженіе, побуждающее насть напрягать наше усердіе и остеграться грозящаго зла; поэтому, не опасаясь наступающей бѣды, не взвѣшивать опасности, а видаться въ нее, очерти голову, полагаясь на случай, и не думая о томъ, что изъ этого выйдетъ и каковы будутъ послѣдствія, значитъ проявлять неистовство звѣра, а отнюдь не рѣшимость разумнаго существа. Тѣмъ, чьи дѣти обнаруживаютъ такой темпераментъ, остается только постараться пробудить

откровенно выдвигая на первый планъ интересъ отца („чтобы не имѣть тебѣ огорченія“) а не ребенка. Переев.

1) Храбрость въ значительной степени является дѣломъ воспитанія. Люди, храбрые при необычайныхъ обстоятельствахъ, часто оказываются очень робкими при другихъ, съ которыми они менѣе освоились. Выяснилось, что наше мужество зависитъ отчасти отъ знакомства съ опасностью и отъ нашей привычки и умѣнья бороться съ нею. Тсюда слѣдуетъ, что лучший способъ исправленія дѣтской трусости—постепенно осваивать дѣтей съ опасностями и поощрять ихъ къ борьбѣ съ болѣе значительными затрудненіями посредствомъ преодолѣвія менѣе значительныхъ. Ни одна часть воспитанія не требуетъ отъ родителей такого терпѣнія. Сильный страхъ парализуетъ разумъ. Д.

ихъ разсудокъ, прислушиваться къ которому вскорѣ заставить ихъ самосохраненіе, если только (какъ это обыкновенно бываетъ) какая-нибудь другая страсть не заставитъ его дѣйствовать, очертя голову, безъ смысла и безъ соображенія. Отвращеніе къ несчастью такъ естественно для человѣчества, что никто, я думаю, не можетъ не бояться его: страхъ есть ничто иное какъ непрѣятное чувство ожиданія, что съ нами случится то, что намъ не нравится. Слѣдовательно, если кто-нибудь стремится навстрѣчу опасности, то мы можемъ сказать, что онъ дѣйствуетъ по невѣденію или подчиняясь какой-нибудь болѣе сильной страсти, такъ какъ никто не врагъ самому себѣ настолько, чтобы добровольно подвергаться злу и искать опасности ради опасности. Если, слѣдовательно, гордость, тщеславіе или бѣшенство заглушаютъ страхъ ребенка, или заставляютъ не слушаться его совѣтъ, то съ ними и нужно бороться, чтобы разсужденіе могло охлаждать его пыль и заставляло бы его подумать, стоитъ ли попытка риска. Но такъ какъ этотъ недостатокъ не часто встрѣчается у дѣтей, то я не буду распространяться о его исправленіи. Малодушіе гораздо болѣе распространенный недостатокъ и потому требуетъ гораздо большаго вниманія.

(Мужество).

Мужество есть стражъ и опора всѣхъ остальныхъ добродѣтелей, и тотъ, кто лишенъ мужества, врядъ-ли можетъ быть твердымъ въ исполненіи долга и проявить всѣ качества истинно достойнаго человѣка.

Мужество, побуждающее насъ бороться съ опасностями, которыхъ мы боимся, и здомъ, которое мы чувствуемъ, чрезвычайно полезно въ положеніи, подобномъ нашему въ здѣшней жизни, открытыму для нападеній со всѣхъ сторонъ: а потому вполнѣ умѣсто какъ можно раньше снабжать дѣтей этимъ оружіемъ. Правда, природный характеръ играетъ здѣсь большую роль; но даже въ томъ случаѣ, когда онъ съ изъянкомъ, и сердце само по себѣ слабо и робко, правильное воспитаніе можетъ сдѣлать его болѣе рѣшительнымъ. Я уже указалъ, что нужно дѣлать, чтобы предупредить разслабленіе дѣтской души боязливыми опасеніями, внѣдряемыми въ нее съ дѣтства, или привычкой хныкать по поводу каждого незначительного страданія; теперь остается разсмотрѣть, какъ нужно закалять ихъ характеръ и увеличивать ихъ мужество, если они окажутся черезчуръ подверженными страху.

Истинное мужество выражается, по моему мнѣнію, въ спокойномъ самообладаніи и невозмутимомъ исполненіи своего долга, вѣнчая ни на какія бѣдствія или опасности. Такъ мало взрослыхъ людей, обладающихъ имъ, что мы не можемъ ожидать его отъ дѣтей. Кое-что, однако, можетъ быть сдѣлано: и разумное руководство можетъ путемъ нечувствительныхъ переходовъ завести ихъ дальше, чѣмъ мы ожидаемъ.

Пренебрежение этой заботой, пока они малы, является, быть можетъ, причиной, въ силу которой столь немногіе обладаютъ этой добродѣтелью въполномъ объемѣ, когда станутъ взрослыми. Я бы не сказалъ этого о націи, обладающей такой природной храбростью, какъ наша, если бы думалъ, что истинное мужество исчерпывается храбростью въ бою и презрѣніемъ къ жизни передъ лицомъ непріятеля. Конечно, эти качества составляютъ не малую долю его, и нельзя отрицать, что лавры и почести подобаютъ доблести тѣхъ, кто рискуетъ жизнью ради отечества. Но это еще не все. Опасности грозятъ намъ и въ другихъ мѣстахъ¹⁾, кромѣ поля сраженія; и хотя смерть — царь ужасовъ, но грозные лики болѣзни, униженія и нищеты тоже способны разстроить большинство людей, которымъ кажется, что эти бѣдствія готовы обрушиться на нихъ; и есть люди, которые, пре-небрегая одними, смертельно боятся другихъ. Истинное мужество готово къ опасностямъ всякаго рода, и остается непоколебимымъ, какое бы бѣдствіе ни грозило ему. Я не хочу сказать, что оно недоступно никакому страху. Гдѣ на лицо опасность, тамъ не можетъ не быть опасенія, разъ нѣтъ тупоумія; гдѣ опасность, тамъ и сознаніе опасности, и такая доза страха, которая заставляетъ насъ держаться насторожѣ, и напрягать наше вниманіе, усердіе и силу, но не лишаетъ насъ спокойнаго употребленія разсудка, и не препятствуетъ исполненію того, что онъ диктуетъ.

(Трусость).

Первый шагъ къ пріобрѣтенію этой благородной и мужественной твердости есть, какъ я уже сказалъ, тщательное обереганіе дѣтей, пока они малы, отъ страховъ всякаго рода. Не допускайте, чтобы дѣтей толковали о разныхъ ужасахъ или пугали страшными предметами. Это часто до того погрязаетъ и разстраиваетъ духъ, что онъ уже не можетъ оправиться; и затѣмъ въ теченіе всей жизни, при первомъ намекѣ или возникновеніи какой-нибудь страшной идеи, теряется и смущается; тѣло слабѣетъ, душа въ смутеніи, и человѣкъ

1) Моральное мужество чаще требуется, какъ взрослымъ, такъ и дѣтямъ, и должно заботливо поощряться. Напримеръ, дѣтей, которые добровольно признаются въ проступкѣ, нужно если не совсѣмъ избавлять отъ наказанія, то подвергать болѣе слабому наказанію за ихъ сознаніе. Дѣти, устоявшія противъ сильного соблазна, заслуживаютъ специального одобренія. Моральное мужество требуется не только для сопротивленія соблазну, но и для отстаивания собственного мнѣнія, когда оно отличается отъ мнѣнія окружающихъ. Въ виду этого дѣтей слѣдуетъ поощрять честно высказывать свое мнѣніе по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ они могутъ составить его. Школьники вообще отличаются нетерпимостью, и мальчику требуется не малое мужество, чтобы высказывать мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ мнѣніями товарищей. Въ этомъ, быть можетъ, и заключается причина того, что люди, получившіе домашнее воспитаніе, каковы бы ни были ихъ недостатки въ другихъ отношеніяхъ, отличаются обыкновенно большей силой и независимостью характера, чѣмъ воспитывавшіеся въ общественныхъ школахъ. Д.

перестаетъ бытъ самимъ собою и утрачиваетъ способность къ обдуманному и разумному дѣйствію. Зависитъ ли это отъ волненія животныхъ духовъ¹⁾), ставшаго привычнымъ подъ вліяніемъ первого сильнаго впечатлѣнія, или отъ какого-нибудь иного, труднѣе объяснимаго, измѣненія конституціи, несомнѣнно одно, что такъ бываетъ. Примѣры людей съ боязливой слабой душою, хранившихъ всю жизнь послѣдствія испуга, пережитаго ими въ малолѣтствѣ, известны всюду, и это нужно всячески предупреждать.

Далѣе, слѣдуетъ съ осторожной постепенностью пріучать дѣтей къ такимъ вещамъ, которыхъ они черезчуръ боятся. Но здѣсь требуется большая осмотрительность, чтобы избѣжать чрезмѣрной торопливости и не начинать лѣчевія слишкомъ рано; иначе вы рискуете не устраниТЬ, а усилить зло. Отъ маленькихъ дѣтей, которыхъ носятъ на рукахъ, не трудно устраниТЬ пугающіе ихъ предметы, и пока они не умѣютъ говорить и понимать то, что имъ говорятъ, они не способны уразумѣть разсужденій и объясненій, требующихся для убѣжденія ихъ въ томъ, что нѣтъ ничего опаснаго въ страшныхъ предметахъ, съ которыми намъ хотѣлось бы освоить ихъ, приводя ихъ постепенно въ близкое соприкосновеніе съ ними. А потому рѣдко придется примѣнять къ нимъ этотъ пріемъ, пока они не научились бѣгать и говорить. Но все же, если ребенку случится испытать непріятное впечатлѣніе отъ чего-либо, что недѣлко устраниТЬ изъ его обстановки, и онъ начнетъ обнаруживать признаки испуга всякий разъ какъ увидитъ этотъ предметъ, нужно пользоваться всѣми случаями, чтобы избавить его отъ этого страха, отвлекая его мысли или соединяя съ пугающимъ предметомъ какія-либо забавныя и пріятныя впечатлѣнія, пока онъ не сдѣлается привычнымъ и безобиднымъ.

Мы, кажется, можемъ замѣтить, что для недавно родившихся дѣтей всѣ объекты, попадающіеся имъ на глаза, безразличны; и они такъ же мало пугаются негра или льва, какъ своей кормилицы или кошки. Что же именно въ извѣстныхъ сочетаніяхъ формъ и красокъ пугаетъ ихъ позднѣ? Ничто иное, какъ опасеніе непріятностей, сопровождающихъ эти вещи. Я увѣренъ, что если бы ребенокъ ежедневно сосаль грудь новой кормилицы, то перемѣна лицъ такъ же мало пугала бы его въ возрастѣ шести мѣсяцевъ, какъ въ возрастѣ шестидесяти лѣтъ. Причина, почему дѣти не идутъ къ постороннимъ, заключается въ томъ, что ребенокъ, привыкнувъ получать пищу и ласки только отъ одного или двухъ лицъ, постоянно находящихся при немъ, боится, очутившись въ рукахъ незнакомца, потерять то, что ласкаетъ и питаетъ его и постоянно удовлетворяетъ его нужды, которыя онъ такъ часто испытываетъ, что и заставляетъ его пугаться, когда кормилица ушла.

Единственное, чего мы естественно боимся, есть страданіе или утрата удовольствія. А такъ какъ они не связаны съ какой-либо

¹⁾ «Animal spirits»—то, что мы назнали бы теперь иерпной энергией. Д.

формой, цветомъ или объемомъ видимыхъ предметовъ, то мы не боимся послѣднихъ, пока они не причинять намъ страданія или пока мы не узнаемъ, что они могутъ нанести намъ вредъ. Веселый блескъ и яркость огня такъ радуютъ дѣтей, что сначала они всегда стараются схватить его, но убѣдившись путемъ многократнаго опыта, сопровождающагося мучительной болью, какъ жестокъ и безжалостенъ огонь, они боятся дотрагиваться до него и старательно избѣгаютъ его. Разъ таково основаніе страха, нетрудно найти, откуда онъ вытекаетъ и какъ устранить его по отношенію ко всѣмъ предметамъ, страшнымъ только по недоразумѣнію. А когда душа окрѣпнетъ и приобрѣтеть власть надъ собою и надъ своими обычными страхами въ маловажныхъ случаяхъ, она подготовлена для встрѣчи съ болѣе серьезными опасностями. Вспѣль ребенокъ кричитъ и обращается въ бѣгство при видѣ лягушки; пусть другой пойметъ ее и положить на далекомъ разстояніи отъ него; пріучайте его сначала смотрѣть на нее; затѣмъ, когда это будетъ достигнуто, подходить къ ней ближе и не бояться ея прыжковъ; затѣмъ слегка дрогогиваться до нея, когда другой крѣпко держитъ ее въ руки; и такъ далѣе, пока она не привыкнетъ обращаться съ нею такъ же безбоязненно, какъ съ бабочкой или воробьевъ. Тѣмъ-же способомъ можно устраивать и другие пустые страхи; если только дѣйствовать осмотрительно, не слишкомъ торопиться и не тянуть ребенка на новую ступень увѣренности, пока онъ не вполнѣ утвердился на предыдущей. Такъ слѣдуетъ подготовлять юнаго солдата къ житейской битвѣ; причемъ надо стараться не представлять опаснѣи больше вещей, чѣмъ ихъ есть въ дѣйствительности, и всакій разъ, какъ вы замѣтите, что онъ боится больше чѣмъ слѣдуетъ, вести его путемъ нечувствительныхъ переходовъ, пока наконецъ, разставшись съ своими страхами, онъ не овладеетъ затруднѣніемъ и не выйдетъ изъ него со славой. Часто повторяющиіеся успѣхи этого рода заставлять его убѣдиться, что зло не всегда такъ несомнѣнно или велико, какъ рисуютъ его наши страхи; и что средство избѣжать его не въ томъ, чтобы обращаться въ бѣгство или смущаться, падать духомъ и теряться отъ страха тамъ, гдѣ наша честь или долгъ требуютъ идти впередъ.

(Закаливаніе).

Но такъ какъ главная основа страха у дѣтей есть боль, то есть еще средство закаливать и укрѣплять ихъ противъ страха и опасности,— это пріучать ихъ къ перенесенію боли. Возможно, что изѣжные родители найдутъ это совершенно противоестественной вещью по отношенію къ дѣтямъ; а большинство признаетъ неразумнымъ пытаться примирять кого-нибудь съ болью, заставляя его испытывать ее. Они скажутъ: «это, быть можетъ, вкушить ребенку отвращеніе къ тому, кто причиняетъ ему страданіе; но никогда не примирить его съ самимъ страданіемъ. Вы предлагаете странный методъ. Вы не хотите, чтобы дѣтей сѣкли и наказывали за ихъ проступки, но готовы мучить

ихъ за хоронее поведеніе или ради самаго мученія». Я не сомнѣваюсь, что подобный возраженія будуть сдѣланы и что меня сочтут неподобательнымъ или фантазеромъ за это предложеніе. Я согласенъ что его примѣненіе требуетъ большой осторожности, и потому не вижу ничего дурного въ томъ, что его примутъ и одобрятъ лишь тѣ, кто умѣеть разсуждать и вникать въ суть вещей. Я не хочу, чтобы дѣтей часто били за ихъ проступки, такъ какъ не хочу, чтобы они считали тѣлесную боль сильнѣйшимъ наказаніемъ; и на томъ же основаніи я совсѣмъ иногда причинять имъ боль, когда они ведутъ себя хорошо, чтобы они пручались выносить ее, не усматривая въ ней величайшаго изъ золъ. До какой степени воспитаніе можетъ примирить молодежь съ болью и страданіями, достаточно показываетъ примѣръ Спарты¹⁾; и тѣ, которые достигли убѣжденія, что тѣлесная боль не величайшее изъ золъ, или не такое зло, котораго нужно наиболѣе бояться, сдѣлали не малый шагъ на пути къ добродѣтели. Но я не такъ безуменъ, чтобы предлагать лакедемонскую дисциплину въ наименьѣйѣ или при нашей конституції. Все-же, однако, я утверждаю, что осторожное прученіе дѣтей выносить не поморшившись, известную степень боли, есть средство сообщить твердость ихъ душамъ и заложить основаніе мужеству и рѣшимости въ ихъ послѣдующей жизни.

Первый шагъ къ этому не хныкать надъ ними и не позволять имъ хныкать самимъ по поводу всякой незначительной боли. Но объ этомъ я уже говорилъ.

1) «Со дня своего рожденія каждый спартанскій мальчикъ считался ребенкомъ государства и въ качествѣ такового подлежалъ смерти, не взыграя на положеніе отца, если оказывался безобразнымъ или болѣзниеннымъ. Въ самые ранніе годы онъ не былъ всѣцѣло предоставленъ родителямъ, хотя и находился въ ихъ попеченіи, а съ семилѣтнаго возраста подвергался общественной дисциплине, суворость которой возрастала по мѣрѣ его приближенія къ зрѣлости. Воспитаніе молодежи, а до извѣстной степени и попеченіе о всѣхъ старшихъ гражданахъ, находилось подъ контролемъ должностного лица, избранаго специально для этой цѣли (*παιδονόμος*), который въ свою очередь назначалъ извѣстное число молодыхъ людей, достигшихъ двадцатилѣтнаго возраста и зарекомендовавшихъ себя съ наилучшей стороны, въ качествѣ начальниковъ группъ (*άγελα*), на которыхъ дѣялись мальчики; и такъ какъ единственнаю цѣлью воспитанія было подготовить гражданъ, способныхъ служить своей странѣ и защищать ее, то дисциплина во всѣхъ отношеніяхъ подчинялась этой цѣли. Молодежь обучали исключительно военному дѣлу, цѣлью всѣхъ усилий было военное искусство, энергия, мужество и храбрость. Спартанецъ пручался какъ терпѣть, такъ и дерзать мужественно, и ради этого съ раннихъ поръ привыкалъ къ грубой и скучной пище, недостаточно теплой одеждѣ, къ самообузданію и къ самимъ жестокимъ и мучительнымъ истязаніямъ. Одно изъ нихъ, установленное по преданію Ликургомъ, заключалось въ томъ, что юноши, стоя вокругъ жертвенника Артеміды, состязались другъ съ другомъ въ перенесеніи розогъ, и иногда умирали въ этомъ состязаніи, не испустивъ ни единаго стона. (Рен. Сус. art. «Sparta»). Цицеронъ говоритъ: «Мальчиковъ въ Спарѣ сѣкутъ у алтарей такъ, что кровь текеть ручьями; мало того, иногда, какъ мнѣ говорили въ бытность мою тамъ, ихъ заѣкаютъ до смерти; и тѣмъ не менѣе никто не слыхалъ отъ нихъ крика, ни даже стона». (Ти. Quaest. II. 14.). Д.

Далѣе слѣдуетъ иногда умышленно причинять имъ боль; но дѣлать это нужно, когда ребенокъ находится въ хорошемъ настроении духа и увѣренъ въ расположении и добротѣ того, кто причиняетъ ему боль, въ то самое время, когда онъ дѣлаетъ это. При этомъ не должно быть никакихъ проявлений гнѣва или неудовольствія съ одной стороны, ни состраданія или раскаянія съ другой; и нужно быть увѣреннымъ, что боль не превышаетъ той, которую ребенокъ можетъ вынести, не раздражаясь и не принимая ее за обиду или наказаніе. Я видѣлъ, какъ при такихъ обстоятельствахъ со смѣхомъ выдержала изрядную порцію довольно сильныхъ ударовъ прутомъ по спинѣ ребенокъ, который заплакалъ бы отъ неласковаго слова и былъ бы очень огорченъ суровымъ взглядомъ со стороны того же лица. Убѣдите ребенка, постоянными заботами и лаской, что вы действительно любите его, и вы можете постепенно пріучить его выносить, не сопротивляясь и не жалуясь, очень суровое и мучительное обращеніе съ вашей стороны: мы ежедневно можемъ наблюдать это въ играхъ дѣтей другъ съ другомъ. Чѣмъ кѣниже вашъ ребенокъ, тѣмъ болѣе вамъ слѣдуетъ искать случаевъ закаливать его такимъ способомъ въ подходящую минуту. Главное искусство заключается въ томъ, чтобы начинать съ самого неизначительного страданія и продолжать путемъ нечувствительныхъ переходовъ, въ такие моменты, когда вы играете съ нимъ, находитесь съ нимъ въ ладу и одобряете его; и если только вамъ удалось заставить его видѣть достаточную награду за страданія въ вашей похвалѣ его мужеству; если онъ гордится такими проявленіями своего мужества и предпочитаетъ репутацію молодца и храбреца уклоненію отъ маленькой боли или жалобамъ на нее, то вы не должны отчаяваться преодолѣть со временемъ, при содѣствії его растущаго разума, его боязливость и исправить слабость его конституції. Когда онъ подрастетъ, надо побуждать его къ болѣе смѣлымъ попыткамъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ увлекаетъ его природный характеръ; и если вы замѣтите, что онъ колеблется въ такихъ случаяхъ, съ которыми, какъ вы имѣете основаніе думать, сдѣрался бы вполнѣ успѣшно, если бы только рѣшился дѣйствовать, то сначала помогите ему; затѣмъ дѣйствуйте постепенно стыдомъ, пока наконецъ онъ не пріобрѣтетъ увѣренности, а съ нею и власти надъ собой; что должно вознаграждаться похвалой и одобреніемъ его поступка со стороны другихъ. Когда онъ пріобрѣтетъ такимъ путемъ достаточно рѣшимости, чтобы не отступаться отъ задуманнаго изъ страха передъ опасностью; когда испугъ при внезапныхъ или опасныхъ происшествіяхъ не разстраиваетъ его души, не повергаетъ въ дрожь его тѣла, не лишаетъ его способности дѣйствовать и не заставляетъ его бѣжать,—тогда онъ обладаетъ мужествомъ разумнаго существа; и эту-то стойкость мы должны стараться укрѣплять у нашихъ дѣтей посредствомъ привычки и практики, пользуясь всѣми подходящими для этого случаями.

(О расположеній дѣтей къ жестокости).

116. Я часто наблюдалъ у дѣтей одну вещь, именно, что когда въ ихъ руки попадетъ какое нибудь злонечное созданіе, они склонны дурно обходитьсь съ нимъ: они часто мучать и подвергаютъ жестокому обращенію маленькихъ птичекъ, бабочекъ и другихъ бѣдныхъ животныхъ, и продѣлываютъ это съ видимымъ удовольствіемъ. Я полагаю, что нужно слѣдить за ними въ этомъ отношеніи, и, если они обнаруживаютъ наклонность къ подобной жестокости, учить ихъ противоположному обращенію. Ибо привычка мучить и убивать животныхъ постепенно ожесточитъ ихъ души также по отношенію къ людямъ; и тѣ, которые забавляются страданіями и уничтоженіемъ низшихъ существъ, врядъ-ли окажутся особенно сострадательными и благосклонными къ себѣ подобнымъ. Наша практика считается съ этимъ, не допуская мясниковъ въ составъ присяжныхъ, рѣшающихъ вопросы о жизни и смерти. Дѣтей нужно съ самаго начала воспитывать, внушая имъ отвращеніе къ убийству или истязанію какого бы то ни было живого существа, и пріучать ихъ ничего не портить и не уничтожать, развѣ только въ видахъ сохраненія или пользы чего либо другого, болѣе цѣнного. И въ самомъ дѣлѣ, если бы цѣлью каждого, насколько это въ его силахъ, сдѣгалось сохраненіе всего человѣчества, что дѣйствительно является долгомъ каждого и должно бы стать основнымъ принципомъ нашей религіи, политики и морали, то на свѣтѣ было бы гораздо больше покоя и добра, чѣмъ нынѣ. Но вернемся къ нашему предмету; я не могу не одобрить благородства и доброты одной матери, моей знакомой, которая всегда относилась енисходительно къ желанію своихъ дочерей имѣть собачекъ, бѣлокъ, птицъ и тому подобныхъ животныхъ, которыми обыкновенно забавляются маленькия дѣвочки; но съ тѣмъ, чтобы, заведя ихъ, онѣ обращались съ ними хорошо, смотрѣли за ними и заботились, чтобы тѣ ни въ чемъ не нуждались и не подвергались дурному обхожденію. Если же онѣ пренебрегали заботами о нихъ, то это считалось серьезнымъ проступкомъ, часто вызывавшимъ отображеніе животнаго или по крайней мѣрѣ строгій выговоръ; такимъ образомъ онѣ съ раннихъ поръ пріучались къ заботливости и добронравію. И, право, я думаю, что людей надо съ козыбели пріучать относиться ласково ко всѣмъ чувствующимъ существамъ, и ничего не портить и не разрушать.

Это удовольствіе, находимое ими въ причиненіи зла, подъ которымъ я подразумѣваю безцѣльную порчу вещей, а особенно причиненіе, ради забавы, боли существамъ, способнымъ чувствовать ее, можетъ быть, по моему убѣждѣнію, только внушенной извѣт склонностью, привычкой, заимствованной изъ обычаевъ и окружающей практики. Взрослые учать дѣтей драться и смѣяться, когда они причиняютъ боль или видятъ другихъ въ бѣдѣ; а окружающіе примѣры въ большинствѣ случаевъ только укрѣпляютъ ихъ въ этихъ привычкахъ.

Все, что вмъ объясняютъ и рассказываютъ изъ исторіи, сводится почти исключительно къ битвамъ и убийствамъ, а почести и слава, достающіеся на долю побѣдителей (которые въ большинствѣ случаевъ являются только великими масниками человѣчества) еще болѣе сбиваются съ толку подрастающую молодежь, заставляя ее видѣть въ войнѣ похвальное дѣло и самую героическую доблесть. Такимъ путемъ въ нихъ насаждается противуестественная жестокость, и то, чѣмъ возмущается человѣчность, одобряется и внушается намъ обычаемъ, какъ путь къ славѣ. Такъ обычай и мнѣніе превращаются въ удовольствие то, что само по себѣ вовсе не таково и не можетъ быть таковымъ. За этимъ надо тщательно следить и съ ранихъ поръ противодействовать такимъ вліяніямъ; именно, поощрять вмѣсто нихъ противуположное и болѣе естественное направление благосклонности и состраданія; но дѣйствовать при этомъ тѣми же осторожными методами, которые прилагаются къ двумъ вышеупомянутымъ недостаткамъ. Быть можетъ, не будетъ неумѣстнымъ прибавить здѣсь, что изрѣденія, причиненные во время игры, по неосторожности или неудѣнію, но безъ умысла или желанія причинить ущербъ или нанести рѣдь, хотя они бываютъ иногда весьма серьезными, не должны налекать на виновныхъ взысканіе, или развѣ самое легкое. Ибо я не устаяу повторять, что каковъ бы ни былъ проступокъ ребенка и каковы бы ни были его послѣдствія, при взысканіи нужно обращать вниманіе единственно на то, изъ какого корня онъ выросъ и какую привычку можетъ установить: съ этимъ должно сообразоваться исправленіе, и ребенка не слѣдуетъ подвергать наказанію за ущербъ, причиненный его игрою или неосторожностью. Недостатки, требующіе справленія, коренятся въ душѣ и если они такого рода, что испрашиваются возрастомъ и не ведутъ за собою дурныхъ привычекъ, то и оступки, вытекающіе изъ нихъ, какъ бы ни были они неудобны, должны оставляться безъ всякаго взысканія.

117. Другой способъ внушать чувства человѣчности и поддерживать ихъ въ молодежи, это пріучать ихъ къ вѣжливости въ языцѣ и обращеніи съ низшими и простонародьею, особливо съ прислугой. Довольно часто приходится наблюдать, что дѣти въ семьяхъ джентльменовъ употребляютъ въ обращеніи съ домашней прислугой повелительный языкъ, пренебрежительные клички и властный тонъ; какъ будто это существо другой, низшей породы и вида. Внушается ли это высокомѣріе дурнымъ примѣромъ, преимуществами состоянія или природнымъ тѣснствомъ, его во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предупреждать или выпалывать; и внѣдрять на мѣсто него кроткое, вѣжливое, привѣтливое обращеніе съ людьми низшаго званія. Ихъ превосходство отъ этого ничуть не умаляется, но почтъ возрастаетъ и авторитетъ усиливается, разъ къ вѣнчанной почтительности низшихъ присоединяется любовь, и уваженіе къ лицу играть роль въ ихъ подчиненіи; и слуги будутъ съ большей готовностью и охотой исполнять свои обязанности, если ихъ не шпилиютъ за то, что судьба поставила ихъ ниже другихъ, у ногъ господина. Не слѣдуетъ допускать, чтобы дѣти

утрачивали уваженіе къ человѣческой природѣ изъ-за случайностей внѣшняго положенія. Надо внушать имъ, что чѣмъ больше имть дано, тѣмъ они должны быть добрѣ, сострадательнѣе и ласковѣе къ своимъ собратьямъ, стоящимъ ниже и надѣленнымъ скучнѣе. Если позволять имъ съ колыбели грубо третировать людей на томъ основаніи, что, благодаря отцовскому титулу, они обладаютъ надъ ними вѣкото-рой властью, то въ лучшемъ случаѣ результатомъ явится дурная привычка, которая, если не принять мѣры противъ этого, превратить ихъ природную гордость въ обычное презрѣніе къ низшимъ. А къ чему другому это можетъ привести, кроме угнетенія и жестокости?

(Отдѣлъ XVI. §§ 118—122).

(О детскомъ любопытствѣ).

118. Любопытство (*curiosity*) у дѣтей (о которомъ я только что имѣлъ случай упомянуть, § 108), есть ничто иное какъ влеченіе къ знанію; и, слѣдовательно, должно быть поощряемо, не только какъ добрый знакъ, но и какъ великое орудіе, полученное ими отъ природы¹⁾ для устраненія невѣжества съ которымъ они рождаются, и которое, безъ этой дѣятельной пытливости, сдѣлало-бы ихъ тупыми и бесполезными созданиями. Способы поощренія этого влеченія и поддерживанія его дѣятельности и бодрѣнія заключаются, какъ я полагаю, въ слѣдующемъ:

1. Не обрывать и не обезкураживать ребенка при какихъ бы то ни было вопросахъ съ его стороны, не позволять смѣяться надъ нимъ; но отвѣтывать на всѣ его вопросы и объяснять то, что онъ желаетъ знать, такъ, чтобы объясненіе было понятнымъ для него и соответствовало его возрасту и знаніямъ. Но не сбивайте его съ толка, не-

доступными для него объяснениями или понятиями, или разнообразиемъ и множествомъ фактовъ, не относящихся непосредственно къ данному вопросу. Обращайте внимание на то, что собственно интересуетъ его въ данномъ вопросѣ, а не на то, въ какихъ словахъ онъ его выражаетъ; и когда вы освѣдомите и удовлетворите его по существу, то увидите какъ расширяются его мысли и какъ, благодаря удачнымъ отвѣтамъ, его можно завести дальше, чѣмъ вы, можетъ быть, воображаете. Ибо знаніе также же пріятно для разума, какъ свѣтъ для глазъ: дѣти радуются ему и увлекаются имъ въ высшей степени, особенно если видѣть, что къ ихъ вопросамъ относятся внимательно, и что ихъ желаніе знанія поощряется и одобряется. Я не сомнѣваюсь, что главная причина, въ силу которой многія дѣти всепрѣло отдаются глупымъ забавамъ и безсмысленно тратятъ свое время, заключается въ томъ, что ихъ любопытству ставить преграды и къ ихъ вопросамъ относятся пренебрежительно. Но если бы къ нимъ относились болѣе ласково и уважительно, и отвѣчали бы на ихъ вопросы, каковы-бы они ни были, удовлетворяя ихъ любопытство, то, безъ сомнѣнія, они находили бы большее удовольствія въ ученыи и въ пріобрѣтеніи познаній, встрѣчая въ этой области новизну и разнообразіе, которыхъ имъ такъ нравятся и которыхъ они не находятъ въ вѣчно одиваковыхъ играхъ и игрушкахъ.

119. 2. Къ этимъ серьезнымъ отвѣтамъ на ихъ вопросы и обогащению ихъ разума свѣдѣніями, которыхъ они желаютъ получить, слѣдуетъ присоединить специальные пріемы одобрѣнія. Пусть другое, къ которымъ они питають уваженіе, говорять въ ихъ присутствіи обѣихъ познаніяхъ; и такъ какъ мы всѣ, съ колыбели, тщеславныя и гордяя сущности, то пусть ихъ тщеславіе утѣшается такими венцами, которыхъ приносить имъ пользу; пусть гордость побуждаетъ ихъ къ работѣ, которая можетъ оказаться нужной для нихъ.

Ставь на эту почву, вы убѣдитесь, что лучшій способъ заставить вашихъ старшихъ дѣтей учиться и пріобрѣтать свѣдѣнія, — это поручить имъ обучать младшихъ сестеръ и братьевъ.

120. 3. Какъ не слѣдуетъ пренебрежительно относиться къ вопросамъ дѣтей, такъ нужно позаботиться о томъ, чтобы они не получали лживыхъ и уклончивыхъ отвѣтовъ. Они безъ труда замѣчаютъ пренебрежительное отношеніе или обманъ, и быстро усваиваютъ небрежность, притворство и фальшь, наблюдаемыя ими у другихъ. Мы не должны нарушать истины, имѣя дѣло съ кѣмъ бы то ни было, а въ особенности съ дѣтьми; такъ какъ если мы фальшивимъ съ ними, то не только обманываемъ ихъ ожиданія и препятствуемъ имъ пріобрѣтать знанія, но развращаемъ ихъ невинность и научаемъ ихъ худшему изъ пороковъ. Они нутешественники, только что прибывшіе въ чужую страну, о которой ничего не знаютъ; поэтому совѣсть обзываеть насъ не давать имъ ложныхъ указаний. И хотя ихъ вопросы кажутся иногда довольно пустыми, но отвѣтъ на нихъ надо серьезно; такъ какъ хотя бы они казались намъ (давно знакомымъ съ ними) не стоящими вниманія, то они важны для тѣхъ, кто еще ин-

чего не знаетъ. Дѣти—иностранцы, которые должны ознакомиться со всѣмъ; и всѣ вещи, съ которыми они сталкиваются, сначала неизвѣстны имъ, какъ и намъ были неизвѣстны; и счастливы тѣ, которые встречаются съ вѣжливыми людьми, готовыми снизойти къ ихъ невѣжеству и помочь имъ отѣлаться отъ него.

Еслибы я или вы внезапно очутились въ Японіи со всѣмъ нашимъ благоразуміемъ и познаніями, преувеличенніе мыѣніе о которыхъ, быть можетъ, и заставляетъ насъ такъ пренебрежительно относиться къ мыслямъ и вопросамъ дѣтей; еслибы, говорю я, мы очутились въ Японіи, то безъ сомнѣнія (желая получить здѣсь всѣ, какія возможно, свѣдѣнія) предлагали бы тысячи вопросовъ, которые казались бы поверхностному или неразсудительному японцу праздными и вздорными; хотя для насъ было бы весьма существенно и важно получить на нихъ отвѣты; и мы были бы очень рады найти снисходительного и любезнаго человѣка, готоваго удовлетворить наши требованія и пособить нашему невѣжеству.

Когда имъ попадается что нибудь новое, дѣти обыкновенно предлагаютъ обычный вопросъ иностранца: что это такое? Подъ этимъ они въ большинствѣ случаевъ подразумѣваютъ только название; и потому сказать имъ, какъ это называется, значить дать правильный отвѣтъ на ихъ вопросъ. Слѣдующій вопросъ обыкновенно такой: а для чего это? И на этотъ вопросъ нужно отвѣтить прямо и точно: указать имъ назначеніе вещи и объяснить, какимъ образомъ она служитъ для своего назначенія, насколько это доступно ихъ пониманію. Того-же нужно держаться въ отношеніи всѣхъ, предлагаемыхъ ими, вопросовъ; не отсыпать ихъ, пока вы не дали имъ объясненія, которое они способны усвоить; и такимъ образомъ наводить ихъ вашими отвѣтами на дальнѣйшіе вопросы. И можетъ быть, подобный разговоръ окажется для взрослого человѣка вовсе не такимъ пустымъ и ничтожнымъ, какъ мы склонны воображать. Естественные и не внущенные вопросы пытливыхъ дѣтей часто затрагиваютъ такія вещи, которымъ могутъ дать толчекъ мысли разумнаго человѣка. И я думаю, что изъ неожиданныхъ вопросовъ ребенка часто можно научиться большему¹⁾, чѣмъ изъ разговоровъ съ людьми, которые высказываютъ ходячія мысли, соответственно заученнымъ понятіямъ и предразсудкамъ, привитымъ воспитаніемъ.

121. 4. Быть можетъ, не мѣщаеть иногда возбуждать ихъ любопытство, показывая имъ рѣдкіе и новые предметы, съ цѣлью под-

¹⁾ «Это чрезвычайно мѣткое замѣчаніе, показывающее, что Локиѣ были хорошо знакомы съ дѣтскими разговорами, изъ которыхъ мудрѣйшій человѣкъ часто можетъ извлечь пользу. Они ставятъ его въ то положеніе, которое онъ оставилъ задолго до того, какъ началь регистрировать свои наблюденія, и даютъ ему возможность, при помощи молодыхъ и не утомленныхъ глазъ, видѣть вещи въ такомъ свѣтѣ, въ которомъ онъ не могли бы явиться ему безъ этого отраженія». Ст. Дж.

Одинъ еврейскій раввинъ говорилъ: «я многому научился отъ своихъ учителей, многому изъ книгъ, но всего болѣе отъ моихъ учениковъ». Д.

трекнуть ихъ пытливость и дать имъ случай получить свѣдѣнія о чюхъ; если-же, случайно, любопытство заставить ихъ предложить вопросъ о томъ, чего имъ не слѣдуетъ знать, то гораздо лучше отвѣтить имъ прямо, что этого имъ еще не слѣдуетъ знать, чѣмъ отдѣльваться ложью или вздорными отвѣтами.

122. Бойкость, проявляющаяся иногда такъ рано, вытекасть изъ начала, которое рѣдко сопровождается сильную конституцію тѣла или созрѣаетъ въ сильный разсудокъ. Если желательно сдѣлать ребенка болѣе бойкимъ на языкъ, то, мнѣ кажется, можно найти чуть къ достижению этого; но я полагаю, что мудрый отецъ предполагаетъ, чтобы его сынъ былъ способнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, когда вырастетъ, чѣмъ пріятной компаніей и развлечениемъ для другихъ, пока онъ малъ; я, впрочемъ, думаю, что и со стороны ребенка здравыя разсужденія доставляютъ больше удовольствія, чѣмъ милая болтовня. Поощряйте, поэтому, его пытливость всѣми возможными средствами, удовлетворяя его запросы и обогащая его разсудокъ свѣдѣніями, насколько онъ способенъ ихъ вмѣстить. Если его доводы сколько нибудь сносны, одобряйте и хвалите ихъ; если-же онъ совершенно сбился съ пути, осторожно выводите его изъ дорогу, не издѣяваясь надъ его ошибками; и если онъ обнаруживаетъ охоту разсуждать обо всемъ, что ему попадается, старайтесь, насколько можете, чтобы никто не подавлялъ въ немъ эту наклонность или не направлялъ ее на ложный путь вздорными и легкомысленными бесѣдами. Ибо воспитаніе этой высшей и важнейшей способности нашей природы заслуживаетъ величайшей заботливости и вниманія: правильное усовершенствование и упражненіе нашего разума есть высшее совершенство, какого человѣкъ можетъ достигнуть въ этой жизни.

(Отдѣль XVII. §§ 123—127).

(О шалопайствѣ).

123. Въ противоположность этому дѣятельному пытливому темпераменту наблюдается иногда у дѣтей безлечная нерадивость, отсутствие интереса къ чему бы то ни было и несерьезное отношеніе даже къ своему дѣлу. Это шалопайское настроеніе я считаю однимъ изъ худшихъ качествъ, какія могутъ проявиться у ребенка, и однимъ изъ наиболѣе трудно исправимыхъ, если это природный недостатокъ. Но такъ какъ здѣсь возможны иногда недоразумѣнія, то слѣдуетъ позаботиться о правильной опѣнкѣ нерадиваго отношенія къ книгамъ и занятіямъ, которое можетъ иногда подать поводъ къ недовольству ребенкомъ. Лишь только у отца возникаетъ подозрѣніе, что его сынъ обладаетъ темпераментомъ лѣтняя, онъ долженъ заняться тщательнымъ наблюденіемъ, проявляется ли эта нерадивость и равнодушіе во всѣхъ его дѣйствіяхъ, или онъ вяль и тяжелъ на подъемъ только въ извѣстныхъ вѣщахъ, а въ другихъ дѣятеленъ и бодръ. Хотя бы онъ зѣвалъ

надъ книжками и бездѣльничаль большую часть времени, которое проводить въ своей комнатѣ или въ классѣ, нельзя сразу же рѣшать, что это вытекаетъ изъ лѣниваго темперамента. Причиной можетъ быть ребячество, увлеченіе чѣмъ-нибудь, отвлекающимъ его мысли отъ ученья; и онъ естественно недолюбливаетъ учебники, потому что ихъ навязываютъ ему какъ обязательную работу. Чтобы разобраться въ этомъ, вы должны слѣдить за нимъ во время игры, въ свободные отъ учебныхъ занятій часы, когда онъ слѣдуетъ собственнымъ наклонностямъ, и наблюдать, не проявляетъ ли онъ при этомъ подвижности и дѣятельности; не намѣщаетъ ли онъ себѣ какой-нибудь цѣли и не добивается ли усердно и ревностно ея осуществленія, или проводить время въ лѣнивой и вялой дремотѣ. Если эта вялость проявляется только за книгами, я думаю, что отъ нея легко вылечить. Если же она коренится въ его темпераментѣ, то потребуется больше усилий и вниманія, чтобы искоренить ее.

124. Если вы убѣдились по его рвению въ игрѣ или въ чѣмъ либо другомъ, занимающемъ его въ промежутки между учебными часами, что самъ по себѣ онъ вовсе не склоненъ къ лѣности, и только отсутствие интереса къ книгамъ дѣлаетъ его небрежнымъ и нерадивымъ въ занятіяхъ, то прежде всего вамъ слѣдуетъ попытаться ласково убѣдить его въ безразсудствѣ и нелѣпости такого поведенія, такъ какъ оно отнимаетъ у него значительную долю времени, которое онъ могъ бы посвятить развлечению; только во всякомъ случаѣ говорите съ нимъ спокойно и ласково, и спачала не слишкомъ распространяйтесь, излагайте только вкратцѣ эти ясные доводы. Если это приведетъ къ успѣху, вы достигли своей цѣли самымъ желательнымъ путемъ: путемъ разума и кротости. Если этотъ ласковый способъ окажется безуспѣшнымъ, попытайтесь пристыдить его насмѣшками, ежедневными вопросами за столомъ если при этомъ вѣтъ постороннихъ—много ли онъ занимался сегодня? и если онъ не приготовилъ урока, хотя имѣлъ достаточно времени, высмѣвайте его¹⁾; однако же присоединяя къ насмѣшкамъ брань, и только, обращаясь съ нимъ ходко, пока онъ не исправится; требуйте, чтобы его мать, воспитатель и все окружавшіе дѣлали тоже. Если и это не произведетъ желательнаго дѣйствія, то скажите ему, что больше его не заставлять заниматься съ воспитателемъ, что вы не хотите тратить деньги на то, чтобы онъ почуствуя терялъ съ нимъ время; но если онъ предпочитаетъ то-то или то-то (смотря по тому, какая игра занимаетъ его) учебникамъ, то пусть этимъ и занимается; а затѣмъ, саммъ серьезнымъ образомъ заставляйте его заниматься любимой игрой, настойчиво и серьезно, утромъ и послѣ полудня, пока она не опостылѣтъ ему такъ, что онъ радъ будетъ вернуться къ книжнымъ занятіямъ²⁾.

¹⁾ Это опасное средство, такъ какъ поводеть къ озлобленію ребенка, который увидитъ въ вѣмъ простое желаніе оскорбить его. Если ребенокъ плохо учится, то вина по всей вѣroятности лежитъ не въ немъ, а въ поставленіи преподаванія и въ методахъ учителя. Д.

²⁾ Это тоже опасное средство. «Чтобы не привести къ совершенно противоположнымъ результатамъ, оно должно прилагаться съ непоколебимой строгостью и во всякомъ случаѣ является неудобоисполнимымъ». III.

По превративъ такимъ образомъ его игру въ обязательную работу, вы должны слѣдить за нимъ сами или поручить это какому нибудь надежному лицу, чтобы онъ действительно постоянно занимался ю и не оставался празднымъ. Я говорю: вы должны слѣдить за нимъ сами; такъ какъ достойно заботы отца, какъ бы ни быть онъ занятъ, посвятить два или три дня своему сыну, съ цѣлью вылечить его отъ такого крупного порока, какъ отлынивание отъ занятій.

125. Таковы предлагаемыя мною средства, когда дѣло идетъ не о лѣнности, коренящейся въ его темпераментѣ, а о специальнѣмъ или пріобрѣтенномъ отвращеніи къ ученью, что нужно тщательно излѣдовать и различать. Но слѣдя за ребенкомъ, наблюдая за его время-провожденiemъ въ тѣ часы, которыми онъ располагаетъ по своему усмотрѣнію, вы или вашъ помощникъ должны продѣлывать это незамѣтно для него; иначе, наблюденіе можетъ помѣшать ему предаваться своей наклонности; не рѣшаясь, изъ страха внушенаго вами, добиваться того, что наполняетъ его душу и сердце, онъ будетъ кое какъ заниматься всѣмъ остальнымъ, къ чему не чувствуетъ влеченія, и такимъ образомъ можетъ показаться лѣнивымъ и равнодушнымъ, хотя въ дѣйствительности просто не рѣшается, опасаясь вашего наблюденія, исполнить то, чѣмъ занятъ. Чтобы уяснить этотъ пунктъ, наблюденіе должно производиться въ вашемъ отсутствіи, когда ребенокъ не подозрѣваетъ, что за нимъ слѣдятъ. Пусть въ часы полной свободы, когда онъ можетъ безпрепятственно предаваться своимъ наклонностямъ, кто-нибудь, на кого вы можете положиться, слѣдить за тѣмъ, какъ онъ пользуется временемъ и не проводить ли его въ лѣнивомъ бездѣлѣ. Такимъ образомъ, по тому какъ онъ употребляетъ свободное время, вы легко можете различить, что именно, вялый темпераментъ или отвращеніе къ учебнику, заставляетъ его лѣниться въ часы занятій.

126. Если какойнибудь изъянъ въ его конституціи иложилъ печать на его душу, и онъ по натурѣ равнодушенъ и вялъ, то съ этимъ мало-обѣщающимъ настроениемъ очень нелегко справиться, такъ какъ оно обыкновенно связано съ равнодушіемъ къ будущему, и слѣдовательно съ отсутствіемъ двухъ великихъ пружинъ дѣятельности: предусмотрительности и желанія; возникаетъ вопросъ, какъ же ихъ насадить и вырастить тамъ, где природа создала противный имъ и холодный темпераментъ. Какъ скоро вы убѣдились, что передъ вами такой случай, вы должны тщательно изслѣдоввать, нѣть ли чего нибудь, что доставляеть ему удовольствіе; узнать, что ему всего больше нравится; и если вамъ удастся найти въ его душѣ какое нибудь специальное влеченіе, усиливайте его какъ только можете, и пользуйтесь имъ, чтобы заставить его работать и возбудить его усердіе. Если онъ любить похвалу, или игру, или нарядное платье и проч., или, съ другой стороны, боится боли, срама, или вашего неудовольствія и проч., — словомъ, что бы онъ ни любилъ особенно сильно¹⁾, исключая

¹⁾ Это тоже не безопасный совѣтъ, такъ какъ этамъ способомъ можно оказать поощреніе наклонностямъ, еще болѣе предосудительнымъ, чѣмъ привычка къ лѣни. Равсудительность учителя проявляется не въ обращеніи

льни (такъ какъ она никонъ образомъ не заставитъ его работать), пользуйтесь этимъ съ цѣлью оживить его и побудить къ дѣятельности. При такомъ равнодушномъ temperamentѣ вамъ нечего опасаться (какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ) чрезмѣрно усилить влечение вашихъ поощреніемъ. Именно это вамъ и нужно, и потому вы должны стараться повышать и усиливать; ибо гдѣ нѣть желанія, тамъ не будетъ усердія.

127. Если вамъ не удается этимъ способомъ возбудить въ немъ бодрость и дѣятельность, то вы должны занять его какимъ-нибудь постояннымъ тѣлеснымъ трудомъ, чтобы онъ пріобрѣлъ привычку дѣлать что-нибудь. Заставить его прилежно учиться было бы лучшимъ способомъ создать у него привычку упражнять и прилагать къ дѣлу свой умъ. Но такъ какъ при этомъ прилежаніе невидимо, и никто не можетъ сказать, работаетъ ли ребенокъ или лѣнится, то вы должны найти для него какую-нибудь тѣлесную работу, которой онъ обязанъ постоянно заниматься; и если она иѣсколько груба и считается постыдной, то отъ этого не будетъ хуже, такъ какъ скорѣе надоѣсть ему и возбудить въ немъ желаніе вернуться къ учебнику. Но когда вы мѣняете его учебникъ на эту другую работу, задавайте ему такую задачу, для исполненія въ такое время, чтобы у него не было возможности лѣниться¹⁾. Лишь посѣль того какъ вы заставите его, этимъ способомъ, быть внимательнымъ и усерднымъ за книгой, вы можете, если онъ кончила урокъ въ назначенное время, уменьшить долю другой работы и продолжать уменьшать ее, по мѣрѣ того какъ его прилежаніе будетъ возрастать, а затѣмъ и совсѣмъ отмѣнить, когда онъ вылечится отъ лѣни.

вії ко всякому мотиву, но въ обращеніи къ законнымъ мотивамъ и въ умѣніи пользоваться природными влечениями и способностями ребенка съ цѣлью образования хорошихъ интеллектуальныхъ привычекъ. Врядъ-ли есть какой-нибудь предметъ человѣческаго интереса, который нельзя было бы использовать въ качествѣ орудія воспитанія. Привычка заставляетъ настѣнѣвать, что всѣ дѣти должны пройти одну и ту же воспитательную колею. На самомъ-же дѣлѣ интеллектуальные силы могутъ воспитываться безконечно разнообразными путями, какъ показываютъ случаи лѣдѣй, которыхъ воспитали себя сама. Инстинктъ любознательности растетъ по мѣрѣ того, какъ питается. Одна отрасль знанія примыкаетъ къ другой, и если ребенокъ заинтересовался какой-либо отраслью, то можно въ концѣ концовъ заинтересовать его и другими, кѣ которымъ въ данный моментъ онъ, быть можетъ, совершенно равнодушенъ. Д.

1) Привычка лѣности является, вообще говоря, послѣдствіемъ какого-нибудь упущенія. Большая ошибка предполагать, что дѣти любятъ лѣность. Нѣть ничего, болѣе ненавистного для нихъ. То, что смущаетъ учителя, не лѣность, а дурно направленная дѣятельность. Если дѣтямъ даютъ больше времени на ихъ уроки, чѣмъ требуется для ихъ исполненія; если ихъ работа не рассматривается надлежащимъ образомъ послѣ того, какъ она сделана; если за ними не слѣдятъ, когда они занимаются работой непривлекательнаго характера, то нѣть ничего удивительнаго въ томъ, что они пріобрѣтаютъ привычку шалопайничать. Необходимо проводить рѣзкую линию между работой и игрой. Та и другая должны выполняться серьезно, пока они дѣлятся. Д.

(Отдѣль XVIII. §§ 128—129).

(О принужденіи).

128. Мы уже замѣтили, что дѣтей увлекаютъ разнообразіе свободы, которыхъ и дѣлаютъ игры пріятными для нихъ; и что, поэтому, не слѣдуетъ навязывать имъ книгу и вообще учебныя занятія, какъ обязательную работу. Родители, воспитатели и учителя слишкомъ склонны забывать объ этомъ; и нетерпѣливое желаніе видѣть дѣтей занятыми соотвѣтствующими ихъ возрасту предметами мѣшаетъ имъ завлекать ихъ незамѣтно; а дѣти, по частымъ понужданіямъ, быстро распознаютъ, что отъ нихъ требуется, что иѣть. Разъ эта ошибка внушила имъ отвращеніе къ учебнику, за лѣченіе нужно приниматься съ другого конца. Такъ какъ теперь уже поздно пытаться превратить ученье въ игру, то нужно попробовать противоположный пріемъ: замѣтьте, какая игра особенно нравится ему; сдѣлайте ее обязательной и заставляйте его играть¹⁾ по яѣсколько часовъ въ день не въ видѣ наказанія за игру, а въ качествѣ занятія, требуемаго отъ него. При такихъ обстоятельствахъ, если я не ошибаюсь, самая любимая игра въ яѣсколько дней до того надоѣсть ему, что онъ предпочтеть ей книгу или что угодно, особыливо, если это можетъ избавить его хоть отчасти отъ обязательной для него игры; и если ему позволено затрачивать часть времени, предназначенаго для игры, на чтеніе или на какое-нибудь другое, дѣйствительно для него полезное, занятіе. Я думаю, по крайней мѣрѣ, что это—болѣе дѣйствительное средство, чѣмъ запрещеніе (которое обыкновенно усиливаетъ желаніе) или какое-бы то ни было другое наказаніе, къ которому вы можете прибѣгнуть; такъ какъ разъ вы пресытили его аппетитъ (что можно дѣлать безопасно во всемъ, кроме Ѣды и питья) и добились того, что какая-нибудь вещь набила ему оскомину,—вы внушили ему отвращеніе къ ней и можете быть увѣрены, что онъ уже не будетъ стремиться къ ней впослѣдствії.

129. Я думаю, можно считать достаточно очевиднымъ, что дѣти вообще ненавидятъ праздность. Въ виду этого, всеѣ заботы должны быть направлены къ тому, чтобы ихъ дѣятельный духъ былъ постоянно занятъ чѣмъ-нибудь полезнымъ для нихъ; а для того, чтобы достигнуть этого, вы должны сдѣлать предметъ ихъ занятій не работой, а развлечениемъ для нихъ. Способъ добиться этого такъ, чтобы ребенокъ не могъ замѣтить вашего умысла, есть предлагаемый здѣсь, именно, внушать ему отвращеніе къ тому, что вы считаете нежела-

¹⁾ Изъ того, что ребенку надоѣсть какая-нибудь игра, вовсе не слѣдуетъ, что онъ возмется за книги. Естественнѣе ожидать, что желаніе новизны будетъ поискъ удовлетворенія въ какой-нибудь другой игрѣ. Далѣе, мальчикъ вскорѣ убѣдится, что непрерывная игра, которой отъ него требуютъ, вовсе не игра, а замаскированное наказаніе, а разъ это открытое сдѣлано,—цѣль учителя уничтожена. Прямое обращеніе къ любви къ спа-
нию, любви къ дѣятельности, любви къ одобрению гораздо лучше всякихъ обходныхъ методовъ, вродѣ предлагаемаго Локкомъ. *Д.*

тельнымъ, заставляя его заниматься этимъ до пресыщенія. Напри-
мѣръ: вашъ сынъ слишкомъ много играетъ въ кубарь. Заставьте его
играть по нѣсколько часовъ въ день и слѣдите за тѣмъ, чтобы онъ
дѣлалъ это ¹⁾; вы увидите, какъ скоро онъ почувствуетъ отвращеніе
къ этой игрѣ и пожелаетъ оставить ее. Если, такимъ способомъ, вы
будете превращать развлечения, которыхъ вами не нравятся, въ обя-
зательную работу для него, то онъ самъ будетъ съ радостью хва-
таться за тѣ занятія, какія вы считаете нужными для него, особымъ,
если вы будете предлагать ихъ взамѣнъ обязательной игры. Ибо, если
вы заставляете его каждый день гонять кубарь до отвращенія, ду-
маете ли вы, что онъ не ухватится за учебникъ, и не пожелаетъ за-
няться имъ, если вы предложите это въ награду за то, что онъ усерд-
но гонялъ кубарь въ теченіе всего назначенаго времени? Дѣти не
проводятъ большого различія въ своихъ занятіяхъ, если они соотвѣт-
ствуютъ ихъ возрасту; предпочтеніе, которое они оказываютъ тому
или другому, зависитъ ими у другихъ; такъ что все, что старшіе
дѣлаютъ наградой для нихъ, действительно является таковой. Бла-
годаря этому, отъ воспитателя зависитъ сдѣлать для нихъ прыганье
на одной ногѣ наградой за танцы или танцы наградой за прыганье
на одной ногѣ; сдѣлать для нихъ пріятие и желательнѣе игру въ
кубарь или чтеніе, игру въ мячъ или изученіе глобуса; все, чего они
желаютъ,—это быть занятими, и притомъ такъ, чтобы предметы за-
нятій выбирались ими самими, и разрѣщались имъ въ знакъ распо-
ложенія родителями или другими лицами, къ которымъ они питаютъ
почтеніе и съ которыми находятся въ хорошихъ отношеніяхъ. Я по-
лагаю что группа дѣтей, руководимая такимъ образомъ, причемъ
отъ нея устранимы дурные примѣры другихъ, будетъ вся до единаго
учиться читать, писать и всему остальному, что отъ нихъ потребуется,
съ такимъ же рвениемъ и удовольствиемъ, какъ другие играютъ; и

) Врядъ-ли найдется ребенокъ, котораго можно заставить дѣлать
это,—развѣ безпощадной поркой и т. под. средствами. Такого дикаго само-
дурства и такой инквизиторской пытки не выдержитъ самый смиренный!
Трудно заставить учиться, когда пѣть «хоты къ ученью; но ученье самъ
ребенокъ считаетъ нужнымъ дѣлать; онъ не видитъ въ требованіи учиться
несправедливости и самодурства; и къ его отвращенію не присоединяется
сознавіе надѣвателства и глумленія, какимъ будетъ сопровождаться отвра-
щеніе, возбуждаемое принудительной игрой. Ребенокъ прекрасно понимаетъ,
что играютъ для забавы; превращеніе забавы въ обязательное занятіе от-
ниметъ у вѣя смысла, а дѣлать по принужденію безсмыслицу—одна изъ
самыхъ тяжелыхъ пытокъ, почти невыносимыхъ для человѣческой при-
роды. Любопытно, что наивно-возмутительная система «принудительныхъ
игръ», излагаемая въ этой главѣ (и находящаяся въ рѣзкомъ противорѣ-
чи съ его же советами предоставлять дѣтямъ полную свободу въ ихъ иг-
рахъ), измышлена Локкомъ для того, чтобы избѣгать принудительного
ученія! Здѣсь особенно рѣзко проявляется противорѣчіе, которое мы под-
черкнули въ очеркѣ жизни Локка. Отвращеніе къ принудительному ученію
вытекаетъ изъ его взгляда на самостоятельную творческую дѣятельность
личности; въ то же время оно не въ силахъ отрѣшиться отъ старой си-
стемы, выѣвишай въ ребенкѣ глину, изъ которой можно «принудительно»
вылѣпить, что угодно. *Пер.*

если старший будетъ поведенъ такимъ образомъ, и явится образцомъ, то имъ будетъ также трудно помѣшатьъ учиться, какъ при обычномъ воспитаніи ихъ трудно оторвать отъ игры.

(Отдѣль XIX. § 130).

(Объ игрушкахъ).

130. Я думаю, что у дѣтей должны быть игрушки, и притомъ разнаго рода; но эти игрушки должны храниться у воспитателя или другого лица, которое выдаетъ ихъ дѣтямъ только по одной заразѣ; и только вернувшись одну, они могутъ получить другую. Это съ равныхъ поръ пріучаетъ ихъ не терять и не портить вещей, которыми они обладаютъ; напротивъ, обиліе и разнообразіе игрушекъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, дѣлаетъ ихъ легкомысленными и беспечными и съ самаго начала пріучаетъ къ мотовству и расточительности. Я согласенъ, что это мелочи, которая покажутся недостойными вниманія воспитателя; но не слѣдуетъ пренебрегать ничѣмъ, что можетъ вліять на формирование души ребенка; и все, что создается у него привычки и навыки, заслуживаетъ вниманія и заботы воспитателя и не можетъ считаться мелочью въ виду своихъ послѣдствій.

Еще одно обстоятельство, касающееся дѣтскихъ игрушекъ, за-служиваетъ вниманія родителей. Хотя мы согласились, что они должны быть разнообразными, но, по моему мнѣнію, ихъ не слѣдуетъ покупать. Этимъ устраниется чрезмѣрное разнообразіе, которое часто обременяетъ дѣтей, служить только для пріученія ихъ души къ погонѣ за перемѣнной и излишествомъ, къ безнокойству, къ вѣчному требованію чего то еще, хотя она и сама не знаетъ, чего именно, и къ постоянной неудовлетворенности тѣмъ, что у нихъ есть. Обычай дѣлать подарки дѣтямъ состоятельныхъ людей, изъ любезности къ родителямъ, причиняетъ малюткамъ большой вредъ. Онъ пріучаетъ ихъ къ гордости, суетности и жадности, прежде чѣмъ они научатся говорить; я зналъ ребенка, до того поглощенаго числомъ и разнообразiemъ своихъ игрушекъ, что онъ утомлялъ свою няньку, ежедневно пересматривая ихъ; и такъ привыкъ къ изобилию, что никогда не считалъ его достаточнымъ и вѣчно спрашивалъ: «А еще что? А еще что? Чѣмъ еще мнѣ подарить?» Хорошее вступленіе къ умѣренію желанію и вѣрный путь сдѣлать довольного, счастливаго человѣка!

Но откуда же они возьмутъ игрушки, если ихъ не будуть покупать имъ? На это отвѣчу, что они должны дѣлать или по крайней мѣрѣ пытаться дѣлать ихъ сами; до тѣхъ поръ имъ и не понадобится никакихъ-нибудь хитроумныхъ игрушекъ. Гладкій камешекъ, листокъ бумаги, связки ключей матери и любой предметъ, которымъ они не могутъ поранить себя, годятся для развлечения маленькихъ дѣтей не хуже, чѣмъ дорогої и затѣйливыя покупныя игрушки, которыхъ они немедленно пор-

тять и ломаютъ. Дѣти никогда не дуются и не капризничаютъ изъ-за отсутствія такихъ игрушекъ, если не пріучены къ нимъ: пока они малы, все, что попадаетъ въ ихъ руки, замѣняетъ игрушки; когда же они подрастутъ, то будутъ дѣлать ихъ сами, если не избалованы неразумной расточительностью другихъ. Разумѣется, когда они начнутъ работать надъ собственными изобрѣтеніями, имъ нужно объяснять и помогать; но не слѣдуетъ давать имъ ничего, пока они сидятъ праздно, расчитывая все получить изъ чужихъ рукъ, не прилагая своихъ. Если вы поможете имъ, когда они затрудняются, они будутъ болѣе благодарны за это, чѣмъ за самыя дорогія игрушки, которыхъ вы можете купить для нихъ. Правда, такія игрушки, изготавленіе которыхъ превышаетъ ихъ искусство, каковы кубарь, волчокъ, мячъ и т. п., служащіе для упражненія, приходится доставлять имъ. Но желательно, чтобы они получали ихъ не для развлеченія, а для упражненія; при томъ и эти игрушки должны быть самыми простыми. Если вы даете имъ кубарь, то они сами должны сдѣлать для него книжку и ремень. Если же они сидятъ, разиня ротъ и дожидаюсь, пока эти вещи свалятся имъ въ руки, то должны оставаться безъ нихъ. Это будетъ создавать у нихъ привычку добиваться того, что имъ нужно, собственными средствами и собственными усилиями, и такимъ образомъ пріучать ихъ къ умѣренностіи въ желаніяхъ, прилежанію, усердію, размышленію, смѣтливости и расчетливости; качества, которыхъ окажутся полезными для нихъ, когда они станутъ взрослыми, и потому должны пріобрѣтаться, какъ можно раньше и укореняться, какъ можно глубже. Всѣ игры и развлечения дѣтей должны быть направлены къ образованію хорошихъ полезныхъ привычекъ, иначе они будутъ приводить къ дурнымъ¹⁾. Все, что они дѣлаютъ въ этомъ нѣжномъ возрастѣ, оставляетъ извѣстный отпечатокъ и вліяетъ на возникновеніе склонности къ добру или злу, а тѣмъ, что оказываетъ подобное вліяніе, не сказуешь пренебрегать.

(Одѣль XX. §§ 131—133).

(О дѣтской лжи).

131. Ложь—такой удобный и легкій покровъ всякаго дурнаго поступка и до такой степени въ ходу у всякаго рода людей, что ребенокъ врядъ ли можетъ не замѣтить ея употребленія въ разныхъ случаяхъ, и только самая щадительная забота въ состояніи оберечь

¹⁾ Мы глубоко обязаны Фребелю поклонившему, что играми можно пользоваться не только для развлечения, дѣтей, но и для воспитанія ихъ пробуждающихся способностей и для образования хорошихъ привычекъ. Особенное значеніе имѣютъ игрушки, расчитанныя на продолжительное развлеченіе, которое они могутъ доставлять, и на воспитательные услуги, которыхъ овѣи могутъ оказать. Затѣйливыхъ выдумки, которыхъ ребенокъ не можетъ понять, способыми разбудить сильное минутное любопытство, но ничему не могутъ научить и вскорѣ утрачиваютъ интересъ. Д.

его отъ этого порока. Но это такое дурное качество и мать такого множества другихъ дурныхъ качествъ, вытекающихъ изъ нея или прикрываемыхъ ею, что ребенку нужно внушать къ ней величайшее отвращеніе¹). О ней слѣдуетъ всегда говорить имъ (когда разговоръ случайно коснется лжи) съ величайшимъ негодованіемъ, какъ о порокѣ, настолько несовмѣстимомъ съ репутацией и достоинствомъ вождительства, что никто, пользующійся хоть какимъ-нибудь уваженіемъ, не потерпитъ обвиненія во лжи; какъ о привыкѣ крайней безчестности, которая низводить человѣка на послѣднюю степень по зорной низости и ставить его на одинъ уровень съ самой отверженной частью человѣчества и презрѣнной чернью; и не можетъ быть терпима ни въ комъ, кто желаетъ имѣть дѣло съ порядочными людьми и пользоваться уваженіемъ и почетомъ въ свѣтѣ. Первый же разъ, какъ ребенокъ будетъ уличенъ во лжи, она должна вызвать скорѣе изумленіе, какъ нѣчто чудовищное, чѣмъ наказаніе, какъ обыкновенный проступокъ. Если это не удержитъ его отъ повторенія, то въ слѣдующій разъ онъ долженъ получить строгий выговоръ, и попасть въ состояніе серьезной немилости со стороны отца и матери и всѣхъ окружающихъ, которымъ известенъ его поступокъ. Если же и это не поможетъ, то вы должны перейти къ побоямъ; такъ какъ послѣ такихъ предостережений умышленную ложь надо считать упрямствомъ и не допускать, чтобы она оставалась безнаказанной.

132. Дѣти, боясь показать свои проступки во всей ихъ наготѣ, склонны, подобно всѣмъ сынамъ Адамовимъ, умалять ихъ оправданіями. Эта наклонность обыкновенно граничитъ съ ложью или приводить къ ней, и потому не должна быть терпима; но ее слѣдуетъ устраниять скорѣе стыдомъ, чѣмъ сурвостью. Итакъ, если ребенокъ, спрошенный о чѣмъ-нибудь, начинаетъ съ оправданія, посовѣтуйте ему серьезнѣмъ тономъ разсказать правду; если-же онъ и послѣ этого будетъ упорно вилять и лукавить, его слѣдуетъ наказать; но если онъ откровенно признается, вы должны похвалить его чистосердечіе и простить ему вину, какова бы она ни была; и пригомъ такъ прости, чтобы ужъ никогда больше не упрекать его за нее и не упоминать о ней; ибо, если вы хотите, чтобы онъ полюбилъ чистосердечіе

¹) Монтенъ говоритъ: «По истинѣ ложь есть ненавистный и проклятый порокъ. Только одно слово дѣлаетъ насъ людьми и устанавливаетъ связь между нами. Если бы только мы поняли всю гнусность и вредныя послѣдствія лжи, мы должны были бы преслѣдовать ее огнемъ и мечемъ, строже, чѣмъ другая преступленія. Я вижу, что родители обыкновенно, и довольно неразумно, наказываютъ своихъ дѣтей за невинная маленькая шалости и мучатъ ихъ за легкомысленные дѣтскія выходки, которыхъ не имѣютъ никакого значенія и не сопровождаются никакими послѣдствіями; а по моему, только ложь да упрямство нужно искоренять разгами еще въ дѣтствѣ, такъ какъ они даютъ начало порокамъ, которые растутъ вмѣстѣ съ вами». (*Essais*, i. 9). Родители и учителя часто несутъ отвѣтственность за дѣтскую лживость. Ненужная строгость и неохота выслушивать объяснения или извинять проступокъ являются прямымъ искушениемъ для ребенка, проявившагося въ чѣмъ-нибудь, согнать съ цѣлью избавиться отъ послѣдствій своего проступка. Д.

и путемъ постоянной практики усвоить его, какъ привычку, то вамъ слѣдуетъ позаботиться, чтобы оно никогда не доставляло ему ни малѣйшей непріятности; наоборотъ, откровенное сознаніе всегда должно приносить ему не только полное избавленіе отъ наказанія, но и поощряться какими-нибудь знаками одобренія. Если его оправданіе оказывается случайно такимъ, что вы не можете обнаружить его лживости, отнеситесь къ нему какъ къ правдѣ, и не выказывайте никакихъ подозрѣй. Пусть онъ цѣнитъ какъ можно выше хорошую репутацію, которой пользуется въ вашихъ глазахъ, такъ какъ разъ онъ убѣдится, что она погибла, вы потеряете сильное и лучшее средство вліять на него. Поэтому не давайте ему думать, что вы считаете его лжецомъ, пока только можете такъ поступать, не поощряя въ немъ лживости. Въ виду этого, маленькая уклоненія отъ истины можно иногда пропускать безъ вниманія. Но послѣ того, какъ онъ былъ наказанъ за ложь, вы уже никогда не должны прощать ее ни въ какомъ случаѣ, разъ только замѣтите, что онъ провинился въ ней; ибо такъ какъ этотъ проступокъ былъ ему запрещенъ и онъ могъ бы избѣжать его, еслибы не стремился къ нему добровольно, то повтореніе его есть проявленіе настоящей порочности и заслуживаетъ соответственнаго наказанія.

133. Вотъ мои мысли относительно общаго метода воспитанія молодого джентльмена; полагая, что онъ можетъ имѣть известное вліяніе на общий ходъ воспитанія, я отнюдь не воображаю, что въ немъ указаны все частности, которыя могутъ потребоваться съ возрастомъ или въ виду особенностей характера. Но установивъ методъ въ общихъ чертахъ, мы должны теперь обратиться къ болѣе специальному разсмотрѣнію различныхъ частей воспитанія.

(Отдѣль XXI. §§ 34—139).

(О Богопочитаніи, какъ основѣ добродѣтели).

134. То, чего каждый джентльменъ желаетъ для своего сына (если сколько-нибудь заботится о его воспитанії) заключается (помагаю) въ слѣдующихъ четырехъ вещахъ: добродѣтель, мудрость, благословленность и знаніе. Я не буду затруднять себя разборомъ, не употребляются ли иногда эти имена для обозначенія одного и того же или не совпадаютъ ли они въ дѣйствительности по своему значенію. Для моей цѣли достаточно употреблять эти слова въ ихъ общепринятомъ значеніи, которое, на мой взглядъ, достаточно ясно, чтобы меня могли понять безъ затрудненія.

135. Я считаю добродѣтель первымъ и самымъ необходимымъ изъ этихъ качествъ, обязательныхъ для человѣка или джентльмена; безусловно требующимся для того, чтобы онъ могъ пріобрѣсть уваженіе и любовь другихъ, признаніе и одобрение въ собственныхъ гла-

захъ. Безъ нея, думается мнѣ, онъ не будетъ счастливъ ни въ здѣшнемъ, ни въ иномъ мірѣ.

136. Въ качествѣ ея основанія слѣдуетъ съ раннихъ поръ запечатлѣть въ ихъ душахъ истинное понятіе о Богѣ, какъ о независимомъ Высшемъ Существѣ, Творцѣ и Создателѣ всѣхъ вещей, отъ которого мы получаемъ все наше достояніе, который любить настѣ и даетъ намъ все. Соответственно тому надо внушить имъ любовь и почтение къ этому Высшему Существу. Этого довольно для начала, и ить надобности объяснять этотъ предметъ подробнѣ; такъ какъ преждевременные разговоры съ ребенкомъ о духахъ и попытки сдѣлать для него понятной непостижимую природу этого безконечнаго Существа могутъ наполнить его голову ложными или сбить ее съ толку непонятными свѣдѣніями о немъ. Говорите ему только, при случай, что Богъ все создаетъ и всѣмъ управляетъ, слышать и видѣть все, и даруетъ всяческое благо тѣмъ, которые любятъ его и повинуются ему; вы убѣдитесь, что, слыша о такомъ Богѣ, онъ довольно скоро самъ додумается до другихъ мыслей о немъ, которыхъ вы должны исправлять, если въ нихъ окажется что-либо неправильное. И я думаю, что было бы лучше, если бъ люди вообще оставались при такой идеѣ о Богѣ, не заходя черезчуръ далеко въ стремлениіи познать Существо, которое всѣ должны признать непостижимымъ; это приводить лишь къ тому, что многіе, не обладая достаточной силой и ясностью мысли, чтобы разобраться въ томъ, что они могутъ и чего не могутъ знать, впадаютъ въ суевѣrie или атеизмъ, уподобляя Бога самимъ себѣ или отрицая его (такъ какъ не могутъ покаять). И я склоненъ думать, что заставляя дѣтей ежедневно утромъ и вечеромъ обращаться къ Богу, какъ ихъ Создателю, Хранителю и Благодѣтелю, съ простой и коротенькой молитвой, соответствующей ихъ возрасту и способностямъ, мы гораздо болѣе сдѣлаемъ для ихъ религіи, знанія и добродѣтели, чѣмъ сбивая съ толку ихъ мысли хитроумными разсужденіями о его неизслѣдимой сущности и бытіи.

(О духахъ и привидѣніяхъ).

137. Внѣдривъ постепенно, сообразуясь съ его пониманіемъ, такую идею о Богѣ въ его душѣ, и изучивъ его молиться ему и восхвалять въ немъ своего Творца и подателя всѣхъ благъ, какими онъ пользуется, избѣгайте говорить съ нимъ о другихъ духахъ, пока упомянаніе о нихъ по случаю, о которомъ будетъ рѣчь ниже, и чтеніе Библіи не наведутъ его на этотъ вопросъ. Но даже тогда, и все время, пока онъ малъ, старайтесь оберегать его вѣжную душу отъ всякихъ представлений и понятій о духахъ и домовыхъ, или о какихъ бы то ни было страхахъ, связанныхъ съ темнотой. Эта опасность грозить со стороны неразумія слугъ, которые имѣютъ привычку пугать дѣтей и заставлять ихъ слушаться рассказами о букѣ, привидѣніяхъ и тому подобныхъ существахъ, представляющихъ будто бы

и что страшное и опасное, чего они имѣютъ основаніе бояться, когда остаются одни, особенно въ темнотѣ. Противъ этого нужно принимать самыя тщательныя мѣры, такъ какъ хотя подобными глупыми средствами можно удержать лѣтей отъ маленькихъ пропинностей, но это лѣкарство гораздо хуже болѣзни, и запечатлѣваетъ въ ихъ воображеніи идеи, которыхъ потомъ преслѣдуютъ ихъ, наполняя страхомъ и ужасомъ. Такія страшные выдумки, проникнувъ въ нѣжную дѣтскую душу и произведя сильное впечатлѣніе, въ виду сопутствующаго имъ страха, западаютъ глубоко и такъ укореняются, что ихъ уже не легко, а пожалуй и совсѣмъ невозможно искоренить; оставаясь въ душѣ, они тревожатъ ее странными видѣніями, дѣлаютъ дѣтей трусливыми, когда они остаются одни, и заставляютъ ихъ всю жизнь бояться своей тѣлѣ и темноты. На это жаловались мнѣ взрослые люди, которые были такъ запуганы въ дѣтствѣ, хотя ихъ разумъ исправилъ воспринятія имъ ложныя идеи, и они убѣдились, что нѣть основанія бояться невидимыхъ существъ въ темнотѣ больше, чѣмъ на свѣту, но ложныя представленія все же при случаѣ завладѣвали ихъ разстроеннымъ воображеніемъ, и справляясь съ ними стоило имъ немалаго труда. Чтобы показать вамъ, какъ долговѣчны и страшны образы, воспиранные душою въ ранніе годы, я расскажу здѣсь довольно замѣчательную, но правдивую исторію. Въ одномъ западномъ городѣ жилъ человѣкъ съ разстроеннымъ умомъ, которого обыкновенно дразнили мальчишки, когда онъ поигдался имъ на встречу; однажды этотъ молодецъ, увидѣвъ на улицѣ одного изъ своихъ гонителей, кинулся въ ножевую лавку, находившуюся по близости и, схвативъ тамъ обнаженную саблю, погнался за мальчикомъ; послѣдовавъ, видя его вооруженнымъ, пустился на утекъ и къ счастью успѣлъ добѣжать до отцовскаго дома, прежде чѣмъ сумасшедший догналъ его. Дверь была только на щеколдѣ; отворяя ее, мальчикъ оглянулся, чтобы посмотретьъ, далеко ли его врагъ, и увидѣлъ, что тотъ уже у крыльца и замахивается саблей, такъ что онъ едва успѣлъ вскочить въ домъ, и, захлопнувъ за собою дверь, избѣжалъ удара, который хотя и не коснулся его тѣла, но глубоко задѣлъ его душу. Этотъ грозный образъ произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, что оно сохранилось много лѣтъ, если даже не всю жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, уже взрослымъ человѣкомъ, онъ говорилъ, рассказывая эту исторію, что съ тѣхъ поръ всякий разъ, входя въ эту дверь, невольно оглядывается, хотя бы его голова была занята совершенно другимъ, и хотя бы за минуту передъ тѣмъ онъ вовсе не думалъ объ этомъ сумасшедшемъ.

Если бы дѣти были одни, они такъ же мало боялись бы темноты, какъ дневного свѣта: они радовались бы ей, какъ времени сна, а дню, какъ времени игры. Не слѣдуетъ внушать имъ всякими рассказами, что съ первой связью болѣе опасностей и страховъ, чѣмъ со вторымъ. Если же глупость кого нибудь изъ окружающихъ уже причинила имъ этотъ вредъ и заставила ихъ думать, что есть какая нибудь разница между пребываніемъ въ темнотѣ и на свѣту, то вы должны какъ можно скорѣе разубѣдить ихъ въ этомъ и уѣбрить ихъ,

что Богъ, сотворившій все для ихъ блага, создалъ ночь для того, чтобы они могли спать крѣпче и спокойнѣе; и что въ темнотѣ неѣ вичего такого, что могло бы повредить имъ, разъ они находятся подъ его покровительствомъ. Дальнѣйшая свѣдѣнія о Богѣ и добрыхъ ду-хахъ надо отложить до того времени, о которомъ мы упомянемъ ниже; что касается злыхъ духовъ, то лучше не допускать у ребенка лож-ныхъ представлений о нихъ, пока онъ не созрѣеть для этого рода знаній.

(Правдивость и доброта).

139. Заложивъ основаніе добродѣтели въ истинномъ понятіи о Богѣ, мудро изложеніемъ въ исповѣданіи вѣры, насколько оно до-стунио его возрасту и научивъ его молиться, вы должны позаботиться о томъ, чтобы онъ говорилъ правду, и всѣми возможными способами укоренять въ немъ наклонность къ добротѣ. Пусть онъ знаетъ, что ему скрѣбѣ простятъ двадцать проступковъ, чѣмъ одно уклоненіе отъ истины съ цѣлью прикрыть вину какимъ нибудь оправданіемъ. А своевременно пріучить его относиться къ другимъ съ любовью и до-бротой значить съ раннихъ поръ заложить истинное основаніе честнаго человѣка: вся несправедливость обыкновенно вытекаетъ изъ черезчуръ сильной любви къ самому себѣ и черезчуръ слабой къ другимъ.

Вотъ все, что я скажу объ этомъ предметѣ вообще; этого до-вольно, чтобы заложить первыя основанія добродѣтели въ ребенкѣ; по мѣрѣ того, какъ онъ подрастаетъ, нужно слѣдить за направленіемъ его природныхъ наклонностей; и если оно отклоняется его болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, въ ту или другую сторону отъ вѣрнаго пути добродѣтели, то нужно принимать надлежащія мѣры. Ибо немногія изъ дѣтей Адама настолько счастливы, что рождаются безъ всякаго изъяна въ своемъ природномъ характерѣ,—изъяна, устраниТЬ или уравновѣсить который есть дѣло воспитанія. Но входить въ подробности объ этомъ предметѣ значило бы выйти изъ рамокъ этого краткаго трактата о воспитаніи. Я не собираюсь разсуждать о всѣхъ добродѣтеляхъ и порокахъ и разсматривать, какъ достигается каждая отдѣльная добродѣтель и какими специальными средствами искореняется каждый отдѣльный по-рокъ. Я упомянуль здѣсь только о болѣе обыкновенныхъ недостат-кахъ и способахъ ихъ исправленія.

(Глава XXII. § 140).

(О мудрости).

140. Мудрость я признаю въ общепринятымъ значеніи этого слова, какъ умѣніе вести свои дѣла въ этомъ мѣрѣ толково и преду-смотрительно. Это—результатъ хорошаго природнаго характера, при-лежной дѣятельности ума и опыта, недостижимый для дѣтей. Все, что

можно сдѣлать для нихъ въ этомъ направлениі, это—препятствовать имъ, елико возможно, сдѣлаться хитрымъ; потому что хитрость, будучи обезьяной мудрости, какъ нельзя болѣе далека отъ нея; и, подобно обезьянѣ, которая при сходствѣ съ человѣкомъ, не обладаетъ подлинными человѣческими свойствами, становится отъ этого еще безобразнѣе. Хитрость есть только недостатокъ разума, который, не будучи въ состояніи достигнуть своихъ цѣлей прямыми путями, пытается достигнуть ихъ плутовскими и окольными; несчастие ея въ томъ, что она можетъ помочь только разъ, а потомъ лишь мѣшаетъ. Нельзя сдѣлать такого тонкаго или толстаго покрывала, чтобы оно скрывало самого себя. ¹⁾ Никому еще не удавалось быть настолько хитрымъ, чтобы скрыть свою суть; а разъ она открыта, всякий настороживается, всякий начинаетъ подозрѣвать хитреца, и всѣ соединяются, чтобы нанести ему пораженіе; напротивъ, открытый, прямой, разумный человѣкъ находится поддержку въ каждомъ и идетъ прямо къ цѣли. Пріучать ребенка пріобрѣтать правильные понятія о вещахъ и не удовлетворяться, пока онъ не получилъ ихъ, направлять его душу къ великимъ и достойнымъ мысламъ и удерживать его вдали отъ фальши и хитрости, въ которой всегда имѣется значительная примѣсь лжи,—вотъ наиболѣе правильная подготовка ребенка къ мудрости. Остального, чemu научить его время, опытъ и наблюденіе, и знакомство съ людьми, ихъ характерами и планами, нельзя ожидать отъ невѣденія и беспечности дѣтства или отъ необдуманного и довѣрчиваго пыла юности: все, что можно сдѣлать въ этомъ направлениі въ теченіе незрѣлого возраста, это, какъ я уже говорилъ,—пріучать ихъ любить правду и искренность, подчиняться разуму и насколько возможно обдумывать свои поступки.

(Глава XXIII. §§ 141—146).

(О благовоспитанности).

141. Слѣдующее хорошее качество, необходимое для джентльмена, благовоспитанность. Есть два рода веблаговоспитанности: одинъ выражается въ неуклюжей застѣнчивости, другой—въ неумѣстной небрежности и непочтительности обращенія: того и другого можно избѣжать, соблюдая слѣдующее правило: не быть никакого мнѣнія ни о себѣ самихъ, ни о другихъ.

142. Первую часть этого правила надо понимать не въ смыслѣ отсутствія скромности, а въ смыслѣ увѣренности въ себѣ. Мы не должны быть настолько высокаго мнѣнія о себѣ, чтобы заноситься

¹⁾ Ср. «On peut être plus fin qu'un autre, mais non pas plus fin que tous les autres». (Можно быть хитрѣе другого, но не хитрѣе всѣхъ другихъ).—La Rochefoucauld.

выше того, чего стоимъ, и требовать предпочтенія передъ другими въ виду какихъ-либо преимуществъ, которыми, какъ намъ кажется, мы обладаемъ; но скромно принимать то, что намъ предлагаются, если это заслужено нами. Но во всякомъ случаѣ, мы должны быть настолько хорошаго миѣнія о самихъ себѣ, чтобы исполнять дѣйствія, которыхъ отъ насъ требуютъ или ожидаютъ, безъ смущенія или растерянности, въ чьемъ бы то ни было присутствіи; соблюдая почтеніе и сдержанность, подобающія званію каждого. Часто случается, что люди, особенно дѣти, проявляютъ неуклюжую конфузливость въ присутствіи постороннихъ или высшихъ; они путаются въ мысляхъ, словахъ, взглядахъ; и теряются въ своемъ смущеніи до того, что не могутъ ничего дѣлать, по крайней мѣрѣ дѣлать съ тѣми свободой и изяществомъ, которыя нравятся и вызываютъ расположение къ нимъ. Единственное средство противъ этого, какъ и противъ всякаго другого недостатка,— укоренить путемъ практики противуположную привычку. Но такъ какъ мы не можемъ пріучиться имѣть дѣло съ посторонними и съ важными лицами, не бывая въ ихъ обществѣ, то устраниТЬ эту сторону неблаговоспитанности можетъ только общеніе съ разнообразными лицами и высокопоставленными людьми.

143. Какъ вышеупомянутая сторона неблаговоспитанности заключается въ черезчуръ большой заботѣ о томъ, какъ вести себя съ другими, такъ другая состоить въ черезчуръ маломъ старанія нравиться и оказывать уваженіе тѣмъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Чтобы избѣжать этого, требуются двѣ вещи: во-первыхъ, наклонность души не оскорблять другихъ, и, во вторыхъ, наиболѣе привлекательный и приятный способъ выраженія этой наклонности. Первое называется обходительностью, второе—хорошими манерами. Послѣднія заключаются въ благопристойности и изяществѣ взглядовъ, голоса, словъ, движений, жестовъ и всего выѣшняго поведенія, которое нравится обществу и дѣлаетъ людей, съ которыми мы вступаемъ въ сношенія, не-принужденными и пріятными. Это какъ бы языкъ, на которомъ выражается внутренняя вѣжливость души; и такъ какъ, подобно другимъ языкамъ, онъ въ значительной степени зависитъ отъ моды и обычаяевъ каждой страны, то изучать его правила и практику нужно главнымъ образомъ путемъ наблюденія надъ манерами тѣхъ, которымъ удалось получить хорошее воспитаніе. Другая сторона, лежащая глубже выѣшней, заключается въ общей благожелательности и вниманіи ко всѣмъ, которая заставляетъ человѣка стараться не высказывать въ своемъ обращеніи презрѣнія, неуваженія или пренебреженія къ другимъ, но проявлять, согласно обычаямъ и понятіямъ страны, уваженіе и признаніе, подобающее званію и положенію каждого. Это расположение души выражается само собою въ обращеніи, благодаря которому никто не чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ обществѣ такого человѣка.

Укажу четыре качества, совершенно противуположныя первому и въ высшей степени подрывающія всѣ соціальные добродѣтели; то или другое изъ этихъ четырехъ качествъ является обыкновенно источ-

никомъ невѣжливости. Я опишу ихъ, чтобы дѣтей можно было предохранять или исправлять отъ ихъ дурного вліянія.

1. Первое есть природная грубость, которая дѣлаетъ человѣка нелюбезнымъ къ другимъ, невнимательнымъ къ ихъ наклонностямъ, характерамъ, положенію. Вѣрный признакъ грублія—не думать о томъ, что нравится или не нравится тѣмъ, въ чьемъ обществѣ онъ находится. Между тѣмъ, часто приходится видѣть человѣка, одѣтаго по модѣ, не признающаго никакихъ препятствій для своего нрава и готоваго толкать и наступать на ноги всѣмъ, кто попадается ему на встречу, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, какъ они къ этому относятся. Такая грубость бросается въ глаза и возбуждаетъ отвращеніе въ каждомъ, съ ней никто не можетъ мириться; слѣдовательно, ей нѣтъ мѣста у того, кому желаютъ сообщить хоть крупу благовоспитанности. Ибо истинная цѣль и задача благовоспитанности—укротить природную рѣзкость и смягчить характеры людей, чтобы они могли быть обходительными и приспособляться къ тѣмъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

2. Презрѣніе или отсутствіе уваженія, обнаруживающееся во взглядахъ, словахъ или жестахъ, отъ кого-бы оно ни исходило, всегда производить непріятное впечатлѣніе; такъ какъ никому не можетъ доставить удовольствія сознаніе, что имъ пренебрегаютъ.

3. Придирчивость и нахожденіе недостатковъ у другихъ прямая противоположность вѣжливости. Люди, въ чьемъ бы ни были они винны или неповинны, не любятъ, чтобы ихъ недостатки выводили наружу и выставляли на показъ передъ ними самими и передъ другими людьми. Клеймо, наложенное на кого нибудь, всегда влечетъ за собою стыдъ; и обнаруженіе или даже простое приписываніе какого-нибудь недостатка не переносится безъ непріятнаго чувства. Насмѣшливость есть наиболѣе уточненный способъ выставлять на показъ недостатки другихъ; но такъ какъ она обыкновенно облекается въ остроумную и вѣжливую форму и забавляетъ общество, то создалось ошибочное мнѣніе, что если она держится въ надлежащихъ границахъ, то въ ней нѣтъ ничего невѣжливаго. Оттого шутливость этого сорта часто допускается въ бесѣдѣ людей лучшаго общества; и подобные остряки благосклонно выслушиваются и обыкновенно одобряются хохотомъ присутствующихъ. Но имъ слѣдовало бы принять въ соображеніе, что увеселеніе остальной кампаніи происходитъ за счетъ того, кого выставляютъ въ шутовскомъ свѣтѣ и кому это не можетъ быть пріятно. если только предметъ, вызвавшій насмѣшки, не представляеть въ дѣйствительности похвальной черты. Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ забавные образы и представленія, изъ которыхъ состоять насмѣшки, заключаются въ себѣ похвалу въ формѣ шутки, и тотъ, надъ кѣмъ смѣются, получаетъ удовлетвореніе и принимаетъ участіе въ общемъ весельѣ. Но такъ какъ не каждому дано умѣніе справляться съ такимъ тонкимъ и щекотливымъ предметомъ, гдѣ малѣйшая неловкость можетъ испортить все, то я думаю, что тѣмъ, которые не хотятъ задѣвать другихъ, особенно молодымъ людямъ, слѣдуетъ тща-

тельно воздерживаться отъ насмѣшки, которая при малѣйшей ошибкѣ или неправильномъ толкованіи, можетъ оставить въ душѣ задѣтаго ѿ длительное воспоминаніе о томъ, какъ болѣно, хотя и остроумно, его укололи за какой-нибудь грѣшокъ. Наряду съ насмѣшильствомъ, противорѣчіе есть форма осужденія другихъ, въ которой часто проявляется дурное воспитаніе. Вѣжливость вовсе не обязываетъ насъ всегда принимать всѣ разсужденія или сообщенія, которыхъ мы услышимъ въ обществѣ, или проходить молчаніемъ все, что высказывается въ нашемъ присутствіи. Истина и милосердіе заставляютъ насъ иногда оспаривать мнѣнія и исправлять ошибки другихъ, и это не противорѣчить вѣжливости, если дѣлается съ надлежащей осмотрительностью и принимая во вниманіе обстоятельства. Но бываютъ люди, какъ будто одержимые духомъ противорѣчія, которые упорно и не обращая вниманія на правду или неправду, оспариваютъ того или другого, или всѣхъ и каждого, что бы они ни говорили. Это такой очевидный и оскорбительный способъ осужденія, что врядъ ли найдется человѣкъ, который не сочтетъ себя задѣтымъ имъ. Всякое возраженіе на слова другого такъ легко толкуется въ смыслѣ осужденія и такъ рѣдко принимается безъ извѣстнаго униженія, что высказывать его нужно въ самой деликатной формѣ и въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, такъ, что-бы въ цѣломъ не получалось впечатлѣнія охоты противорѣчить вѣчно, чтобы то ни стало. Оно должно сопровождаться всѣми знаками уваженія и доброжелательности, чтобы, выигрывая въ спорѣ, мы не теряли расположения тѣхъ, которые слушаютъ насъ.

4. Раздражительность есть другой недостатокъ, противуположный вѣжливости, не только потому, что она часто побуждаетъ къ неприличнымъ и обиднымъ выраженіямъ и поступкамъ; но и потому, что она является молчаливымъ обвиненіемъ и упрекомъ въ какой-либо невѣжливости со стороны тѣхъ, на которыхъ мы раздражены. Подобное подозрѣніе или камѣкъ не могутъ не вызывать непріятнаго чувства. Кроме того, раздражительный человѣкъ разстраиваетъ всю компанию, и гармонія исчезаетъ отъ одного такого спора.

Такъ какъ счастье, къ которому таѣтъ упорно стремятся всѣ люди, состоить въ удовольствія, то легко понять, почему обходительный человѣкъ принимается охотнѣе, чѣмъ полезный. Способности, искренность и добрыя намѣренія степеннаго и достойнаго человѣка или истиннаго друга рѣдко вознаграждаются за то непріятное чувство, которое порождается его важными и солидными представленіями. Власть и богатство, даже сама добродѣтель, цѣнятся лишь какъ средства, ведущія насъ къ счастью. А потому плохо рекомендуетъ себя другому въ смыслѣ содѣйствія его счастью тотъ, кто, оказывая ему услуги, дѣлаетъ это въ непріятной для него формѣ. Кто умѣеть быть пріятнымъ для людей, съ которыми имѣть дѣло, не уніжаясь до низкой и рабьей лести, тотъ усвоилъ истинное искусство жить на свѣтѣ и быть желательнымъ и цѣннымъ всюду. Въ виду этого, нужно приложить всѣ старанія, чтобы вѣжливость вошла въ привычку у дѣтей и молодежи.

144. Есть другой недостатокъ воспитанія, именно—избытокъ церемоній¹⁾ и упорное стремленіе навязывать другому такія достоинства, которыми онъ не обладаетъ и которыхъ не можетъ признать за собою, не будучи сумасшедшими или бесстыдными. Это кажется скопрѣе намѣреніемъ поднять на смѣхъ, чѣмъ желаніемъ угодить; или, по крайней мѣрѣ, производить впечатлѣніе какого то состязанія въ пре-восходствѣ, и въ лучшемъ случаѣ только смущаетъ, а потому не можетъ быть признакомъ благовоспитанности, вся цѣль и назначеніе которой въ томъ, чтобы люди чувствовали себя непринужденно и пріятно въ напечь общества. Молодые люди рѣдко обнаруживаютъ склонность впадать въ эту ошибку; но если они повинны въ ней или обнаруживаютъ склоненіе въ эту сторону, имъ нужно указывать на это и предостерегать ихъ противъ такой ложной понятой вѣжливости. То, чего они должны добиваться, заключается въуваженіи, почтени и благожелательности, въ воздаяніи каждому достодолжнаго вниманія и утивости, предписываемыхъ вѣжливостью. Вести себя такъ, не навлекая подозрѣнія въ лести, притворствѣ или язвости, есть большее искусство, которому могутъ научить только здравый смыслъ, разумъ и хорошее общество; но оно такъ полезно въ гражданской жизни, что вполнѣ заслуживаетъ изученія.

145. Хотя умѣніе держать себя хорошо носить название благовоспитанности, какъ будто является специальнымъ результатомъ воспитанія но, какъ я уже сказала, маленькихъ дѣтей не слѣдуетъ чрезрѣзуръ доиматъ въ этомъ отношеніи; я подразумѣваю требованія взаимно снимать шляпу и расшаркиваться по всѣмъ правиламъ искусства. Научите ихъ, если можете, скромности и благожелательности, и хорошия манеры являются сами собою; вѣдь истинная вѣжливость есть ничто иное, какъ забота не обнаружить пренебреженія или презрѣнія къ тому, съ кѣмъ имѣешь дѣло. О наиболѣе употребительныхъ и цѣнныхъ способахъ выраженія ея мы уже говорили. Они такъ же своеобразны и различны въ разныхъ странахъ міра, какъ языки; а потому, если здраво разсуждать, правила и наставленія, даваемыя дѣтямъ на этотъ счетъ, такъ же бесполезны и вадорны, какъ сообщеніе двухъ-трехъ правилъ испанского языка тому, кто водится только съ англичанами. Хлопочите сколько угодно насчетъ преподаванія вѣжливости вашему сыну, но какова его компания, таковы будутъ и манеры. Читайте какія угодно наставленія хлѣбопасцу, вашему сестру, никогда не бывшему за предѣлами околодка, онъ останется и по рѣчи и по языку такимъ-же придворнымъ, какимъ былъ раньше, то есть не сдѣлается утивѣе тѣхъ, въ средѣ которыхъ постоянно вращается. Поэтому нечего и хлопотать о манерахъ, пока ребенокъ не подрастетъ настолько, что къ нему можно будетъ взять воспитателя,

¹⁾ Монтенъ говорить: «Jai vu souvent des hommes incivils par trop de civilité, et importans de courtoisie». (Я часто встречалъ людей невѣжливыхъ вслѣдствіе избытка вѣжливости и несносныхъ вслѣдствіе избытка любвиности). Essais, i. XIII. Д.

который долженъ быть благовоспитаннымъ человѣкомъ. Да въ сущности, говоря по правдѣ, если дѣти не дѣлаютъ ничего иезъ упрямства, гордости и дурного нрава, то совсѣмъ неважно, какъ они расклиниваются и расшаркиваются. Если вы можете научить ихъ любить и уважать другихъ людей, то, когда ихъ возрастъ потребуетъ этого, они найдутъ способъ выразить это отношеніе въ пріятной для каждого формѣ, соотвѣтственно тѣмъ манерамъ, къ которымъ пріучались; что касается тѣлодвиженій и осанки, то, какъ я уже сказалъ, танцмейстеръ научить ихъ въ свое время всему, что требуется въ этомъ отношеніи, а тѣмъ временемъ, пока они малы, никто и не ожидаетъ отъ нихъ особенного вниманія къ этимъ церемоніямъ; небрежность допускается въ этомъ возрастѣ и такъ-же приличествуетъ ему, какъ учтивость взрослымъ людямъ; если-же иные очень щекотливые люди найдутъ это недостаткомъ то я утверждаю, что на такой недостатокъ можно смотрѣть сквозь пальцы и предоставить времени, воспитателю и обществу устранить его. Поэтому я и думаю, что вамъ не слѣдуетъ допекать или бранить вашего сына за этотъ недостатокъ (какъ часто дѣлаютъ съ дѣтьми); только, если въ его обращеніи проявятся гордость или дурной нравъ, надо исправлять его убѣждениемъ или стыдомъ.

Хотя дѣтей, иcosa они малы, не слѣдуетъ донимать правилами и церемоніальной частью воспитанія, но есть одинъ родъ невѣжливоosti, весьма способный разрастаться у молодежи, если не обуздывать ея съ равныхъ поръ, именно стремленіе перебивать другихъ въ разговорѣ и останавливать ихъ какимъ нибудь замѣчаніемъ. Быть можетъ обычай диспутовъ и репутація талантливости и учености, которая обыкновенно даетъ это искусство, какъ будто оно является единственнымъ мѣриломъ и доказательствомъ знанія, заставляютъ молодыхъ людей такъ ревностно искать случаенъ поправлять другихъ и не упускать повода блеснуть своими талантами, — не знаю; но я убѣдился, что школьніки особенно заслуживаютъ порицанія въ этомъ пункте. Нѣть большей грубости, чѣмъ перебивать другого во время его рѣчи, такъ какъ если въ этомъ не проявляется нелѣпаго желанія отыѣвать человѣку прежде чѣмъ узнаешьъ, что онъ хочетъ сказать, то во всякомъ случаѣ это ясное заявленіе что намъ надоѣло его слушать, что мы пренебрегаемъ его мнѣніемъ, и находя его неинтереснымъ для общества, желаемъ чтобы оно слушало насъ, имѣющихъ заявить иѣчто, достойное вниманія. Это свидѣтельствуетъ о большомъ неуваженіи, которое не можетъ не быть оскорбительнымъ; а между тѣмъ этимъ неизбѣжно сопровождается почти всякое перебиваніе. Если, какъ это обыкновенно бываетъ, къ нему присоединяется исправленіе какой-либо ошибки или противорѣчіе тому, что было сказано, то это является признакомъ еще большей гордости и самомнѣнія, побуждающаго насъ навязываться въ качествѣ наставниковъ и брать на себя либо исправленіе разсказа другого лица, либо разоблаченіе ошибокъ его сужденія.

Я не хочу сказать, что, по моему не должно быть разногласія

мнѣній въ бессѣдѣ или возраженій въ разговорахъ людей; это зна-
чило бы уничтожить главное преимущество общества и пользу,
доставляемую компанией остроумныхъ собесѣдниковъ, где вопросъ
ясняется, благодаря противоположнымъ аргументамъ нелупыхъ лю-
дей, обнаруживающимъ различные стороны предмета; эти различныя
точки зреинія и вѣроятности были-бы совершенно упущены изъ
вида, еслибы каждый былъ обязанъ соглашаться съ тѣмъ, что ска-
залъ первый изъ говорившихъ и поддакивать ему. Я высказываюсь
не противъ заявленія о несогласіи съ другимъ, а противъ извѣстной
манеры дѣлать это. Молодыхъ людей надо пріучать /не соваться съ
навязываніемъ своихъ мнѣній, пока ихъ не сирашаются, или пока
не высказались и не замолчали другое, да и въ этомъ случаѣ выска-
зывать ихъ въ формѣ вопроса, а не наставленія. Имъ надо избѣгать
положительныхъ утвержденій и учительского тона; когда же предста-
вится случай воспользоваться общей паузой, они могутъ скромно
предлагать свои вопросы въ качествѣ учениковъ.

Эта подобающая имъ скромность не скроетъ ихъ дарованій и
не ослабитъ силы ихъ разума, но обезпечить имъ болѣе благосклон-
ное вниманіе и выставить ихъ заявленіе въ болѣе выгодномъ свѣтѣ.
Неудачный аргументъ или ординарное замѣчаніе, высказанное такимъ
образомъ, съ вѣжливымъ предисловіемъ, выражющимъ почтеніе и
уваженіе къ мнѣніямъ другихъ, доставитъ имъ большие похвалы и
одобренія, чѣмъ самое Ѣдкое остроуміе или глубочайшая ученость,
проявляемая грубо, заносчиво и шумно, что всегда шокируетъ слуша-
телей и внушаетъ дурное мнѣніе о человѣкѣ, хотя бы его аргументы
заслуживали лучшаго.

Итакъ, нужно внимательно слѣдить за проявленіемъ этого недо-
статка у молодежи, останавливать его въ самомъ началѣ и укоренять
въ нихъ противоположную привычку; тѣмъ болѣе, что готовность вмѣ-
шатся въ разговоръ, часто перебивать и повышать голосъ слиш-
комъ часто встрѣчаются у взрослыхъ людей, даже занимающихъ вид-
ное положеніе въ нашемъ обществѣ. Индѣйцы, которыхъ мы назы-
ваемъ варварами, соблюдаютъ гораздо больше пристойности и вѣжли-
вости въ своихъ разговорахъ и бесѣдахъ, такъ какъ выслушиваютъ
говорящаго въ глубокомъ молчаніи, пока онъ не кончитъ; а затѣмъ
отвѣчаютъ спокойно, безъ шума и страсти. И если мы не находимъ
того же въ цивилизованной части свѣта, то должны приписывать это
небрежному воспитанію, которое еще не искоренило въ нашей средѣ
этотъ остатокъ древняго варварства. Не забавное ли, въ самомъ дѣлѣ,
зрѣще видѣть, какъ двѣ дамы, принадлежащи къ хорошему обще-
ству, сидя на противоположныхъ концахъ комнаты, наполненной го-
стями, случайно затѣваютъ разговоръ, и до того разгорячаются, что въ
мылу спора, сближая по немножку стулья, вскорѣ оказываются вплот-
ную другъ противъ друга на серединѣ комнаты, и съ азартомъ про-
должаютъ спорить, точно пара бойцовыхъ пѣтуховъ, не обращая вни-
манія на окружающихъ, которые не могутъ не подсмѣиваться надъ
ними. Мне рассказывала объ этомъ одна знатная особа, присутство-

шавшая при этой схваткѣ, и невольно задумавшаяся о непристойности, до которой часто доводить людей горячность въ спорѣ, а такъ какъ эта привычка очень распространена, то воспитаніе должно отнестись къ ней тѣмъ съ большимъ вниманіемъ. Всякій осуждается ее не другиѣ, но обыкновенно не замѣчаетъ у себя; а многіе, сознавая за собой этотъ недостатокъ, борются съ нимъ, но не могутъ отѣмляться отъ него, такъ какъ небрежное воспитаніе превратило его въ привычку.

146. Сказанное выше можетъ, пожалуй, если хорошенько поразмыслить, расширить кругозоръ и показать намъ, что вліяніе общества простирается гораздо дальше. Не одни только пріемы вѣжливости усваиваются подъ вліяніемъ общенія съ людьми; но вліяніе общества проникаетъ глубже вѣщности; и весьма возможно, что правильная оцѣнка морали и религії міра показала бы намъ, что огромное большинство человѣчества воспринимаетъ даже тѣ мнѣнія и обряды, за которые оно готово умереть, отъ обычаевъ своей родины и постоянной практики окружающихъ, а не потому, что разумъ ихъ пришелъ къ такому убѣждѣнію. Я упоминаю объ этомъ только для того, чтобы показать вамъ, какое значеніе имѣть на мой взглядъ компанія для вашего сына во всѣ періоды его жизни, и, следовательно, съ какимъ вниманіемъ и заботливостью надо отнестись къ этой сторонѣ, оказывающей на него болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ все что вы можете сдѣлать.

(Отдѣль XXIV. §§ 147—195).

(Объ ученыи).

147. Вы, можетъ быть, удивитесь, что я откладываю ученье на послѣдніе, особливо, если я скажу вамъ, что дѣйствительно считаю его послѣднимъ дѣломъ. Это можетъ показаться страннымъ въ устахъ книжного человѣка; и такъ какъ оно составляетъ обыкновенно главную, если не единственную цѣль хлопотъ и заботъ съ дѣтьми и почти одно подразумѣвается, когда заходитъ рѣчь о воспитаніи, то мое заявленіе тѣмъ болѣе можетъ произвести непечатлѣніе парадокса. Когда я думаю о томъ, сколько шуму поднимается изъ за крупницъ латыни и греческаго, сколько лѣтъ затрачивается на ихъ приобрѣтеніе, и сколько безплодныхъ заботъ и хлопотъ они причиняютъ, мнѣ начинаетъ казаться, будто родители все еще живутъ подъ страхомъ розги, школьнаго учителя, которую считаютъ единственнымъ орудіемъ воспитанія; точно вся его цѣль заключается въ изученіи одного или двухъ языковъ. Пиначе, какъ могло-бы статься, что ребенка приковываютъ къ скамье на семь, на восемь или на десять лучшихъ лѣтъ его жизни ради овладѣнія однимъ или двумя языками, хотя онъ могъ бы, по

моему маѣнію, достигнуть того же результата съ гораздо меньшей затратой труда и времени и изучить ихъ почти шутя.

Простите мнѣ, поэтому, если я не могу спокойно отнести къ мысли, будто молодого джентльмена слѣдуетъ засунуть въ стадо, и гнать его розой и хлыстомъ, точно сквозь строй, изъ класса въ классъ ad sapiendum ingenii cultum¹⁾). Какъ же это—скажутъ мнѣ—развѣ по вашему его не нужно учить читать и писать? Неужели онъ долженъ остаться болѣе невѣжественнымъ, чѣмъ наши приходскій пономарь, который считается Гонкинга и Стернгольда лучшими поэтами въ мірѣ и еще портить ихъ своимъ сквернымъ чтеніемъ? Не торопитесь, не торопитесь, прошу васъ. Читать, писать и учиться,— все это я признаю необходимымъ, но не главнымъ дѣломъ. Я полагаю, что вы сами признали бы большими глупцомъ того, кто не поставилъ добродѣтельного и мудраго человѣка безконечно выше, чѣмъ обладателя большихъ знаній. Я не отрицаю, что ученье принесетъ большую пользу хорошо направленныхъ умамъ, но нельзѧ не сознаться, что другихъ, иначе направленныхъ, оно дѣлаетъ еще болѣе глупыми или еще болѣе плохими людьми. Я утверждаю, что когда вы заботитесь о воспитаніи вашего сына и ищете учителя или воспитателя, вы не должны имѣть въ мысляхъ (какъ это обыкновенно дѣлается) только латынь и логику. Ученье для него необходимо, но оно стоитъ на второмъ планѣ, такъ какъ подчиняется болѣе важнымъ требованіямъ. Найдите кого-нибудь, кто могъ-бы разумно образовать его характеръ; отдайте его, если можете, въ руки того, кто сумѣеть оберегать его невинность, лелеять и поощрять добрыя начала, осторожно исправлять и вычищать дурные наклонности и насаждать хорошия привычки. Это—главный пунктъ, и разъ онъ обеспеченъ, можно присоединять ученье, и вести его, какъ мнѣ кажется, съ большимъ успѣхомъ при помощи слѣдующихъ методовъ.

(Чтеніе).

148. Когда ребенокъ умѣеть говорить, пора начать учить его читать. Но по этому поводу позвольте мнѣ еще разъ напомнить здѣсь о томъ, что слишкомъ легко забывается, именно: слѣдуетъ всячески позаботиться, чтобы это обученіе не превращалось для него въ обязательную работу и чтобы онъ не смотрѣлъ на него, какъ на скучную обязанность. Какъ я уже сказалъ, мы, естественно, съ самой колыбели любимъ свободу и оттого питаемъ отвращеніе ко многимъ вещамъ, единственно по той причинѣ, что намъ навязываютъ ихъ принудительно. Мнѣ всегда казалось, что обученіе чтенію можетъ быть сделано игрой и развлечениемъ для дѣтей; и что имъ можно внушить желаніе учиться, если они будутъ видѣть въ этомъ нечто почетное, лестное, удовольствие, развлеченіе или награду за что-либо; и если

¹⁾ «Ради пріобрѣтенія интеллектуальной культуры».

ихъ не будуть бранить или наказывать за небрежность въ ученьи. Меня особенно укрѣпляетъ въ этомъ мнѣніи примѣръ португальцевъ, у которыхъ дѣти обнаруживаютъ такую охоту и рвение учиться читать и писать, что имъ невозможно помѣшать въ этомъ: они учатся другъ у друга, и такъ ретиво, словно имъ это запрещено. Я помню, какъ, будучи въ домѣ одного изъ моихъ друзей, младший сынъ котораго, еще совсѣмъ малолѣтній, неохотно садился за книгу (онъ учился читать дома, у матери), и посовѣтовалъ не требовать отъ него этого, какъ обязанности, а примѣнить другой способъ; и вотъ мы завѣли между собою, въ его присутствіи, разговоръ о томъ, что быть учеными — привилегія и преимущество наследниковъ и старшихъ братьевъ; что это дѣлаетъ ихъ истинными джентльменами, пользующимися общею любовью; тогда какъ младшіе братья должны считать милостью ¹⁾, если ихъ просто воспитываютъ; обученіе чтенію и письму больше того, что приходится на ихъ долю; они могутъ, если имъ угодно, оставаться невѣждами и олухами. Это такъ подействовало на ребенка, что онъ пожелалъ учиться; самъ сталъ приходить къ матери читать, и не отставалъ отъ няньки, пока она не выслушаетъ его урокъ. Я не сомнѣваюсь, что подобными же способами можно воздѣйствовать и на другихъ дѣтей; и, изучивъ ихъ характеръ, внушать имъ мысли, способныя возбудить у нихъ охоту къ ученію и заставить ихъ добиваться его, какъ своего рода забавы или развлеченія. Но при этомъ, какъ я уже сказалъ, никогда не слѣдуетъ вмѣнять имъ ученье въ обязанность или дѣлать его предметомъ докуки. Чтобы играючи научить дѣтей азбукѣ, можно употреблять кости и игрушки ²⁾ съ наклеенными на нихъ буквами; можно придумать и множество другихъ способовъ, соотвѣтствующихъ специальнымъ характерамъ дѣтей, чтобы сдѣлать это обученіе забавой для нихъ.

149. Такъ, обманывая дѣтей, можно ознакомить ихъ съ буквами, можно выучить ихъ читать, причемъ они все время будутъ видѣть въ этомъ только забаву и усвоять, играя, то, что другихъ заставляютъ усвоить разгой. На дѣтей ³⁾ не слѣдуетъ возлагать никакой работы, никакого серьезнаго дѣла: ни ихъ души, ни ихъ тѣла не вы-

¹⁾ Каждый ребенокъ вправѣ требовать воспитанія отъ своихъ родителей,—и это право нельзя представлять какъ «милость», зависящую отъ соціального обычая или родительского каприза. Да и внушать дѣтямъ, что они могутъ, если угодно, оставаться «невѣждами и олухами»—совершенно противорѣчить принципу воспитанія. Хитрости, вродѣ предлагаемой Локкомъ, устраяя одно зло, создаютъ другое, худшее. Д.

²⁾ «Квинтиліанъ упоминаетъ о костяныхъ буквахъ для обученія чтенію: «Non excludo efigineas litteragim formas in lusum offere». Онъ рекомендуетъ также въ качествѣ превосходнаго способа обученія письму употребленіе деревянныхъ табличекъ съ вырезанными на нихъ буквами, такъ что ребенокъ не рискуетъ ошибаться въ ихъ очертаніяхъ. Это было усовершенствованіемъ метода, примѣнявшагося въ Греціи. Въ Аеніахъ учителя намѣчали буквы иглою на восковыхъ табличкахъ, а ученикъ въ свою очередь обводилъ ихъ иглою-же». (Сопраугѣ, i. 32, примѣчаніе).

³⁾ Локкъ подразумѣваетъ самыхъ маленькихъ дѣтей. Д.

несутъ этого. Это вредить ихъ здоровью; и я не сомнѣваюсь, что принудительное сидѣніе надъ книгами въ возрастѣ, который не терпить подобного принужденія, было причиной того, что столько людей всю жизнь ненавидѣли книги и ученье. Это подобно пресыщенію, которое оставляетъ за собой непреодолимое отвращеніе.

150. Итакъ, я думаю, что если приспособить для этой цѣли игрушки, которая обыкновенно не служатъ ни для какой цѣли, то можно ухитриться выучить дѣтей читать, причемъ ученье все время будетъ казаться имъ игрой. Напримѣръ, можно сдѣлать шаръ изъ слоновой кости, вродѣ тѣхъ, которые употребляются въ лотереѣ Королевскаго Дуба¹⁾, съ тридцатью двумя гранями, или лучше съ двадцатью четырьмя или съ двадцатью пятью; и на однихъ граняхъ приkleить букву А, на другихъ В, на третьихъ С, на четвертыхъ Д. Я бы ограничился для начала этими четырьмя буквами или, быть можетъ, даже двумя; съ тѣмъ, чтобы когда ребенокъ совершенно освоится съ ними, прибавлять постепенно другія, пока на шарѣ не окажется весь алфавитъ. Пусть этимъ шаромъ играютъ въ его присутствіи взрослые, причемъ выигрываетъ ставку тотъ, кто первый выкинетъ А или В, какъ при игрѣ въ кости выигрываетъ тотъ, кто выкинетъ шесть или семь. Такъ какъ эта игра ведется между вами, то не приглашайте ребенка принять въ ней участіе, чтобы онъ не счелъ ее обязательной для себя, пусть онъ воображаетъ, что это только игра старшихъ и въ такомъ случаѣ я не сомнѣваюсь, что ему захочется поиграть въ нее самому. А чтобы дать ему лишній поводъ считать это занятіе игрой, въ которую его принимаютъ только изъ расположения къ нему, прячьте шаръ всякий разъ по окончаніи игры въ недоступное для него мѣсто, такъ какъ игра можетъ вадобѣсть ему, если онъ будеѣтъ имѣть возможность заниматься ею, когда угодно.

151. Чтобы поддержать его рвение, внушите ему мысль, что эта игра составляетъ привилегію взрослыхъ; когда же онъ освоится съ буквами, можно будетъ составлять изъ нихъ слова, и такимъ образомъ онъ выучится читать, самъ не зная какъ, никогда не подвергаясь бранамъ или непріятностямъ и не приобрѣтая отвращенія къ книгамъ изъ-за докуки и мученій, какія онѣ причиняли ему. Наблюдая дѣтей, вы можете убѣдиться, что они принимаютъ на себя огромный трудъ съ цѣлью выучиться различными играмъ, которыя, будь онѣ обязательны для нихъ, внушали бы имъ отвращеніе, какъ скучная и тяжелая работа. Я знаю одного очень знатнаго человѣка (еще болѣе заслуживающаго почтенія за свою ученость и добродѣтели, чѣмъ за свой санъ и высокое положеніе), который наклеилъ шесть гласныхъ буквы на шести сторонахъ одной кости, а восемнадцать согласныхъ на сто-

1) Одна изъ многочисленныхъ лотерей, разрѣшиенныхъ Карломъ II. Названа такъ по имени знаменитаго Рескобельскаго дуба, въ дурѣ которой онъ скрывался во время бѣгства. Порожденныя ею бѣгствія описаны въ замѣчательной брошюрѣ, озаглавленной: «The Arraignment, Trial, and Condemnation of Squire Lottery, alias Royal Oak Lottery, London 1699». (См. Hone, Every-day Book, II. 712.). Д.

ронахъ трехъ другихъ костей, и устроилъ изъ этого игру для своихъ дѣтей, причемъ выигрывалъ тотъ, кто выбрасывалъ заразъ наибольшее число словъ этими четырьмя kostями; такимъ способомъ его старший сынъ, еще ходившій въ пластицѣ, играя, выучилъ склады, занимаясь съ величайшимъ рвениемъ, безъ всякаго принужденія и ни разу не получивъ выговора.

152. Я видѣлъ, какъ маленькия дѣвочки по цѣльмъ часамъ, не жалѣя трудовъ, упражняются въ камешки (Dibstones¹⁾); глядя на нихъ, я думалъ, что не достаетъ только какого-нибудь удачнаго ухищренія, которое могло бы направить это усердіе на что-нибудь болѣе полезное для нихъ; и мнѣ кажется, винить въ этомъ можно только небрежность взрослыхъ. Дѣти гораздо менѣе склонны лѣниться, чѣмъ взрослые; и взрослымъ надо поставить въ укоръ, что часть ихъ дѣятельнаго настроенія не обращается на полезныя вещи, которыхъ могли бы увлекать ихъ не менѣе, чѣмъ ихъ обычныя занятія, если-бы взрослые указывали путь виновину такъ же охотно, какъ эти обезьянки готовы слѣдоватъ. Я представляю себѣ, что какое-нибудь разумные португальцы звели этимъ способомъ въ своей странѣ дѣтскую моду, о которой я упоминалъ, именно—неудержимую охоту учиться читать и писать; а въ некоторыхъ мѣстностяхъ Франціи они съ колыбели учать другъ друга пѣть и танцевать.

153. Буквы, наклеиваемыя на сторонахъ кости или многогранника, всего лучше брать такого же размѣра, какъ въ Библії in folio, и сначала маленькия, а не прописныя; научившись читать напечатанное такими буквами, они не замедлятъ ознакомиться и съ большими; но вначалѣ не слѣдуетъ сбивать ихъ съ толку разнообразіемъ. Съ такими kostями вы можете устроить игру, вродѣ Королевскаго Дуба, на вишни или яблоки и т. п., что внесетъ разнообразіе въ занятія.

154. Кромѣ этихъ, можно изобрѣсти множество другихъ игръ, въ связи съ обученіемъ азбуки, и тѣ, кто одобряетъ этотъ способъ, не затруднятся придумать ихъ и пустить въ ходъ. Но четыре kostи, о которыхъ я упоминалъ выше, кажутся мнѣ такими простыми и полезными, что трудно придумать что-нибудь лучше, да и врядъ ли въ этомъ есть надобность.

155. Такъ надо обучать чтенію, никогда не принуждая и не браня ребенка; учите его обманомъ, если можете, но не превращайте ученья въ обязательную работу. Лучше ему годомъ позднѣе научиться читать, чѣмъ пріобрѣсти отвращеніе къ ученью. Если вамъ приходится ссориться съ нимъ, то пусть это будетъ по поводу важныхъ

¹⁾ Первоначально для этой игры употреблялись таранныя kostи («бабки», астрѣйдал, talí) известныхъ животныхъ, позднѣе замѣнеными камешками. Въ переводѣ Коста это място читается такъ: „Я видѣлъ, какъ маленькия дѣвочки, по цѣльмъ часамъ, не жалѣя трудовъ, упражнялись въ игрѣ, въ которой нужно подхватить съ земли камешекъ достаточно быстро, чтобы успѣть поймать на лету другой, брошенный тѣмъ временемъ вверхъ“. Это точное описание дѣтской игры, известной въ Западной Авгсбіи подъ наименіемъ: „Jack-stones“. Д.

вещей, правды и добронравія; но не вмѣнайте ему въ обязанность азбуку. Прилагайте свое искусство къ тому, чтобы сдѣлать его волю уступчивой и податливой разуму; учите его любить хорошую репутацію и одобрение; бояться дурного или визкаго мнѣнія о немъ, особенно вашего и его матери, и если это удастся, то все остальное будетъ достигнуто безъ труда. Но если вы хотите добиться этого, то, по моему мнѣнію, вѣмъ не слѣдуетъ стѣснять и связывать его правилами въ безразличныхъ вещахъ или журить за маловажныя вины, хотя бы даже онъ казались другимъ важными; впрочемъ, объ этомъ я уже достаточно говорилъ.

156. Когда при помощи этихъ мягкихъ средствъ ребенокъ научится читать, нужно дать ему какую нибудь доступную забавную книгу, соответствующую его пониманію, содержаніе которой могло бы увлечь его и вознаградить за трудъ чтенія, но во всякомъ случаѣ не такую, которая наполняла бы его голову совершенно бесполезнымъ хламомъ или внушила ему начала порока и безумія. Для этой цѣли, миѣ кажется, наиболѣе подходятъ басни Эзопа, такъ какъ эти исторійки могутъ позабавить и заинтересовать ребенка, а взрослаго наводить на полезныя размышленія, и если его память удержить ихъ на всю жизнь, то онъ не будетъ раскаиваться впослѣдствіи оттого, что они окажутся на лицо, рядомъ съ его серьезными мыслями и дѣловыми заботами. Если въ книжѣ будутъ картинки, то она еще болѣе заинтересуетъ ребенка и поощритъ его къ чтенію, расширяя въ то же время его познанія, такъ какъ совершенно бесполезно говорить дѣтямъ о такихъ предметахъ, о которыхъ они не имѣютъ представлениія; это представлениѣ не можетъ быть дано звуками, а только самими предметами или ихъ изображеніями. Я думаю, поэтому, что какъ только онъ начнетъ читать по складамъ, ему нужно давать какъ можно больше картинокъ, изображающихъ животныхъ, съ напечатанными на нихъ названіями; это съ одной стороны побудить его читать, съ другой вызоветъ вопросы и обогатить его знаніями. «Рейнардъ Лисъ»¹⁾— другая книга, которой, какъ мнѣ кажется, можно пользоваться для той же цѣли. И если окружающіе ребенка будутъ часто говорить съ нимъ о прочитанныхъ исторіяхъ и выслушивать его пересказы, это, независимо отъ другихъ выгодныхъ сторонъ, еще болѣе поощритъ и пріохотитъ его къ чтенію, такъ какъ онъ будетъ видѣть, что есть люди, которые находятъ въ этомъ пользу и удовольствие. Эти приманки, повидимому, совершенно игнорируются обычнымъ методомъ; и

¹⁾ Reynard the Fox (немецк.: Reineke Fuchs, Рейнеке Лисъ) знаменитый германскій „животный эпосъ“, сатира на общественные отношения Германии въ феодальныя времена. Рейнеке Лисъ—церковь, старавшаяся взять верхъ надъ своимъ дядей Изенгриномъ, волкомъ, олицетворяющимъ феодальныхъ бароновъ. Римованное переложеніе этой исторіи опубликовано въ Германии Генрихомъ Алькмааромъ въ 1498. Какstonъ еще раньше издалъ англійскій переводъ этой исторіи въ 1481. Во Франціи „она пріобрѣла такую популярность“, говорить Галланъ, „что самое название главнаго животнаго, называвшагося до 14 столѣтія гонпри (гонрес), замѣнилось именемъ героя поэмы, Renard“. (I. 137). Д.

обыкновенно проходитъ много времени, прежде чѣмъ учащіеся пойдуть въ чтеніи какую нибудь пользу или удовольствіе, которыхъ могли бы поощрить ихъ; отъ этого они пріучаются смотрѣть на книги, какъ на модное развлеченіе или несносную докуку, ии на что не годную.

157. Молитву Господню, символъ вѣры и десять заповѣдей рѣбенокъ долженъ выучить наизусть; но, какъ мнѣ кажется, не по молитвеннику, а со словъ кого нибудь другого, еще раньше, чѣмъ научится читать. Но заучивание наизусть и обученіе чтенію не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, смишивать, чтобы они не мѣшиали другъ другу. Обученіе чтенію нужно сдѣлать, елико возможно, легкимъ и небазательнымъ.

Не знаю, какія еще книги на англійскомъ языкѣ, кроме поименованныхъ, способны заинтересовать ребенка и пріохотить его къ чтенію; но я склоненъ думать, что въ виду преобладанія въ воспитаніи дѣтей школьнаго метода, действующихъ страхомъ розги, а не пріохочиваніемъ къ ученію, этого рода полезныя книги, затерявшияся среди множества глупыхъ всякаго рода, остаются еще въ пренебреженіи, такъ какъ обычное преподаваніе считаетъ излишнимъ что либо, кроме Horn-book¹⁾, молитвенника, псалтири и Библіи.

158. Что касается Библіи, которой обыкновенно пользуются для упражненія и усовершенствованія дѣтей въ искусствѣ чтенія, то, по моему мнѣнію, чтеніе этой книги подрядъ, глава за главой, до такой степени безполезно для дѣтей, какъ въ смыслѣ усовершенствованія въ чтеніи, такъ и въ смыслѣ ознакомленія съ религіей, что хуже этого, пожалуй, ничего и придумать нельзя. Какое удовольствіе или поощреніе можетъ извлечь ребенокъ изъ чтенія такихъ частей книги, въ которыхъ онъ ничего не понимаетъ? Какъ мало соответствуютъ способностямъ ребенка законы Моисея, Прѣснѣ Пѣсней, пророчества Ветхаго, посланія и апокалипсисъ Нового Завѣта! И хотя разсказы евангелистовъ и Деянія нѣсколько доступнѣе, но въ цѣломъ они также совершенно не соответствуютъ дѣтскому пониманію. Я согласенъ, что принципы религіи надо извлекать отсюда и выражать ихъ въ словахъ Писанія; но все нужно предлагать ребенку въ такой формѣ, которая доступна его способностямъ и познаніямъ. Но ничего общаго съ этимъ не имѣтъ чтеніе Библіи подрядъ ради обученія чтенію. И какая страшная путаница мыслей относительно религіи должна получиться въ головѣ ребенка—if только это чтеніе возбудить въ немъ какія-нибудь мысли—разъ онъ читаетъ въ разномъ возрастѣ всю Библію подрядъ, какъ слово Божіе, не дѣля никакихъ различій. Я склоненъ думать, что это и было причиной того, что нѣкоторые люди всю жизнь не могли прийти къ яснымъ и опредѣленнымъ идеямъ относительно религіи.

159. Разъ уже я коснулся этого предмета, позвольте мнѣ ска-

1) Такъ назывался листокъ съ напечатанной на немъ азбукой и молитвой Господней, помѣщавшійся въ рамкѣ, подъ тонкой роговой пластинкой. Д.

зать, что въ Писаніи найдутся мѣста, которые можно давать ребенку для пріохочиванія къ чтенію: таковы исторія Іосифа и его братьевъ, Давида и Галіафа, Давида и Іонафана и проч.; и другія, которая онъ можетъ читать для своего поученія, напр., «какъ вы хотите, чтобы съ вами поступали другіе, такъ поступайте и вы съ ними», и тому подобныя простыя и доступныя моральныя правила, которыми, при тщательномъ выборѣ, можно часто пользоваться какъ для чтенія, такъ и для наставленія; пусть онъ перечитываетъ ихъ, пока они не запечатлѣются въ его памяти; позднѣ же, когда онъ созрѣтъ для ихъ пониманія, можно будетъ, при удобномъ случаѣ, напомнить о нихъ, какъ о незыблемыхъ и священныхъ правилахъ жизни и поведенія. Но чтеніе Библіи подрядъ, безъ разбора, я считаю совершенно не подходящимъ для дѣтей, пока они не ознакомятся съ наиболѣе ясными основными частями ея и не приобрѣтутъ общаго представленія о томъ, чому, главнымъ образомъ, они должны вѣрить и слѣдовать; это представленіе, по моему мнѣнію, должно излагаться въ подлинныхъ словахъ Писанія, а не въ тѣхъ, къ употребленію и называнію которыхъ обнаруживаются склонность люди, увлекающіеся системами и аналогіями. Во избѣженіе этого докторъ Уортингтонъ составилъ катехизисъ, въ которомъ всѣ отвѣты давы въ точныхъ словахъ Писанія¹⁾; примѣръ, достойный подражанія, и настолько здравая форма изложенія, что никакой христіанинъ не можетъ отвергнуть ее, какъ непригодную для его сына. Послѣ того, какъ онъ выучить наизусть молитву Господню, символъ вѣры и десять заповѣдей, онъ можетъ съ пользою заучивать изъ подобнаго катехизиса по вопросу въ день или въ вѣдѣлью, соотвѣтственно своимъ способностямъ и памяти. Когда же онъ выучить и катехизисъ такъ твердо, что будеть отвѣтывать быстро и безъ запинки на всякий вопросъ, умѣстно внѣдрить въ его душу остальные моральныя правила, разсѣянныя въ Библіи; это послужитъ наилучшимъ упражненіемъ его памяти и дастъ ему указанія, которыми онъ можетъ руководиться во всѣхъ дѣлахъ своей жизни.

(ПИСЬМО).

160. Когда онъ научится хорошо читать ио-англійски, пора начать учить его письму²⁾; для этого прежде всего надо научить пра-

¹⁾ Кость очень разумно указываетъ, что теологъ можетъ легко составить такой катехизисъ и ввести въ него всѣ догматы своей секты, хотя бы по существу они не опирались на подлинныя мѣста Писанія. „Безплодно“, говорить онъ, „извлекать отвѣты изъ Писанія; вопросы, на которые они служатъ отвѣтами, всегда опредѣляютъ смыслъ Писанія, согласно нашему мнѣнію того, кто предлагаетъ вопросъ, особенно, если онъ не стѣсняется помѣщать въ отвѣтѣ лишь столько словъ Писанія, сколько находитъ удобнымъ для себя“. Д.

²⁾ Нѣть основанія откладывать письмо до тѣхъ поръ, пока ребенокъ научится читать. Дѣти должны учиться чтенію и письму одновременно. Первое можетъ сказать существенную помощь второму. Такова практика яѣмскихъ школъ. Д.

вильно держать перо; и онъ долженъ овладѣть этой стороной дѣла раньше, чѣмъ прикасается къ бумагѣ; такъ какъ не только дѣти, но и всякий, кто хочетъ научиться дѣлать что-нибудь хорошо, никогда не долженъ стремиться разомъ сдѣлать много или овладѣть двумя дѣйствіями заразъ, если ихъ возможно раздѣлить. Я считаю итальянский способъ держать перо только большимъ и указательнымъ пальцами наиболѣшимъ, но въ этомъ случаѣ вы можете посовѣтоваться съ какимъ-нибудь хорошимъ учителемъ чистописанія или другимъ лицомъ, умѣющимъ писать четко и быстро. Когда онъ научится правильно держать перо, покажите ему, какъ онъ долженъ класть передъ собою бумагу и какое положеніе придавать своей руки и тѣлу. Когда онъ овладѣетъ этими приемами, нѣтрудно будетъ научить его писать при помоши доски съ вырѣзанными на ней буквами такой формы, какую вы находите лучшей; надо только помнить, что онъ должны быть нѣсколько крупнѣе того почерка, который долженъ слѣдить за нимъ для него обычнымъ; такъ какъ вашъ почеркъ постепенно становится мельче того, какимъ онъ былъ вначалѣ ученія, но никогда крупнѣе. Прикажите отпечатать нѣсколько оттисковъ съ этой пластинки красными чернилами на хорошей писчей бумагѣ; эти красные буквы ребенокъ долженъ обводить хорошимъ перомъ, обмокнутымъ въ черныя чернила, причемъ вы покажете ему, откуда слѣдуетъ начинать и какъ писать каждую букву; такимъ образомъ онъ скоро освоится съ ихъ формами. Достигнувъ этого, онъ можетъ перейти къ упражненіямъ на бѣлой бумагѣ, и безъ труда научиться писать такимъ почеркомъ, какой вамъ желателенъ.

(Рисование).

161. Когда онъ научился писать четко и бѣгло, я считаю свое-временнымъ не только продолжать упражненія въ письмѣ, но и присоединить къ нимъ рисование¹⁾—вещь, очень полезную для джентльмена во многихъ случаяхъ; особенно же въ путешествіи, такъ какъ она часто позволяетъ человѣку выразить немногими, удачно набросанными штрихами, чего не передастъ и не сдѣлаетъ понятными цѣлые страницы исписанной бумаги. Сколько зданій можетъ увидѣть человѣкъ, сколько машинъ и костяковъ, идею которыхъ нѣтрудно воспроизвести и сообщить при небольшомъ умѣніи рисовать; тогда какъ при описаніи на словахъ, хотя бы самомъ точномъ, мы всегда рискуемъ утратить представленіе о нихъ или сохранить лишь исса-

¹⁾ Относительно рисования можно сдѣлать то же замѣчаніе, что относительно письма. Нѣть причины откладывать его такъ долго, какъ совѣтуетъ Локкъ. Это упражненіе нравится дѣтямъ, привучаетъ ихъ владѣть пальцами и внимательно наблюдать, и воспитываетъ эстетическую способность. Не требуется гениальности для элементарного рисования. Каждый ребенокъ можетъ овладѣть имъ, насколько это необходимо для цѣлей Локка. Д.

женоное. Я не хочу сказать, что желалъ бы сдѣлать вашего сына настоящимъ живописцемъ; для этого потребовалось бы больше времени, чѣмъ его останется у молодого джентльмена отъ другихъ, болѣе полезныхъ, занятій. Но ознакомиться съ перспективой и искусствомъ рисованія настолько, чтобы сносно воспроизвести на бумагѣ все, что увидишь, кромѣ лицъ, можно, думается мнѣ, въ короткое время, особенно если онъ обладаетъ способностями къ этому; но все, къ чѣму у него нѣтъ способностей—за исключеніемъ абсолютно необходимыхъ вещей—лучше оставить въ сторонѣ, чѣмъ допекать его безцѣльно; какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ, не безусловно необходимыхъ предметахъ должно господствовать правило: *Nil in vita Minervae*¹⁾.

(Скоропись).

Скоропись, искусство, извѣстие, насколько я знаю, только въ Англіи²⁾, быть можетъ заслуживаетъ изученія въ видахъ какъ болѣе быстраго записыванія того, что вы желаете сохранить для собственной памяти, такъ и для скрыванія записанного отъ постороннихъ глазъ. Кто овладѣлъ какой-либо азбукой, тому уже не трудно измѣнить ее для своего личнаго употребленія или по своей фантазіи и

¹⁾ „Ничего безъ вѣнчанія Минервы”, т. е. не предпринимай ничего такого, къ чѣму не призванъ богиней мудрости (не имѣшь природныхъ способностей).

²⁾ Это ошибка. Скоропись была извѣстна уже грекамъ и римлянамъ. Изобрѣтеніе стеноографія у грековъ приписывается историку Кесенофонту; но говорить, что этотъ способъ былъ первые примѣненъ Пифагоромъ и что поэтъ Эвандъ первый выработалъ систему сокращенія письма, которое позволяло записывающему посыпать за ораторомъ Говорять—хотя это не подтверждается никакими достовѣрными свидѣтельствами—будто онъ началъ съ примѣненія тысячи знаковъ собственнаго изобрѣтенія и увеличивать ихъ число по мѣрѣ надобности. Есть также авторы, которые приписываютъ изобрѣтеніе этого искусства Цицерону; онъ несомнѣнно примѣнялъ его ради быстроты въ скрепѣніи. Онъ напоминаетъ своему другу Аттику, что писалъ знаками (*διὰ σημείων*). Цицеронъ обучилъ этому искусству Тиро, своего вольноотпущенника, который внесъ въ него значительныя улучшенія, и, какъ говорятъ, первый примѣнялъ его для записыванія публичныхъ рѣчей. Евсевій приписываетъ это изобрѣтеніе Тиро. Рѣчь Катона, относящаяся къ заговору Катилины, была сокращена благодаря стеноографіи. Плутархъ сообщаетъ намъ въ своей *жизни Катона*, что по слухамъ этой рѣчи „Цицеронъ посадилъ въ сенатѣ вѣсколько писцовъ, которыхъ научилъ писать знаками и которые посредствомъ черточекъ, замѣняющихъ цѣлые слова, записали все, что онъ говорилъ“. (Репау *Cyclopaedia*). Выше цитированное выраженіе въ письма Цицерона можетъ относиться къ шифрованному письму. Первый англійскій учебникъ стеноографіи, опубликованый въ 1588, былъ составленъ д-ромъ Тимофѣемъ Брайтомъ, методъ которого заключался въ употреблении произвольнаго знака для каждого слова. Только въ 1602 была выработана полная стенографическая а-бука и опубликована въ этомъ году Джономъ Уиллесомъ въ книжѣ, озаглавленной *The Art of Stenographie or Short Writing by Spelling Characterie*. Его азбука отличалась трудностью и сложностью, и была быстро усовершенствована другими. Д.

вносить въ нее сокращения, соответствующія его надобностямъ. Система мистера Рича¹⁾,—наилучшая изъ известныхъ мнѣ,—какъ мнѣ кажется, можетъ быть значительно сокращена и упрощена тѣмъ, кто хорошо знаетъ и принимаетъ въ соображеніе грамматику. Но для обучения этому способу сокращенного письма незачѣмъ торопиться съ поисками учителя; приняться за него можно, когда представится удобный случай, и во всякомъ случаѣ послѣ того, какъ овъ научится писать быстро и четко. Дѣтамъ рѣдко можетъ представиться надобность въ скорописи и имъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ приниматься за нее раньше, чѣмъ они вполнѣ овладеютъ письмомъ.

(Французскій языкъ).

162. Какъ только овъ научился говорить по англійски, пора ему начать учиться какому-нибудь другому языку. Никто не сомнѣвается въ томъ, что этимъ языкомъ долженъ быть французскій. Причина та, что всѣ привыкли къ правильному способу обучения этого языка, который дѣти усваиваютъ изъ постоянныхъ разговоровъ, а не посредствомъ изученія грамматическихъ правилъ. Латинскому языку можно обучать тѣмъ-же способомъ²⁾, если воспитатель, будучи по-

1) Эта система опубликована 1654. Д.

2) Синтетическій языкъ вродѣ латинскаго врядъ-ли можно ставить на одну доску съ аналитическимъ и родѣ французскаго; притомъ методъ, подходящій для одной стадіи воспитанія, можетъ оказаться не подходящимъ для другой. Мы учимся родному языку въ разговорахъ, въ первые годы нашей жизни, но въ это время намъ приходится учиться лишь немногому; наши умственныя усилия ограничиваются почти исключительно запоминаніемъ названий и свойствъ вещей, выраженіемъ нашихъ простыхъ потребностей и индуктивнымъ уразумѣніемъ смысла того, что говорится окружающими. Такимъ образомъ, стимулъ къ изученію родного языка очень силенъ, а условія этого изученія, несмотря на незрѣлый возрастъ, болѣе благоприятны, чѣмъ условия изученія другого языка въ болѣе позднѣй порѣ жизни. Другіе языки будутъ изучаться съ быстротою, пропорционально степени, въ какой мы обезпечиваемъ условія, аналогичныя тѣмъ, при которыхъ изучается родной языкъ. Осуществить вполнѣ тождественные условія невозможно. Мы не въздаемся въ новомъ языке, какъ въ орудии мысли; мы можемъ думать и говорить на родномъ языке. Мы не въ состояніи, если только не живемъ среди лицъ, говорящихъ исключительно на томъ языке, который намъ желательно изучить, существовать ту постоянную практику уха и языка, благодаря которой ребенокъ дѣлаетъ такие быстрые успѣхи. Въ отношеніи современаго языка это еще возможно, но очень немногіе родители могутъ подражать отцу Монтеня, который окружилъ своего ребенка воспитателями и слугами, говорившими исключительно по латыни, и самъ довольно бѣгло объяснялся на этомъ языке. Умѣнье говорить по латыни раньше было въ ходу у ученыхъ и представлялось необходимымъ, когда студенты переходили изъ университета въ университетъ, и почти все профессиоナルное обученіе происходило на латинскомъ языке. Colloquia Эразма были написаны съ дѣлъ содействовать этому умѣнью, и до сихъ поръ могутъ съ пользою употребляться учителемъ. Существуютъ и современные руководства различныхъ системъ, но никакая система не можетъ обеспечить для мертваго языка того постоянного внушенія и практики, въ которыхъ заключается секретъ быстраго овладѣнія роднымъ языкомъ. Д.

стоянно со своимъ питомцемъ, говорить съ нимъ только на этомъ языке¹⁾ и требуетъ, чтобы онъ отвѣчалъ на немъ же. Но такъ какъ французскій языкъ— живой, и служить болѣе для разговора, то ему нужно учиться раньше, чтобы пріучить къ его звукамъ еще гибкіе органы рѣчи и выработать привычку правильно произносить по французски, которая дается тѣмъ труднѣе, чѣмъ позднѣе начинать.

(Латинскій языкъ).

163. Научившись бѣгло говорить и читать по французски, для чего требуется обыкновенно годъ или два, ребенокъ долженъ пріяться за латынь, которую родители, несмотря на успешный опытъ съ французскимъ языкомъ, къ удивленію, не считаютъ нужнымъ преподавать тѣмъ же способомъ, посредствомъ разговора и чтенія. Нужно только позаботиться, чтобы, обучаясь этимъ иностраннымъ языкамъ, причемъ онъ не будетъ пользоваться никакими другими при чтеніи и разговорахъ съ воспитателемъ, мальчикъ не разучился читать по англійски; для предотвращенія этого матери или какому-нибудь другому лицу слѣдуетъ заставлять его ежедневно читать вслухъ Библію или другую англійскую книгу.'

¹⁾ «Монтень, который учился латинскому языку по способу, рекомендуемому Локкотъ, сообщаетъ въ живомъ разсказѣ исторію своего ознакомленія съ этимъ языкомъ. «Латынь и греческий», говоритъ онъ, «былое украшеніе, покупаемое, однако, въ большинствѣ случаевъ черезчуръ дорогой цѣной. Я опишу здѣсь методъ, при помощи которого ихъ можно приобрѣсть дешевле, и сообщу объ опыте, который былъ произведенъ надо мною самимъ и можетъ быть повторенъ всяkimъ, кому вздумается. Опытъ заключался въ слѣдующемъ: когда я былъ еще груднымъ младенцемъ и не умѣлъ говорить, мой отецъ поручилъ меня попеченіямъ одного пѣмца, ученаго врача, глубокаго знатока латыни, знакомаго и съ французскимъ языкомъ и достигшаго вслѣдствія большой изѣбѣности. Этотъ человѣкъ, получавшій очень значительное жалованье, постоянно держалъ меня на рукахъ. У него были двое помощниковъ, не такие ученые, но говорившіе по латыни, и не употреблявшіе въ моемъ присутствіи иного языка. Что касается остальной семьи, то было постановлено въ качествѣ и нарушившаго правила, что ни отецъ, ни мать, ни слуга, ни ухаживавшая за мной дѣвушка (Chamavige) не должны обращаться ко мнѣ иначе, какъ на латинскомъ языкѣ, для чего они выучили вѣсколько латинскихъ выражений. Успѣхи ихъ въ этомъ напрояленіи были замѣчательны: отецъ и мать освоились съ латинскимъ языкомъ настолько, что могли говорить на немъ довольно бѣгло, равно какъ и все слуги, непосредственно имѣвшіе дѣло со мной. Мы такъ увлекались латынью, что употребленіе этого языка мало по малу распространялось по соѣднѣмъ деревнямъ, где укоренялись въ сохранившихъ до сихъ поръ романскія вазапія различныхъ орудій. Что до меня, то до шестилѣтняго возраста я такъ же мало понималъ французскій языкъ или перигорское нарѣчіе, какъ арабскій, и такимъ образомъ, безъ всякаго метода, безъ учебника, безъ грамматики или правилъ, безъ розогъ и слѣзъ, научился латинскому языку, вѣсколько мои наставники могли научить меня». (Essais, I. i. ch. 25). Ст. Д ж.

164. Латынь я считаю безусловно необходимой для джентльмена¹⁾), въ действительно обычай, который преобладаетъ надъ всѣмъ, сделавъ ее такой существенной частью воспитанія, что даже въ тѣхъ дѣтей, которымъ по вынуждѣніи изъ школы никогда въ жизни не придется имѣть съ ней дѣла, вколачиваютъ латынь, заставляя ихъ понапрасну тратить

¹⁾ Де Квики говоритъ: «Два обстоятельства, одно въ историческомъ положеніи латинскаго языка, а другое въ его внутреннемъ характерѣ, соединились, чтобы доставить ему такое высокое мѣсто въ нашемъ уваженіи, какого ни одинъ языкъ (даже греческій) никогда не занималъ и по существу дѣла не можетъ занимать. Эти обстоятельства слѣдующія:—латинскій языкъ имѣть мѣровое значение; онъ принадлежитъ не той или другой странѣ, но всѣмъ странамъ, гдѣ человѣческий интеллектъ отвоевалъ свои права въ свое развитіе. Это единственній *lingua franca*; то есть, въ католическомъ смыслѣ, онъ таковъ для всей гуманизированной земли и для всей человѣческой семьи. Мы называемъ его мертвымъ языккомъ. Но разѣ это вѣрно? Онь не умеръ, какъ умеръ греческій, какъ умеръ еврейский, какъ умеръ санскритъ—которыми ни одинъ человѣкъ не пользуется, въ ихъ древнѣй формѣ, въ своихъ союшеніяхъ съ другими людьми. Онъ до сихъ поръ остается общимъ диалектомъ, который связываетъ воедино великую *imperium in imperiis*—республику наукъ. Чтобы выразить вполнѣ отношеніе этого великокультурнаго языка къ человѣку и его интересамъ, я сказалъ бы, что онъ имѣть такое же широкое и безразличное отношеніе къ нашей планетѣ, какъ луна среди небесныхъ тѣлъ. Ея сѣть и средства сообщенія, которыя она распространяетъ своимъ вліяніемъ на ирины, принадлежать одинаково всѣмъ націямъ. Если бы великая азиатская семья народовъ, отъ Тегерана или, скажемъ, отъ Константинаополя и Каира (городовъ въ сущности азиатскихъ) до Пекина и отдѣленійшихъ острововъ той части Азіи, обладала общимъ языккомъ, при помощи которого ихъ философы и государственные люди могли бы вступать въ спошненія другъ съ другомъ на всѣмъ обширномъ протяженіи Азіи,—какое впечатлительное произволѣ бы на насъ этотъ фактъ! Но мы, члены христіанскаго міра, обладаемъ этой возвышенной масонской связью братства, въ самомъ абсолютномъ смыслѣ. Но очевидно, что мы постепенно поглотили весь міръ въ процессѣ цивилизаци. Такимъ образомъ латинскій языкъ служить и будуть служить въ еще болѣе совершенной степени связью между самыми отдаленными мѣстами. Время такъ-же связывается этимъ замѣчательнымъ языккомъ, какъ пространство: и періоды въ исторіи человѣка, слишкомъ отдаленные одинъ отъ другого (какъ можно себѣ представить), чтобы имѣть что либо общее, связуются и будуть связываться такими искусственными (и, вообще говоря, такими непостоянными) узами, какъ языкъ. Это положеніе латинскаго языка по отношенію къ исторіи человѣка уже само по себѣ сообщаетъ ему исключительный интерес въ нашихъ глазахъ. Но далѣе, что касается его внутренней цѣнности, особенностей его структуры и удивительной силы, вытекающей изъ этой структуры, то эту тему я могу оставить безъ обсужденія. Скажу только, что для цѣлей уточненной реторики, онъ положительно не имѣть соперниковъ; изысканно и искусственная форма его построенія даетъ ему это преимущество. Что-же касается до предполагаемой бѣдности словами, то я позволяю себѣ сълаться на мнѣніе Цициона, который въ трехъ различныхъ мѣстахъ своихъ проповѣдей утверждаетъ, что общіе слова составлять превосходство латинскаго языка передъ греческимъ». Сомнительно, придавалъ ли бы Локкъ такое значеніе латинскому языку, если бы жилъ теперь. Съ тѣхъ поръ какъ онъ писалъ, нынѣ росли двѣ или три цѣнныя литературы, дѣлчіющія знаніе современныхъ языковъ болѣе чѣмъ когда-либо важнымъ; и новые предметы, ставшие на научную почву, вступили въ состояніе съ языками въ качествѣ орудій образования. Д.

на все много часовъ драгоценного времени. Можетъ ли быть что-нибудь смыслище того, что отецъ тратить свои деньги и время своего сына, заставляя его изучать римскій языкъ, когда въ то же самое время предначинаетъ его для торговли, занимаясь которой тотъ, не вахоя примѣненія для своей латыни, не преминеть забыть то немногое, что вынесъ изъ школы, и что—можно поставить десять противъ одного—ненавистно ему въ виду мучений, которымъ онъ подвергался? Возможно ли было бы поверить, если бы примѣры этого рода не попадались среди насъ на каждомъ шагу, что ребенокъ могутъ принуждать къ изученію начатковъ языка, которымъ онъ никогда не будетъ пользоваться на предначиненіи для него поприщъ жизни, и все это время преиебрегаютъ научить его четко писать и вести счеты, что весьма подозно во всѣхъ положеніяхъ жизни, а въ торговомъ дѣлѣ—безусловно необходимо? Но хотя эти качества, требующіяся для промышленности и торговли и для дѣловыхъ занятій, рѣдко или никогда не приобрѣтаются въ грамматическихъ школахъ, однако, не только джентльмены отдаютъ туда своихъ младшихъ сыновей, предназначаемыхъ для торговыхъ профессій, но и торговцы и фермеры посылаютъ туда своихъ дѣтей, хотя не имѣютъ ни намѣренія, ни возможности сдѣлать изъ нихъ ученихъ. Если вы спросите ихъ, зачѣмъ они дѣлаютъ это, вашъ вопросъ покажется имъ такимъ-же страннымъ, какъ если-бы вы спросили, зачѣмъ они ходятъ въ церковь. Обычай замыкаеть разумъ, и въ глазахъ тѣхъ, которые принимаютъ его за разумъ, такъ освящаетъ этотъ методъ что онъ почти религиозно соблюдается ими, и они цѣпляются за него, какъ будто ихъ дѣти получать не правовѣрие воспитаніе, если не вызубрять грамматику Лилли¹⁾.

165. Но при всей необходимости латыни для однихъ, и убѣжденіи въ ея необходимости для другихъ, которымъ она совершенно ни къ чему,—я не могу, поразмысливъ объ этомъ предметѣ, одобрить обычного способа преподававія ея въ грамматическихъ школахъ. Доводы противъ него такъ очевидны, такъ сильны, что побудили нѣсколькихъ разумныхъ лицъ не безъ успѣха отказаться отъ обычнаго пути и применѣть новый методъ, хотя и не совсѣмъ тотъ, который я считаю наиболѣе удобнымъ и который состоять, въ короткихъ словахъ,

1) Вильямъ Лилли (Lilly, Lillie или Lilley, его имя различно пишется) родился около 1468 г., въ Оксфордѣ, въ Гэмпширѣ. Получивъ степень въ Оксфордѣ, онъ предпринялъ путешествіе на Бостонъ и прожилъ пять лѣтъ въ Родосѣ, чтобы овладѣть греческимъ языкамъ. По возвращеніи въ Англію въ 1509 г. онъ открылъ частную школу въ Лондонѣ, и сдѣлался первымъ преподавателемъ греческаго языка въ этой странѣ. Въ 1512 г. деканъ Коллегіи, увлеченый его успѣхомъ, назначилъ его старшимъ учителемъ только что основанной Школы св. Павла. Эту должность онъ занималъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1523 г. Его главное произведеніе, о которомъ упоминаетъ Локкъ,—*Bravissima Institutio seu Ratio Grammatices Cognoscendi*, известное подъ именемъ Грамматики Лилли (*Lilly's Grammar*). При всемъ ея несовершенствѣ съ современной точки зрения, нельзя не признать, что она представляла громадный прогрессъ въ сравненіи съ предшествовавшими грамматиками. *Д.*

въ слѣдующемъ: вовсе не мучить дѣтей грамматикой, а учить ихъ латыни, какъ они учились английскому языку, не затрудняя правилами, путемъ разговоровъ; вѣдь латынь, согласитесь, не болѣе неизвѣстна новорожденному ребенку, чѣмъ английской языкъ; а между тѣмъ онъ изучается английскому языку безъ учителя, правила и грамматики; можетъ тѣмъ же способомъ научиться и латинскому, какъ ваучился ему Туллій ¹⁾), если при немъ постоянно находится кто-нибудь, разговаривающій съ нимъ на этомъ языкѣ. Мы часто видимъ, что француженка выучивается дѣвочку англичанку говорить и читать по французски, не прибѣгая ни къ какимъ грамматическимъ правиламъ, а только болтая съ ней, и я удивляюсь что джентльмены упускаютъ изъ вида этотъ способъ для своихъ сыновей, какъ будто считаютъ ихъ болѣе тупыми и менѣе способными, чѣмъ дочерей.

166. Если, съдовательно, вамъ удастся найти человѣка, который хорошо зная латинскій языкъ, и находясь всегда при вашемъ сыне, будетъ говорить съ нимъ по латыни и не позволять ему говорить или читать на другомъ языкѣ то это окажется вѣрнымъ и настоящимъ способомъ, тѣмъ самымъ, который я предлагаю, какъ легчайшій и лучшій: онъ вѣдь только поможетъ ребенку безъ страданій и взысканій овладѣть языккомъ, за который другихъ скучать въ школѣ цѣлыхъ шесть или семь лѣтъ, но въ то же время облегчить вамъ задачу образовать его умъ и манеры и сообщить ему вдобавокъ снѣдѣнія въ различныхъ наукахъ, каковы значительная часть географіи, астрономія, хронологія, анатомія, кроме того, иѣкоторыя части исторіи и всѣ другія части познанія вещей, доступныхъ вѣшнимъ чувствамъ и требующихъ главнымъ образомъ памяти. Ибо вѣдь, если мы правильно возмемся за дѣло, начинается наше знаніе и эти вещи должны быть положены въ его основу; а не абстрактныя понятия логики и мегафизики, которыя способны скорѣе забавлять, чѣмъ научать разумъ, когда онъ впервые пускается на поиски знанія. Прозанимавшись иѣкоторое время этими абстрактными спекуляціями и не добившись успѣха или той пользы, которой они ожидали, молодые люди способны прѣти къ визкому мнѣнію о наукѣ или о самихъ себѣ; ихъ подмываетъ прекратить свои занятія и забросить эти книги, въ которыхъ неѣтъ ничего, кроме непонятныхъ словъ и пустыхъ звуковъ; или покрѣпить на томъ, что если и есть въ этихъ книгахъ подлинное знаніе, то они не способны уразумѣть его. Что это такъ, я могу удостовѣрить собственнымъ опытомъ. Въ числѣ предметовъ, которымъ долженъ учиться молодой джентльменъ при помощи этого метода, пока его сверстники всецѣло заняты латынью и другими языками, я могу помѣстить геометрію, такъ какъ знаю молодого джентльмена, воспитанного приблизительно этимъ способомъ, который могъ доказывать теоремы Эвклида, не достигнувъ еще тринадцати лѣтъ.

167. Но если вы не можете найти человѣка, который хорошо говорить по латыни и способенъ обучать вашего сына всѣмъ отрас-

¹⁾ Цицеронъ. II ер.

лямъ знанія по указанному методу, то всего лучше примѣнить способъ, наиболѣе близкій къ указанному: именно, возьмите какую-нибудь легкую и занимателную книгу, напр., басни Эзопа, и пишите англійскій переводъ (насколько возможно буквальный) на одной строкѣ, а латинскія слова, соотвѣтствующія англійскимъ, ставьте надъ ними въ другой строкѣ¹⁾. Пусть онъ читаетъ и перечитываетъ ихъ каждый день, пока

1) Этотъ методъ, называемый иногда подстрочнымъ, связывается обыкновенно съ именемъ Локка, но онъ гораздо древнѣй. Липсіусъ упоминаетъ о подстрочномъ переводе псалтыря, хранящемся въ Льежѣ и относящемся къ эпохѣ, близкой ко временамъ Карла Великаго. Интересный образчикъ приложения этого метода находится въ *Colloquium* архиепископа Эльфрика (см. *Analecta Saxonica* Торпа). Онъ начинается такъ:

We cildru biddath the, eala Lareow, thaet thu taece us sprecan*)

D. nos pueri rogamus te, Magister, ut doceas nos loqui Latinaliter
(richte), fortham ungelnerede we syndon and gewa-^{modlice} we sprecat.
recte, quia idiotae² sumus et corrupte loquimur")

*) «Мы, мальчики, просимъ тебя, учитель, научить насъ правильно говорить по латыни, ибо мы идиоты и говоримъ неправильно».

Эльфрикъ умеръ 1005 г. по Р. Х. Другія произведения того-же типа издание Библіи Монтана съ подстрочными латинскими переводами; Пльяни; Швѣцій Завѣты Любенца на греческомъ языкѣ съ подстрочными иъменскими и латинскими переводами; Дюмарэ *Méthode raisonnée pour apprendre la langue latine*, опубликованный 1722 г.; аббать Оливье *Pensees de Cicéron*; и французский трудъ аббата Редовилье, Шаржа, 1768 г. Передо мною лежитъ подстрочный переводъ *Gerusalemme libera* а Тассо, издававший въ Парижѣ въ годъ VI Революціи. Этотъ методъ былъ предложенъ англійской публикѣ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ мастеромъ Гамильтономъ и всердно рекомендовался въ *Edinburgh Review* (1826), никакъ иначѣ, какъ достопрѣтеніе Сиднея Смитомъ. Критику лучше удалось указать слабыя мѣста старого метода обучения иергѣмы языкамъ, чѣмъ установить превосходство нового. Онъ съ успѣхомъ показываетъ, что такъ называемый «Гамильтоновский методъ» можетъ избавить учащихся отъ многихъ хлопотъ; но отнюдь не доказывается, что онъ можетъ дать ему знаніе языка. Тотъ, кто желаетъ научиться только читать на какомъ-нибудь языкѣ, можетъ быстро достигнуть этого при помошни Локковскаго метода. Но если онъ желаетъ говорить и писать на этомъ языкѣ, то подстрочный методъ немножко поможетъ ему. Его главное достоинство въ томъ, что онъ поощряетъ учащагося на той стадіи, когда поощреніе особенно важно. Ильзаясь имъ, «чайчникъ видѣтъ, что оказывается успѣхи и научается чему-нибудь съ самаго начала. Онъ не блеекуряжается первымъ впечатлѣніемъ непреодолимыхъ трудностей; онъ получаетъ извѣстную плату съ первой минуты своего ученичества, а не принужденъ дожидаться награды до его окончанія». (С. Смитъ). Гамильтоновский методъ вскорѣ вышелъ изъ употребленія, и его многочисленные «ключи» попадаются нынѣ только у букинистовъ. Недавно онъ нашелъ защищника въ лице архидіакона Денисона, который преподавать этимъ методомъ французскій языкъ (см. *Autobiographie*). Его можно принять съ успѣхомъ въ теченіе короткаго времени, пока ученикъ еще не освоился съ конструкціей, но затѣмъ слѣдуетъ оставить. По поводу сокращеніаго метода обучения латинскому языку Демарэ г. Компейра замѣчаетъ: «Этотъ методъ если бы даже онъ былъ прекосходенъ самъ по себѣ, необходимо отбрать, какъ и иск. способы, имѣющіе цѣлью устранить изъ обучения латинскому языку его испытываемую медленность и драгоценность, если можно такъ выразиться, трудности. Въ извѣстномъ смыслѣ, чѣмъ остроумнѣе и тоныше эти

ие заучить латинскихъ словъ; а затѣмъ переходить къ другой баснѣ время отъ времени возвращаясь къ пройденному и возобновляя то въ своей памяти. Когда же онъ начнетъ учиться писать, то пусть переписываетъ ихъ, что, кромѣ упражненія въ письмѣ, подвинетъ его въ изученіи латыни. Это менѣе совершенный способъ, чѣмъ обученіе латыни посредствомъ разговоровъ, а потому ребенку слѣдуетъ твердо заучить спряженіе глаголовъ, а затѣмъ склоненіе существительныхъ и мѣстоименій; это поможетъ ему освоиться съ духомъ и характеромъ латинского языка, который измѣняетъ значение глаголовъ и существительныхъ не посредствомъ префиксовъ, какъ современные языки, а посредствомъ измѣненія послѣднихъ слоговъ. Этимъ, я думаю, могутъ ограничиться его познанія въ грамматикѣ, пока онъ не будетъ читать самостоятельно *Sanctii Minerua*¹⁾ съ примѣчаніями Сціопія и Перизонія.

Замѣтьте также, что при обученіи дѣтей въ большинствѣ случаевъ, когда они становятся вступникъ, не слѣдуетъ, по моему мнѣ-

методы сокращенія и упрощенія, тѣмъ они хуже и вреднѣе; такъ какъ въ этомъ случаѣ, устраивая всякия усилия ума проникнуть въ духъ языка и сводя работу ребенка къ простому заучиванью слогъ, они устраниютъ то, что даетъ цѣну изученію классическихъ языковъ — я подразумѣваю медленныя и прилежныя упражненія, въ которыхъ формируются интеллектуальные способности ребенка и юноши. Было бы ошибкой усматривать въ изученіи латинского языка только видимую цѣль, именно: знаніе латинского языка. Забываютъ, что у каждого народа, обладающаго среднимъ образованіемъ то есть системой занятій, цѣль которой развить разсудокъ, проницательность и вкусы, — изученіе латинскаго языка пользовалось особыми привилегіями, придававшимися за нимъ, потому что этотъ языкъ превосходное орудіе интеллектуальной культуры. Бѣзъ сомнѣнія, важно приобрѣсть знакомство съ языкомъ, который представляется изъ себя ключъ къ великой литературѣ, а послѣ того, какъ перестанетъ быть языкомъ народа, сдѣлался всемирнымъ языкомъ науки; но еще важнѣе воспользоваться полезными ресурсами, доставляемыми «изучаемъ, не утилitarнымъ и практическимъ, но искусственнымъ, грамматическимъ или техническимъ, языка, иного, чѣмъ нашъ родной языкъ.» Чтобы мы сказали о человѣкѣ другѣ, который, видя, что мы намѣренысемся предпринять прогулку для упражненія нашихъ мускуловъ и укрѣпленія нашихъ членовъ, предложилъ бы подвести насъ въ своею экипажѣ? (G. Сомирагѣ, *Histoire Critique des Doctrines de l'Education en France*.)

(1) Объ этой книжѣ Галламъ говоритъ: «*Minerua* другого уроженца Испаніи, Санхеца, называемаго обыкновенно Санкціемъ, первое изданіе которой появилось въ Саламанкѣ въ 1587, превосходила всѣ предшествующіе трактаты по грамматикѣ, особливо въ отношеніи правильнаго синтаксиса, который онъ свелъ къ ихъ естественнымъ принципамъ, объяснивъ кажущіяся аномалии. Его величиали княземъ грамматиковъ, божественнымъ мужемъ, Меркуріемъ и Аполлономъ Испаніи, отцомъ латинскаго языка, учителемъ ученыхъ, въ панегирическомъ стилѣ Ляпса или Сциопія. *Minerua*, пополнившаяся и исправлявшаяся въ разныя времена наиболѣе выдающимися учеными, Сциопіемъ, Перизоніемъ и другими, болѣе современными, до сихъ поръ занимаетъ выдающееся мѣсто въ филологіи.» (Lit. Hist. II. 28—29.) Сциопій (Шопінъ) родился въ Палатинатѣ 1576, а умеръ въ 1649. Онъ былъ человекъ съ обширными знаніями и проницательностью. Перизоній былъ профессоромъ въ Франкфуртѣ. Онъ опубликовалъ цѣнное изданіе *Minerua* Санкція въ 1687, помѣстивъ въ немъ примѣчанія Сциопія. І.

шю, смущать ихъ еще больше, заставляя самихъ выпутываться изъ затрудненія¹⁾; напримѣръ, предлагая вопросы, вродѣ: какъ будеть именительный падежъ?—въ предложеніи, которое они должны составить или: что значить *a ife gо?* чтобы извести ихъ назначеніе *a b s t u l e g e* и т. п., когда они не могутъ правильно отвѣтить. Это значить только тратить время на сбиваніе ихъ съ толка, тогда какъ пока они учатся и занимаются прилежно, надо поддерживать въ нихъ хорошее настроение духа и дѣлать всякую вещь насколько возможно легкой и пріятной для нихъ. Поэтому, если они становятся вступикъ, помогите имъ немедленно преодолѣть затрудненіе, безъ вслѣдъ выговора или упрека; памятуя, что болѣе суровые приемы вытекаютъ только изъ тщеславія и сварливости учителя, ожидающаго, что дѣти моментально усвоютъ все, что онъ самъ знаетъ; тогда какъ ему слѣдовало бы имѣть въ виду, что его дѣло наслаждать въ нихъ привычки, а не вдалбливать сердито правила, мало къ чему пригодныя въ нашей жизни, и во всякомъ случаѣ, бесполезныя для дѣтей, которыхъ забываютъ ихъ, лишь только выучить. Я не отрицаю, что въ наукахъ, упражняющихъ ихъ разумъ, можно иногда отступать отъ этого метода, и предлагать затрудненія съ цѣлью возбудить усердіе и пріучить душу пользоваться своею силою и сообразительностью въ разсужденіи. Но я думаю, что этого не слѣдуетъ дѣлать, пока дѣти еще малы, и въ тѣхъ случаяхъ, когда они только приступаютъ къ изученію какого-нибудь предмета: тутъ все и безъ того трудно, и главное значение искусства учителя въ умѣніи облегчить все, насколько онъ можетъ; особливо же при изученіи языковъ не слѣдуетъ ставить дѣтей вступикъ вопросами. Языки усваиваются зубреніемъ, памятью и практикой, и на нихъ говорить всего лучше, когда забудутъ вѣдь грамматическая правила. Я согласенъ, что грамматику того или другого языка приходится изучить очень тщательно, но только взрослому человѣку, когда онъ желаетъ изучить языкъ критически, чѣмъ врядъ ли станетъ заниматься кто-нибудь, кроме профессиональныхъ ученыхъ. Я полагаю, со мною согласятся, что если джентльмену слѣдуетъ изучить какой-нибудь языкъ, такъ это языкъ, своей родины, чтобы знать какъ можно лучше тотъ, которымъ онъ постоянно пользуется.

Есть и еще причина, въ силу которой учителя и преподаватели

1) Я полагаю что ни одинъ учитель-практикъ не согласится въ этомъ отношении съ Локкомъ. Немногіе разумно поставленные вопросы часто могутъ помочь ребенку спрятаться съ затрудненіемъ и, конечно, это имѣть гораздо болѣе высокое воспитательное значеніе, чѣмъ рѣшеніе затрудненія учителемъ. Съ другой стороны, неблагородно пользоваться всякимъ удобствомъ случаемъ для вопросовъ. Въ чтеніи должны быть гладкія и спокойныя мѣста, позволяющія ученику спокойно и безъ помѣхъ наслаждаться авторомъ. Не можетъ ребенокъ наслаждаться прекраснымъ мѣстомъ великаго классика, если его ежеминутно заставляютъ отвѣтить на какой-нибудь трудный грамматический вопросъ. Мнѣ приходилось слышать въ нашихъ начальныхъ школахъ уроки чтенія, до такой степени переполненные вопросами, что бѣдныя дѣти лишались всякой возможности находить интересъ и удовольствие въ содержаніи прочитанаго. Д.

не должны ставить затрудненія своимъ питомцамъ, а наоборотъ должны выглаживать имъ путь и съ готовностью помогать всякой разъ, какъ замѣтять, что они затрудняются.

Дѣтскіе умы узки и слабы и обыкновенно способны схватывать лишь одну мысль заразъ. Что западло въ голову ребенка, то и наполняетъ ее на некоторое время, особенно, если вызываетъ съ его стороны страстное отложеніе. Поэтому, умѣнью и искусству учителя надлежитъ очистить ихъ головы отъ всякихъ постороннихъ мыслей, пока они учатся чему-нибудь, чтобы освободить мѣсто для того, что онъ хочетъ вложить въ нихъ и что они должны усваивать со вниманіемъ и прилежаніемъ, безъ которыхъ урокъ пройдетъ безъѣдно. Натура дѣтей располагаетъ ихъ умы къ блужданію. Только новое занимаетъ ихъ; они съ увлечениемъ хващаются за то, что представляется въ данный моментъ, и быстро удовлетворяются. Одно и тоже скоро надѣбаетъ имъ и почти все ихъ удовольствіе въ перемѣнѣ и разнообразіи. Фиксировать ихъ легучія мысли противорѣчить естественному состоянію дѣтства.

Зависитъ ли это отъ особенностей ихъ мозга или отъ быстроты и неустойчивости ихъ животныхъ духовъ, надъ которыми душа еще не вполнѣ властна,—во всякомъ случаѣ легко замѣтить, что для дѣтей мучительно упорно сосредоточивать свои мысли на чемъ-нибудь одномъ¹⁾). Продолжительное пепрерывное вниманіе одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, которую можно возложить на нихъ; а потому тотъ, кто требуетъ отъ нихъ прилежанія, долженъ постараться сдѣлать то, что онъ предлагаетъ имъ, насколько возможно занимательнымъ и пріятнымъ; по крайней мѣрѣ, долженъ позаботиться о томъ, чтобы занятія не соединялись съ какой-нибудь непріятной или устрашающей идеей. Если они не могутъ приняться за свои книги съ любовью и охотой, то нужно ли удивляться, что ихъ мысли постоянно уносятся отъ того, что внушаетъ имъ отвращеніе, и ищутъ лучшаго развлечения въ болѣе пріятныхъ предметахъ, за которыми и будутъ неизбѣжно гоняться.

Я знаю, что обычный методъ воспитателей добиваться вниманія со стороны своихъ учениковъ и сосредоточивать ихъ мысли на томъ предметѣ, которымъ они занимаются, заключается въ выговорахъ и наказаніяхъ за малѣйшее невниманіе. Но такое обращеніе безъ сомнѣнія производить совершенно обратное дѣйствие. Запальчивыя слова

1) Это ясный знакъ, что наши усилия заставить ихъ сосредоточивать свои мысли преждевремены. Непостоянство ребенка въ теченіе той фазы развитія, которая характеризуется этимъ признакомъ, тѣкъ-же цѣнно, какъ его сосредоточенность въ болѣе поздній периодъ. Малолѣтний ребенокъ долженъ ознакомиться съ вѣйшнамъ міромъ, запастиясь чувственными образами, прежде чѣмъ будеть въ состояніи заняться абстрактными размышленіями; и при исполненіи этой задачи его неугомонная непосѣдливость является помощью, а не помѣхой для него. Вначалѣ все въ этомъ мірѣ ново для него, и ненасытное любопытство, побуждающее знакомиться съ этими понятиями,—полезнѣйший инстинктъ, благодаря которому его невѣденіе въ концѣ концовъ разсѣивается. Д.

или побои со стороны воспитателя наполняют душу ребенка ужасомъ и страхомъ, которые немедлено завладѣваютъ ею всецѣло, не оставляя места для другихъ впечатлѣній. Я думаю, всякий, кто читаетъ это, можетъ припомнить, какой беспорядокъ въ его мысляхъ вызывали нетерпѣливыя или повелительныя слова родителей или учителей; какъ они сбивали его на время съ толка, такъ что онъ переставалъ понимать, что ему говорятъ или что онъ самъ говорить. Онь упускалъ изъ вида предметъ, о которомъ шла рѣчъ, душа его наполнялась беспорядкомъ и смятенiemъ, и въ этомъ состояніи онъ утрачивалъ способность сосредоточить вниманіе на чемъ-бы то ни было.

Правда, родители и воспитатели должны устанавливать и утверждать свой авторитетъ, внушая почтительный страхъ душамъ тѣхъ, которые находятся на ихъ попеченіи; и управлять при его помощи; но разъ установивъ свое преобладаніе надъ ними, они должны пользоваться имъ съ величайшей умѣренностью и не дѣлать изъ себя такихъ лугалъ, въ присутствіи которыхъ ученики вѣчно должны дрожать. Такая строгость можетъ облегчить имъ управление, но она принесетъ мало пользы ихъ воспитанникамъ. Невозможно дѣтямъ научиться чему-нибудь, пока ихъ мысли захвачены или возмущены какой-бы то ни было страстью, особенно страхомъ, который производить сильнейшее впечатлѣніе на ихъ еще нѣжный и слабый духъ. Держите душу въ непринужденномъ и спокойномъ состояніи, если хотите, чтобы она воспринимала ваши наставленія и накапливала знанія. Запечатлѣть четкія и правильныя буквы на трепещущей душѣ такъ же невозможно какъ на трясущейся бумагѣ.

Великое искусство учителя заключается въ умѣніи захватить и удержать вниманіе ученика; разъ это достигнуто, онъ можетъ подвигаться впередъ настолько быстро, насколько это допускаютъ способности учащагося; безъ этого же всѣ его хлопоты и усердіе принесутъ мало или вовсе не принесутъ пользы. Для достиженія этого онъ долженъ заставить ребенка понять (насколько это возможно) пользу того, почему онъ учить его, показать ему, что, научившись, онъ можетъ дѣлать то, чего не умѣлъ дѣлать раньше, что даетъ ему известную власть и действительное преимущество надъ другими, не научившимися. Къ этому онъ долженъ присоединить кротость во всѣхъ своихъ наставленіяхъ, и посредствомъ извѣстной нѣжности обращенія дать понять ребенку, что онъ любить его и желаетъ ему только добра, -- вотъ единственный способъ пріобрѣсти любовь ребенка, которая заставитъ его слушать наставленія и находить удовольствие въ урокахъ.

Только упорству надо противопоставлять повелительный тонъ и рѣзкое обращеніе. Всѣ остальные недостатки должно исправлять кротостью; ласковыя одобряющія слова окажутъ лучшее и болѣе действительное влияніе на расположеннную къ слушанію душу, и предупредить озлобленіе, которое грубыя и повелительныя ухватки часто вызываютъ въ хорошо настроенныхъ и благородныхъ душахъ. Правда, упорство и умышленная небрежность должны подавляться, хотя-бы цѣною побоевъ; но я склоненъ думать, что испорченность воспитанника часто

бывает результатом грубости воспитателя; и что большинство детей рѣдко заслуживали бы побоевъ, еслибы ненужная и бестолковая суровость не испортила ихъ нрава и не внушила-бы имъ отвращенія къ учителю и ко всему, что исходитъ отъ него.

Неосторожность, забывчивость, непостоянство и блужданіе мысли естественные недостатки дѣтства; и потому, если въ нихъ не замѣчается умысла, къ нимъ нужно относиться мягко въ разсчетѣ на дѣятствіе времени. Если каждая подобная оплошность вызываетъ гибель и выговоръ, то поводы къ взысканіямъ и наказаніямъ будутъ предста-вляться такъ часто, что воспитатель сдѣлается предметомъ страха и тревоги для своихъ воспитанниковъ; а этого уже достаточно, чтобы помѣшать имъ извлечь пользу изъ его уроковъ и сдѣлать безуспѣшными всѣ его методы преподаванія.

Пусть почтеніе, которое онъ сумѣлъ внушить имъ, умѣряется постоянными знаками юрьности и расположения настолько, чтобы привязанность могла укрѣплять ихъ чувство долга и дѣлать для нихъ приятнымъ исполненіе его требованій. Это создастъ хорошее отноше-ніе между ними и воспитателемъ, заставитъ ихъ слушаться его, какъ своего друга, который любить ихъ и береть на себя трудъ ради ихъ пользы; при такихъ условіяхъ ихъ мысли въ его присутствіи будутъ свободны и непринужденны, а только при такомъ настроеніи умъ спо-собенъ усвоять новыя свѣдѣнія, воспринимать и удерживать тѣ впе-чатлѣнія, безъ которыхъ всѣ ихъ труды и работа учителя пропадутъ даромъ; будетъ много непріятностей и мало ученія.

168. Когда, такимъ способомъ, съ помощью подстрочного пере-вода латинскаго на английскій, онъ пріобрѣтетъ умѣренныя познанія въ латинскомъ языцѣ, ему можно будетъ двинуться дальше, перейти къ чтенію какой-нибудь легкой латинской книги, вродѣ Юстиніа¹⁾ или Евтропія; а чтобы сдѣлать чтеніе и пониманіе менѣе скучнымъ и труднымъ для него, позволяйте ему пользоваться, если онъ хочетъ, англійскимъ переводомъ. Не пугайтесь, если вамъ скажутъ, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ знать ихъ только механически. Если раз-судить хорошенько, то это говорить вовсе не противъ, а въ пользу такого способа изученія языка. Языки можно изучать только меха-нически²⁾, и кто не умѣеть говорить по англійски или по латыни

¹⁾ Юстинъ жилъ въ правленіе Агітодора Пія. Моккъ подразумѣвается его сокращенное изложеніе всемирной исторіи. Евтропія нужно читать раньше Юстиніа, который гораздо труднѣе какъ въ отношеніи стиля, такъ и въ отношеніи содержанія. Ц.

²⁾ Эшемъ говорятъ: «Всѣ языки, какъ изучаемые, такъ и родной языкъ, должны усваиваться и усваиваются только посредствомъ подражанія. Какъ слышишь, такъ и говоришь; если не слышишь другого, то не говоришь и самъ; и кого слышишь, отъ того и учинься». Но было-бы ошибкой предпо-лагать, что изученіе языка есть дѣло одной памяти. Разумъ долженъ нахо-дить приложеніе на каждой стадіи его.

Ученикъ можетъ классифицировать и опредѣлять самъ подъ руковод-ствомъ учителя, и трудъ памяти облегчается соотвѣтственно степени этихъ самостоятельныхъ усилій. Переходя къ изученію словъ, онъ убѣдится, что

совершенно механически, такъ что, желая высказать какую-нибудь мысль сразу, не думая о правилахъ или о грамматикѣ, находить на-длежащее выражение данного языка, тутъ не умѣеть хорошо говорить на этомъ языке и не владѣеть имъ. Желаль-бы я, чтобы кто-нибудь указалъ мнѣ языкъ, который можно изучить или на которомъ можно говорить съ помощью правилъ грамматики. Языки создавались не по какимъ-либо правиламъ, не искусственно, а дѣйствиемъ случая и общей практики народа. И тотъ, кто желаетъ говорить на нихъ хо-рошо, долженъ руководиться лишь однимъ правиломъ: не довѣрять ничему, кроме своей памяти и практики, усвоенной отъ тѣхъ, кто умѣеть говорить правильно, то есть, иными словами, говорить ме-ханически.

Возможно, что меня спросятъ: значитъ, грамматика не нужна? и тѣ, которые затратили столько труда на сведеніе различныхъ язы-ковъ къ правиламъ и опредѣленіямъ, тѣ, которые писали такъ много о склоненіяхъ и спряженіяхъ, о согласованіяхъ и синтаксисѣ, даромъ потратили свой трудъ и учились безцѣльно? Я не говорю этого; грам-матика имѣть свое значеніе. Но вотъ что я считаю возможнымъ сказать: о ней хлопочать черезчуръ много безъ всякой надобности и мучатъ изъ-за нея тѣхъ, кому она вовсе не нужна; я подразумѣваю дѣтей въ томъ возрастѣ, когда ихъ обыкновенно допекаютъ ею въ грамматическихъ школахъ.¹⁾.

Нѣтъ ничего очевиднѣе того, что эти языки, усвоенные механи-чески, служить съ достаточнымъ успѣхомъ для обычныхъ житейскихъ дѣлъ и отношений. Мало того, знатныя представительницы слабаго пола, и именно тѣ изъ нихъ, которая проводятъ свое время въ благовоспитанію общества, показываютъ намъ, что съ помощью этого простого, естественнаго способа, безъ всякаго изученія и знанія грамматики, можно достигнуть высокой степени изящества и уточнен-ности въ языке: найдутся дамы, которая, не имѣя понятія о глаголахъ и причастіяхъ, о нарѣчіяхъ и предлогахъ, говорятъ такъ-же чисто и правильно (онѣ, пожалуй, сочли бы плохимъ комплиментомъ, если-бы

они воплощаютъ въ себѣ исторію, мораль, религію, философию, соціальную жизнь и проч. народа, и въ изслѣдованіи этихъ вопросовъ найти обильное упражненіе для высшихъ способностей своего ума. Покудь останавливается слишкомъ исключительно на употреблѣніе языка, какъ средства сообщенія. Это, конечно, одно изъ главныхъ употреблений современного языка, но оно практически не существуетъ для мертвыхъ языковъ Д.

¹⁾ Мистеръ Мидль говоритъ: «Если-бы мальчики учились по латыни и по гречески на основаніи того же принципа, благодаря которому ребенокъ такъ легко и быстро научается родному языку, именно ознакомляясь со словаремъ посредствомъ практики и повторенія, не затрудняя себя грамматическими правилами — то эти правила усваивались-бы вдесятеро легче, послѣ того, какъ учащийся уже освоился съ практикой, для которой они предназна-чаются — средній школьнікъ задолго до окончанія своего школьнаго ученья будетъ въ состояніи бѣгло и съ интересомъ читать всякаго обыкновенного латинскаго и греческаго автора, прозаика или поэта, приобрѣть основа-тельное извѣщеніе грамматической структуры обоихъ языковъ и будетъ имѣть сверхъ того достаточно времени для изученія другихъ предметовъ.» Д.

и сказала: какъ любой школьній учитель), какъ большинство джентльменовъ, учившихся по обычнымъ методамъ въ грамматическихъ школахъ. Итакъ, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно обойтись безъ грамматики. Возникаетъ вопросъ, кто же долженъ ей учиться и когда? На него я отвѣщаю:

1. Люди учатся языкамъ ради обычныхъ общественныхъ отношеній и сообщенія мыслей въ повседневной жизни¹⁾), не имѣя въ

¹⁾ Это очень узкая точка зреінія на цѣль изученія языка,—точка зреінія курьера и коммивояжера. Языкъ, какъ мы уже видѣли, есть ключъ къ истории и внутренней жизни народа, не только какъ ключъ къ его литературѣ, но и самъ по себѣ. Онъ имѣть также другое значеніе. Его изученіе заставляетъ насъ болѣе пристально вникать въ идеи, выражаемыя нашими словами. Это преимущество Локкъ, такъ хорошо понимавшій могущественное отраженіе языка словъ, должнѣбы было оцѣнить лучше, чѣмъ кто-либо. М-ръ Д. С. Милль говорятъ: «Мы рѣдко задумываемся о значеніи того, что видимъ каждый день; точно также, когда наше ухо привыкло къ звукамъ слова или фразы, мы не подозрѣваемъ, что они не связаны съ какой либо ясной идеей въ нашемъ умѣ, и что намъ было-бы въ высшей степени трудно определить ее, или выразить какими-нибудь другими словами то, что, какъ намъ кажется, мы подразумѣваемъ подъ ними. Иисно, какимъ способомъ эта дурная привычка исправляется практикой точного перевода съ одного языка на другой и разысканія значеній въ словарѣ, съ которымъ мы не освоились путемъ равной и постоянной практики. Я не знаю болѣе сильного доказательства необычайной гениальности грековъ, чѣмъ то, что они сумѣли достигнуть такихъ блестательныхъ успѣховъ въ области абстрактной мысли, не зная, вообще говоря, другого языка, кроме своего собственнаго. Но и греки не были избавлены отъ послѣдствій этого недостатка. Ихъ величайшіе умы, тѣ, которые положили основаніе философіи и всей нашей интеллектуальной культуры, Платонъ и Аристотель, постоянно сбивались благодаря словамъ; принципиальная случайность языка за дѣйствительная отношенія въ природѣ, и предполагая, что вещи, которыя носятъ одно и тоже название на греческомъ языке, должны быть одинаковы по своему существу. Не зная языка народа, мы никогда не узаемъ доподлинно его мыслей, его чувствъ и его характера; а если мы не обладаемъ знаніемъ какого-нибудь другого народа, кроме нашего, то остаемся до самой своей смерти съ не вполнѣ развитыми умомъ.. Но если такъ полезно, съ этой точки зреінія, знать языкъ и литературу какого-нибудь другого культурнаго и цивилизованныаго народа, то всего цѣннѣѣ для насъ въ этомъ отношеніи языки и литература древнихъ. Въ современной и цивилизованной Европѣ не найдется двухъ націй, такъ рѣдко отличающихся одна отъ другой, какъ греки и римляне отличаются отъ всѣхъ націй; не будучи, однако, какъ нѣкоторые отдаленные восточные народы, до такой степени несходными съ нами, что для пониманія ихъ требовался бы трудъ цѣлой жизни. Еслибы изъ знакомства съ древними можно было извлечь только эту выгоду, то она одна уже достаточно-бы изученію ихъ высокое мѣсто въ просвѣтительной системѣ образования. Не слѣдуетъ говорить, что мы можемъ познакомиться съ ними изъ современныхъ сочиненій. Такимъ способомъ можно узять о нихъ кое-что; и конечно это гораздо лучше, чѣмъ не знать ничего, но современные книги не ознакомятъ насъ съ древней мыслью; они познакомятъ насъ съ мнѣніемъ того или другого писателя о древней мысли. Современные книги не покажутъ намъ древнихъ грековъ и римлянъ; они сообщатъ намъ мнѣніе того или другого писателя о древнихъ грекахъ и римлянахъ. Переводы не могутъ лучше.. Изучая великихъ писателей древности, мы не только пачемъ понимать душу древнихъ, но собираемъ запасъ мудрыхъ мыслей и наблюдений, еще не утратившихъ цѣнности для насъ самихъ, а въ то же

виду какого-бы то ни было другого употребления. Для этой цели первоначальный метод обучения языку посредством разговоров служить съ достаточнымъ успѣхомъ и заслуживает предпочтенія какъ наиболѣе дѣйствительный, удобный и естественный. Поэтому можно сказать, что для такого употребленія языка грамматика не необходима. Съ этимъ должны согласиться всѣ тѣ изъ моихъ читателей, которые понимаютъ то, что я говорю, и могутъ бесѣдовать съ другими, понимая ихъ, хотя никогда не учились грамматикѣ английскаго языка. А въ такомъ положеніи, я думаю, находится подавляющее большинство англичанъ; по крайней мѣрѣ я еще не встрѣчалъ ни одного, который выучился бы родному языку при помощи правиль.

2. Есть другіе люди, большая часть дѣятельности которыхъ на этомъ свѣтѣ осуществляется при помощи ихъ языковъ или письма; имъ полезно, если не необходимо, умѣть говорить точно и правильно, чтобы тѣмъ легче внушать свои мысли другимъ людямъ и производить большее впечатлѣніе. Съ этой точки зренія не всякий способъ выраженія, хотя-бы онъ былъ понятнымъ, считается достаточнымъ для джентльмена. Онъ долженъ хорошо изучить грамматику въ числѣ другихъ вспомогательныхъ средствъ разговора,—но грамматику собственнаго языка, рѣчи, которой онъ пользуется,—чтобы отчетливо понимать языки своей страны и говорить правильно, не оскорбляя слуха тѣхъ, къ кому онъ обращается, солецизмами и грубыми неправильностями. А для этого необходима грамматика, но только грамматика родного языка, и только для тѣхъ, кто готовъ потрудиться надъ обработкой своей рѣчи и усовершенствованіемъ своего стиля. Не слѣдуетъ ли всѣмъ джентльменамъ позаботится объ этомъ, пусть рѣшаютъ, принимая въ соображеніе тотъ фактъ, что недостатокъ правильности и грамматической точности рѣчи считается весьма неприличнымъ для лицъ этого званія, и обыкновенно навлекаетъ на повинныхъ въ такомъ изъянѣ обвиненіе въ томъ, что они получили плохое воспитаніе?

время знакомимся съ извѣстнымъ количествомъ наиболѣе совершенныхъ и законченныхъ литературныхъ произведеній, созданныхъ человѣческимъ духомъ... Даже просто какъ языки, ни одинъ изъ современныхъ языковъ не представляетъ такой сильной дисциплины ума, какъ греческій и латинскій, въ виду ихъ правильной и сложной структуры.» (Глаундигъ адгессъ атъ ст. Andew's.)

Майїнѣ Локка о цѣлности грамматики такъ же узко, какъ его мнѣніе о цѣнности изученія языка. Объ этомъ м-ръ Милль говоритъ: «Разсмотримъ, что такое грамматика. Это самая элементарная часть логики. Это—начало анализа мыслительного процесса. Принципы и правила грамматики являются средствами согласованія формъ языка со всеобщими формами мысли. Разница между различными частями рѣчи, между падежами именъ существительныхъ, паклоненіями и временами глаголовъ, функціями причастій, есть разница въ мышлѣніи, а не только въ словахъ. Отдельные имена существительные и глаголы выражаютъ предметы и события; во способахъ соединенія существительныхъ и глаголовъ выражаютъ отношения предметовъ и событий, которые могутъ быть познаны только интеллектомъ; и каждый различный способъ соответствуетъ различному отношенію. Построеніе каждой фразы есть урокъ логики». (Н.) Д.

и якшались съ дурной компанией, не соответствующей ихъ знатности. Если это такъ (а я думаю, что такъ оно и есть), то нельзя не удивляться, почему молодые джентльмены привуждены изучать грамматику иностранного и мертвыхъ языковъ и никогда не слышать о грамматикѣ своего родного языка; они даже не знаютъ, что подобная вещь существуетъ, а еще менѣе, что имъ не мѣшало бы изучить ее. Никогда имъ не рекомендуютъ родного языка, въ качествѣ предмета, достойнаго попеченія и совершенствованія, хотя они ежедневно пользуются имъ, а въ позднѣйшемъ теченіи ихъ жизни о нихъ нерѣдко судятъ по изящному или неуклюжему способу выражаться на немъ. Напротивъ, на тѣхъ языкахъ, грамматиками которыхъ они такъ усердно занимаются, имъ, вѣроятно, врядъ ли когда придется говорить или писать; если-же это когда-нибудь случится неизвестомъ, то имъ охотно извинять неправильности и ошибки. Если-бы какой-нибудь китаецъ познакомился съ нашимъ способомъ воспитанія, онъ, пожалуй, вообразилъ бы, что все наши молодые джентльмены готовятся быть учителями и профессорами мертвыхъ языковъ въ чужихъ странахъ, а не дѣловыми людьми на своей родинѣ.

3. Есть третій сортъ людей, которые занимаются двумя или тремя иностранными, мертвыми и (какъ ихъ принято называть) учеными языками, дѣлаютъ ихъ предметомъ своего изученія и гордятся своимъ знаніемъ. Безъ сомнѣнія, тѣ, которые принимаются за изученіе какого-либо языка съ этой цѣлью, и желаютъ обладать точнымъ критическимъ знаніемъ его, должны тщательно изучить его грамматику. Я бы не желалъ быть ошибочно понятымъ въ томъ смыслѣ, будто я недостаточно цѣну греческій и латинскій языки. Я согласенъ, что это— языки высокополезные и превосходные, и что незнакомый съ ними не можетъ занять мѣста среди ученыхъ въ нашей части свѣта. Но я думаю, что тѣ познанія, которыя джентльменъ обыкновенно желаетъ извлечь для своего употребленія изъ римскихъ и греческихъ писателей, онъ можетъ приобрѣсти, не изучая грамматики этихъ языковъ, простымъ чтеніемъ, которое даетъ ему возможность понимать ихъ въ достаточной для его цѣлей степени. Въ какой мѣрѣ ему потребуется ознакомиться съ грамматикой и критическими тонкостями этихъ языковъ, онъ можетъ самъ решить, если займется изученіемъ какого-либо предмета, требующаго этого. Это приводить меня къ другой части вопроса, именно:

Когда слѣдуетъ изучать грамматику?

Отвѣтъ, на основаніи всего предыдущаго, очевидно—таковъ:

Если когда-либо слѣдуетъ изучать грамматику, то лишь тому, кто уже можетъ говорить на данномъ языке;¹⁾ иначе, какъ онъ ее

¹⁾ Этамъ методомъ пользовался Гиббонъ при изученіи греческаго языка. Сначала онъ ознакомился посредствомъ чтенія съ значеніемъ слова, а затѣмъ обратился къ грамматикѣ, чтобы изслѣдоввать философскую кон-

изучить? По крайней мѣрѣ это очевидно изъ практики мудрыхъ и ученыхъ народовъ древности. Они дѣлали частью воспитанія изученіе родного языка, а не иностранныхъ. Греки считали всѣ остальные націи варварскими и питали презрѣніе къ ихъ языкамъ. И хотя греческая образованность пріобрѣла большое уваженіе среди римлянъ къ концу республики, но все же предметомъ изученія для ихъ молодежи былъ римскій языкъ; роднымъ языкомъ они должны были пользоваться, а потому родной языкъ и изучали.

Но—чтобы точнѣе опредѣлить время, подходящее для грамматики—я не вижу, какой смыслъ изучать ее иначе, какъ въ качествѣ вступленія къ реторикѣ; когда находять, что мальчику пора заняться шлифовкой своего языка и научиться говорить лучше, чѣмъ необразованные люди, тогда и слѣдуетъ усадить его за грамматическую правилы, но не раньше. Грамматика не учить людей говорить, она учить ихъ говорить грамотно и согласно съ точными правилами языка, что составляеть часть утонченности (*elegancy*), и тотъ, кто не нуждается въ послѣдней, не нуждается и въ первой: гдѣ нѣтъ надобности въ реторикѣ, тамъ можно обойтись безъ грамматики. Я не знаю, зачѣмъ тратить время и ломать голову надъ латинской грамматикой тому, кто не собирается стать критикомъ или говорить рѣчи и писать письма на латинскомъ языкѣ. Если кто-нибудь находится для себя необходимымъ или желательнымъ изучить досконально какой-нибудь иностранный языкъ и знать его вполнѣ точно, у него найдется время заняться его грамматикой. Если-же онъ пользуется языкомъ только для пониманія нѣсколькихъ книгъ, написанныхъ на немъ, не ставя своей цѣлью критического знанія самого языка, то, какъ я уже сказалъ, простое чтеніе приведетъ его къ этой цѣли, не нагружая его умъ многочисленными правилами и тонкостями грамматики.

169. Для упражненія въ письмѣ заставляйте его иногда переводить съ латинскаго на английскій; но такъ какъ изученіе латинскаго языка есть ничто иное какъ изучиваніе словъ, занятіе очень скучное для малыхъ и для старыхъ, то присоединяйте къ нему какъ можно больше реальныхъ знаній, начиная съ того, что наиболѣе доступно чувствамъ; таковы познаніе минераловъ, растеній, животныхъ, а въ особенности лѣсныхъ и фруктовыхъ деревьевъ, ихъ частей и способовъ ихъ распространенія; при этомъ можно научить ребенка многому, что пригодится ему, когда онъ станетъ взрослымъ. Но главнымъ образомъ имѣйте въ виду географію, астрономію и анатомію. Однако, чemu-бы вы ни учили его, старайтесь не обременять его черезчуръ многимъ заразъ; или дѣлать для него обязательнымъ что-либо, кроме добродѣтели или упрекать его за что-нибудь, кроме порока или явной склонности къ нему.

струкцію языка; она сравниваетъ это съ изученіемъ карты страны, по которой уже путешествовалъ. Я съ своей стороны, всегда, при путешествіи, какъ по языкамъ, такъ и по странамъ, находилъ чрезвычайно полезнымъ употреблять въ пути карту." Ст. Дж.

170. Если, однако, судьба въ концѣ концовъ приведетъ его въ школу и заставить изучать латинскій языкъ, то бесполезно говорить съ вами о методѣ, который я считаю наилучшимъ для школы; вамъ придется подчиниться тому, который тамъ принять, не ожидая, что его измѣнить для вашего сына; но все-же добивайтесь всѣми возможными средствами, чтобы его не заставляли писать латинскія сочиненія и декламаціи, а особенно сочинять стихи какого-бы то ии было рода. Вы можете настаивать на томъ, что вовсе не собираетесь сдѣлать изъ него латинскаго оратора или поэта, а желали бы только, чтобы онъ вполнѣ свободно читалъ латинскихъ авторовъ; и при этомъ указывать, что учителя, съ успѣхомъ преподающіе современные языки, никогда не заставляютъ своихъ учениковъ сочинять рѣчи или стихи по французски или по итальянски, такъ какъ считаютъ своей обязанностью только обученіе языку, а не его примѣненію.

Сочиненія.

171. Но слѣдуетъ объяснить вамъ нѣсколько подробнѣе, почему я не желалъ-бы, чтобы его заставляли упражняться въ писаніи сочиненій и стиховъ. Что касается сочиненій, то они, конечно, претендуютъ на нѣчто полезное, именно, научить людей говорить красиво и толково всякому предметѣ, что, безъ сомнѣнія, явилось бы преимуществомъ, если бы достигалось этимъ способомъ, такъ какъ нѣть ничего болѣе приличествующаго джентльмену и болѣе полезнаго въ различныхъ случаяхъ жизни чѣмъ умѣніе говорить хорошо и кстати при всякихъ обстоятельствахъ. Но я утверждаю, что писаніе сочиненій, какъ оно дѣлается въ школахъ, ни на йоту не способствуетъ этому: въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ собственно занимается юнецъ, составляя сочиненія? Онъ сочиняетъ рѣчъ на какую-нибудь латинскую пословицу, вродѣ *O misericordia vincit amor*¹⁾, или *Non licet in bello bis recessare*²⁾ и проч. Бѣдный малый, который ничего не знаетъ объ этихъ вещахъ, такъ какъ познаніе ихъ доставляется временемъ и наблюденіемъ, вынужденъ подвергать пыткѣ свой умъ, чтобы сказать что-нибудь о томъ, что онъ не знаетъ; это своего рода египетская тиранія, приказаніе дѣлать кирпичи изъ материала, котораго нѣть. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ бѣдныя дѣти обыкновенно обращаются къ ученикамъ старшихъ классовъ съ просьбой: «пожалуйста, одолжите мнѣ немножко смысла» (*Pray, give me a little sense*), — просьба, о которой трудно сказать, больше ли въ ней разумнаго или смѣшнаго. Чтобы человѣкъ могъ говорить о какомъ-нибудь предметѣ, ему необходимо ознакомиться съ нимъ; безъ этого требовать отъ него разсужденій о предметѣ такъ-же нелѣпо, какъ заставлять слѣпого толковать о цветахъ или глухого о музыкѣ. Развѣ вы не считаете немного тро-

¹⁾ «Любовь все побѣждаетъ».

²⁾ „Не позволяется дважды ошибаться на войнѣ“.

нувшимся всякаго, кто потребуетъ отъ человѣка, совершенно не свѣдущаго въ нашихъ законахъ, объяснить ему какой-нибудь спорный юридический пунктъ? А что-же, спрашивается, понимаютъ школьніки въ тѣхъ предметахъ, которые предлагаются имъ въ качествѣ темъ для сочиненій и разсужденій съ цѣлью изощрять и упражнять ихъ воображеніе.

172. Затѣмъ, примите въ соображеніе, на какомъ языкѣ пишутся эти сочиненія: на латинскомъ, на языкѣ, чуждомъ ихъ родинѣ, и давнѣмъ давно вымершемъ всюду; языкѣ, на которомъ вашъ сынъ—можетъ поставить тысячу противъ одного—ни разу въ жизни не будетъ произносить рѣчей, сдѣлавшись взрослымъ; языкѣ, настолько отличномъ по своему способу выраженія отъ нашего, что овладѣть имъ въ совершенствѣ, онъ почти ничего не приобрѣтеть отъ этого въ смыслѣ чистоты и гладкости своего англійскаго стиля. Кромѣ того, представляется такъ мало мѣста или поводовъ для произнесенія готовыхъ рѣчей на нашемъ родномъ языкѣ въ какой-бы то ни было области нашей англійской дѣловой жизни, что я не вижу никакого оправданія для этого рода упражненій въ нашихъ школахъ, если только не предполагать, что заставляя людей сочинять латинскія рѣчи, мы научаемъ ихъ хорошо говорить по англійски экспромтомъ. Я думаю, что этого можно вѣрѣнѣ достигнуть слѣдующимъ путемъ: предлагать молодымъ джентльменамъ разумные и полезные вопросы, соотвѣтствующіе ихъ возрасту и способностямъ, о предмеатахъ, не вполнѣ безызвѣстныхъ и не совершенно постороннихъ имъ; близкихъ къ тѣмъ, о которыхъ, когда они созрѣютъ для подобного рода занятій, имъ придется говорить экспромтомъ или послѣ непродолжительного размышленія на мѣстѣ, не прибѣгая къ перу; ибо я спрашиваю—разъ заходить рѣчь о результатахъ этого способа обучения говорить хорошо,—кто лучше говоритъ по поводу любого дѣла, когда его побуждаютъ къ этому какіе-либо возникшия споры: тотъ-ли, кто привыкъ сочинять и записывать заранѣе то, что онъ собирается сказать; или тотъ, кто думаетъ только о дѣлѣ и, стараясь понять его насколько можетъ, имѣть обыкновеніе говорить только экспромтомъ? Всякий, кто приметъ это въ соображеніе, врядъ-ли будетъ склоненъ считать пріученіе молодого джентльмена къ составленію рѣчей и писанію сочиненій подходящимъ способомъ подготовки его къ дѣлу.

173. Но, можетъ быть, мнѣ скажутъ, что это—способъ упражнять и совершенствовать его въ латинскомъ языкѣ. Правда, что это должно быть его настоящимъ занятіемъ въ школѣ; но писаніе сочиненій во все не способствуетъ этому: оно заставляетъ умъ мучиться измышленіемъ, что-бы такое сказать, а не вникать въ значеніе словъ, которыхъ нужно заучить; и когда пишутъ сочиненія, то ищутъ, потѣя надъ этой задачей, мыслей, а не языка. Но такъ какъ изученіе языка само по себѣ не особено легко и пріятно, то не слѣдуетъ загромождать его другими затрудненіями, какъ дѣлаетъ этотъ способъ. Наконецъ, если нужно изощрять способности мальчика подобными упражненіями, заставляйте его писать сочиненія по англійски, такъ какъ здѣсь ему

легко распоряжаться словами и онъ лучше разберется въ своихъ мысляхъ, излагая ихъ на родномъ языке. Если же нужно изучать латинский языкъ, то слѣдуетъ дѣлать это легчайшимъ способомъ, не создавая утомленія и отвращенія такимъ скучнымъ занятіемъ, какъ сочиненіе рѣчей на этомъ языкѣ.

Стихи.

174. Если можно привести возраженія противъ писанія дѣтьми въ школѣ латинскихъ сочиненій, то еще болѣе имѣю я сказать, и съ гораздо болѣшимъ вѣсомъ, противъ писанія ими стиховъ¹⁾, стиховъ какого-бы то ни было рода; такъ какъ, если ребенокъ не обладаетъ поэтическимъ гeniemъ, то самая неразумная вещь на свѣтѣ—мучить его и заставлять тратить время на то, въ чемъ онъ никогда не можетъ имѣть успѣха; если же у него есть поэтическая жилка, то, по моему, самая странная вещь на свѣтѣ—желаніе или разрѣшеніе отца поощрять или совершенствовать ее²⁾. Мне кажется, родители должны стараться заглушить и подавить ее, елико возможно; я не знаю, на какомъ основаніи отецъ можетъ желать, чтобы его сынъ сдѣлался поэтомъ, если не хочетъ, чтобы онъ пренебрѣгъ всѣми остальными профессіями и дѣлами: да это еще не самое худшее; вѣдь если онъ окажется удачнымъ риомонометомъ и приобрѣтетъ репутацію гения, то сами можете разсудить, въ какой компаніи и въ какихъ мѣстахъ будетъ онъ, по всей вѣроятности, тратить свое время, да и свое со-

¹⁾ Трудолюбивое бедѣлье, на которое тратится время въ англійскихъ классическихъ школахъ, васлуживаетъ самого суроваго упрека. Съ какою цѣлью драгоценнѣйшіе годы юности безполезно растрачиваются на сочиненіе плохихъ латинскихъ и греческихъ стиховъ? Я не нахожу, чтобы отъ этого много выигрывали даже тѣ, кто научается въ концѣ концовъ писать хорошіе. Меня часто подмывало спросить этихъ любимцевъ природы и фортуны, искусли все серьезное и важное дѣло на свѣтѣ уже сдѣлано, что они могутъ тратить свое время и энергию на такія *play and games difficiles*.

Я не отрицаю пользы сочиненій на данномъ языке съ цѣлью его тицательного изученія. Я не знаю болѣе дѣйствительного способа. Но развѣ не достаточно прозаическихъ сочиненій? Да и вообще, развѣ для этого не премѣнно требуются оригиналныя сочиненія? если можно называть оригиналными упражненія злоуполучныхъ школьнниковъ, которые, не имѣя собственныхъ мыслей, сочиняютъ по памяти, приобрѣтая пагубную привычку—бороться съ которой учитель долженъ бы быть считать своей первой обязанностью—привычку ванизывать занятія фразы. Упражненіе наиболѣе цѣнное, есть обратный переводъ на латинскій языкъ переведенныхъ отрывковъ хорошихъ авторовъ; къ этому можно присоединить, какъ и принято во многихъ континентальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, разговоръ на латинскомъ языкѣ. (Ц. С. Милль.). Д.

²⁾ Этотъ небрежный отзывъ Локка о поэзіи бросаетъ яркій свѣтъ на печальный проблѣлъ въ его образованіи и даже умаляетъ его репутацію какъ философа. Если онъ лично не цѣнилъ поэтическихъ произведеній и наслажденія, которое они доставляютъ, то простое наблюденіе надъ человѣческой природой должно было бы внушить ему болѣе высокую оценку ихъ субъективнаго и объективнаго значенія.» Ш. Ср. Введеніе, стр. 29.

стояніе, ибо рѣдко случается, чтобы кто-нибудь находилъ золотыя и серебряныя копи на Парнасѣ. Тамъ пріятный воздухъ, но бесплодная почва, и очень мало найдется людей, которые увеличили свое наслѣдственное состояніе насчетъ собранныхъ тамъ плодовъ. Поэзія и игра, которая обыкновенно идутъ рука объ руку, сходны также въ томъ отношеніи, что рѣдко приносить пользу кому-либо, кромѣ тѣхъ, у кого нѣтъ ни кола ни двора. Состоятельныйные люди всегда оказываются въ проигрышѣ, и хорошо еще, если не поплатятся всѣмъ или большей частью своего состоянія. Итакъ, если вы не хотите, чтобы вашъ сынъ молохъ вздоръ въ какой-нибудь теплой компаніи, безъ которой подобные франты не могутъ утѣшаться виномъ или убивать свое время; если вы не хотите, чтобы онъ тратилъ свое время и состояніе на развлечениѣ другихъ и презиралъ грязные акры, оставленные ему предками, то врядъ-ли вы будете стремиться, чтобы онъ сдѣлался поэтомъ или чтобы школьній учитель посвятилъ его въ искусство версификаціи. Но если кто-нибудь считаетъ поэзію желательной для своего сына и думаетъ, что ея изученіе повысить его способности и дарованія, то онъ долженъ признать, что члене превосходныхъ греческихъ и римскихъ поэтовъ будуть гораздо болѣе содѣйствовать этой цѣли, чѣмъ сочиненіе плохихъ вирш на чуждомъ языке. А тотъ, кому желательно отличиться въ англійской поэзіи, врядъ-ли признаетъ, что для этого ему нужно дѣлать первыя попытки на латинскомъ языкѣ.

Заучиваніе на память.

175. Есть и еще одна вѣць, очень часто примѣняемая обычнымъ методомъ грамматическихъ школъ, которая, на мой взглядъ, никуда не годится, развѣ только затруднять юношамъ обученіе языкамъ, которое, по моему мнѣнію, слѣдовало бы дѣлать, насколько возможно, легкимъ и пріятнымъ, устранивъ изъ него по возможности все тягостное. То, что я подразумѣваю здѣсь, и на что жалуюсь, есть обязательное заучиваніе наизусть большихъ отрывковъ изъ читаемыхъ авторовъ; въ этомъ я не вижу рѣшительно никакой пользы¹⁾, осо-

¹⁾ Запоминаніе хорошихъ, удачно выбранныхъ и правильно понятыхъ отрывковъ, безъ сомнѣнія, представляетъ большую выгоду, какъ въ смыслѣ изученія языка, такъ и въ смыслѣ обогащенія души благородными мыслями, выраженнымыми въ благородныхъ словахъ. Ошибочный приемъ заставлять дѣтей заучивать стихи, которыхъ они не понимаютъ, въ надеждѣ, что ихъ значение можетъ обнаружиться въ одинъ прекрасный день подобно замершемъ звукамъ въ рожкахъ барона Мюнхгаузена. Каждый отрывокъ, заученный наизусть, долженъ быть удачно выбранъ, тщательно разъясненъ учителемъ и возобновляться въ памяти посредствомъ периодического повторенія. Слѣдующее замѣчаніе Галлума объ удовольствіи, которое ослѣпшій Мильтонъ находилъ въ поэзіи, заученой въ дни молодости, показываетъ, что на душу, одаренную восприимчивостью къ поэзіи, заучивание наизусть произвело совершенно иное дѣйстіе: «Тогда то воспоминаніе о прочитанномъ въ молодости озарило его темную въ одиночку тропу, какъ луна, выглянувшая изъ-за тучъ. Тогда то музу подлинно сдѣлалась его музой; не только вливая

бливо для того дѣла, которымъ они занимаются. Языки надо изучать только посредствомъ чтенія и разговоровъ, а не заучивая наизусть отрывки авторовъ; такъ какъ, начинивъ ими голову, человѣкъ приобрѣтаетъ всѣ данные сдѣлаться педантомъ и становится на вѣрный путь къ превращенію въ такового; а это всего мѣвѣе годится для джентльмена. Ибо, что можетъ быть смѣшнѣе перемѣщивания чужихъ великихъ и прекрасныхъ мыслей и изрѣченій съ собственными скуднымъ материаломъ, который становится отъ этого еще замѣтнѣе, но отнюдь не привлекательнѣе, и также мало украшаетъ своего обладателя, какъ изношенное порыжѣвшее платье съ нашитыми на немъ яркими лоскутками и блестящими позументами. Конечно, если встрѣтится текстъ, достойный заломинанія, въ формѣ скжатаго и мѣткаго изрѣченія (какъ часто попадаются у древнихъ авторовъ), то не слѣдуетъ упускать случая закрѣпить его въ умѣ ученика; превосходными изрѣченіями этихъ великихъ мастеровъ можно иногда пользоваться для упражненія памяти школьнниковъ. Но заставлять ихъ заучивать на память уроки въ томъ порядкѣ, какъ они слѣдуютъ въ книгѣ, безъ выбора и разбора, значитъ, по моему мнѣнію, полуостру расточать ихъ время и трудъ и внушать имъ пренебреженіе и отвращеніе къ учебникамъ, въ которыхъ они не находятъ ничего, кромѣ бесполезной докуки.

176. Утверждаютъ, что дѣти должны заучивать свои уроки наизусть съ цѣлью упражненія и усовершенствованія памяти¹⁾. Жаль, что это мнѣніе окирается не за авторитетъ разума, а на необдуманную самоувѣренность, и что эта практика установлена не на основаніи точныхъ наблюдений, а на стариинномъ обычай; ибо очевидно, что сила памяти есть результатъ счастливой конституції²⁾, а не ус-

въ его душу творческое вдохновеніе, но и какъ дочь памяти, являющаяся съ отрывками старыхъ мелодій, голосами Эврипида, Гомера и Тассо, звуками, которые онъ любилъ въ юности и цѣнилъ какъ утѣщеніе старости. Тѣ, которые хотя-бы и не исцѣтавъ бѣдствія, поразившаго Мильтона, привыкли, находясь вдали отъ книгъ, въ одиночествѣ или во время путешествія, въ промежуткахъ между дѣловыми хлопотами, утѣшаться поэтическими воспоминаніями, повторять прекрасныя строфы, ритмы которыхъ издавна услаждали слухъ, припомнить чувства и образы, сохранившися въ силу ассоціаций, чары, сообщившая имъ годами юности,—тѣ чувствуютъ неоцѣлимое значеніе заучивания наизусть въ тѣ годы, когда память въ полной силѣ, легко воспринимаѣтъ и вавсегда удерживаетъ. И, право, не знаю болѣе сильного аргумента среди многихъ, говорящихъ въ пользу воспитанія, налетающаго на поварю, какъ у насъ, въ Англіи, чѣмъ тѣ, что оно закладываетъ основаніе для интеллектуальныхъ удовольствій въ преклонные годы» (Lit. Hist. i. u., 240). Д.

¹⁾ Это мнѣніе основывается на ошибочномъ предположеніи, будто память есть независимая способность. Въ дѣйствительности память есть душевное явленіе, представляющее результатъ разнообразныхъ душевыхъ операций, каковы наблюденіе, восприятіе, сужденіе, воображеніе, умозаключеніе, и зависитъ главнымъ образомъ отъ способа осуществленія этихъ операций. Заучивание наизусть совершенствуетъ нашу память лишь въ томъ случаѣ, если соединяется съ усиленіемъ нашего контроля надъ вниманіемъ, съ осваиваніемъ нашей души съ ухищреніями, содѣйствующими памяти, и съ увеличеніемъ нашего запаса ассоціаций. Д.

²⁾ Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что память, подобно

вершенствованія, достиgniутаго упражненіемъ. Правда то, чѣмъ душа заинтересована и что она, изъ опасенія утратить, повторно запечатлѣваетъ на себѣ путемъ частой рефлексіи,—удерживается ею прочнѣе, но онять-таки соответственно ея природной силѣ задерживанія. Отпечатокъ на воскѣ или свинцѣ не держится такъ долго, какъ на мѣди или на стали. Правда, если часто возобновлять его, онъ можетъ сохраниться дольше; но всякая новая рефлексія есть новое впечатлѣніе; и мы должны принимать это въ расчетъ, если желаемъ знать, какъ долго умъ будетъ удерживать его. Но заучивание наизусть страницъ латыни такъ-же мало дѣлаетъ память способной удерживать что бы то ни было¹⁾), какъ вырываніе какого нибудь изрѣченія на свинцѣ, не увеличиваетъ его способности прочно сохранять другія буквы. Если бы этотъ способъ упражненія памяти былъ способенъ сообщать ей силу и совершенствовать наши способности, то изъ всѣхъ людей актеры обладали бы наилучшей памятью и представляли бы наилучшее общество. Но опытъ показываетъ, увеличиваются ли заучиваемые ими отрывки ихъ способность запоминать другія вещи, и совершенствуются ли ихъ способности пропорционально тѣмъ усиліямъ, которыя ими дѣлаются при заучиваніи наизусть чужихъ словъ? Память такъ необходима во всѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ жизни, и безъ нея такъ мало можно сдѣлать, что намъ нечего опасаться, какъ бы она не ослабѣла и не испортилась изъ-за недостатка упражненія, если упражненіе можетъ сдѣлать ее сильнѣе. Но я боюсь, что эта способность души вообще не можетъ улучшаться и исправляться ка-

всѣмъ остальнымъ душевнымъ явленіямъ, зависитъ до извѣстной степени отъ природныхъ дарований. Но также вѣрою и то, что она можетъ быть значительно усиlena, при тщательномъ соблюденіи ея законовъ. Плохая память вообще связана съ несовершенствомъ чувственныхъ восприятій, пренебреженіемъ къ обобщенію и классификаціи, интеллектуальной путаницей въ идеяхъ и ихъ символахъ, небрежнымъ разсужденіемъ, недостаткомъ интереса и его слѣдствіемъ, отсутствіемъ вниманія. Д.

¹⁾ Это не совсѣмъ точно. При выѣзда сосредоточиваться, развивающаяся заучиваніемъ наизусть, можетъ быть приложена къ другимъ вещамъ; но Локкъ права, говоря, что люди могутъ запоминать извѣстный классъ вещей и не запоминать другихъ. Причина этого ясна. Мы запоминаемъ то, на чѣмъ сосредоточиваемъ вниманіе, а наше вниманіе зависитъ главнымъ образомъ отъ нашего интереса. Такъ какъ нашъ интересъ къ различнымъ вещамъ не одинаковъ, то не одинакова и способность вспоминать. Если бы память всецѣло зависѣла отъ «природной силы» удерживающей способности души, то мы должны были бы ожидать, что она будетъ однakoво успѣшно удерживать все, что ей вѣрено. Тотъ фактъ, что ея способность къ удерживанию мѣняется вмѣстѣ съ наипрѣмѣнѣемъ интересомъ, ясно показываетъ, что она въ значительной степени зависитъ отъ нашихъ природныхъ или приобрѣтенныхъ влечений. Поэты, художники, натуралисты, теологи и баграмотный крестьянинъ смотрятъ на одну и ту же сцену; и каждый уноситъ въ своей памяти ту группу фактовъ, многочисленныхъ и немногочисленныхъ, которая привлекла его вниманіе. Эти факты сохраниются въ памяти съ яркостью и постоянствомъ, пропорциональными интенсивности вниманія, эмоциальному возбужденію, сопровождавшему вниманіе, раѣше накопленному запасу идей, къ которымъ примыкаютъ новые идеи, многочисленности случаевъ обращения къ новымъ идеямъ и примѣненія ихъ въ новыхъ комбинаціяхъ, и т.-д. Д

кими-либо упражненіями или усиленіями съ нашей стороны¹⁾); по крайней мѣрѣ тѣми, которыя примѣняются для этой цѣли въ грамматическихъ школахъ. И если Ксерксъ могъ назвать по имени всякаго солдата своей арміи, въ которой насчитывалось по меньшей мѣрѣ сто тысячъ человѣкъ, то врядъ-ли онъ пріобрѣлъ эту удивительную способность благодаря заучиванію наизусть своихъ уроковъ въ дѣтствѣ. Этотъ способъ упражненія и усовершенствованія памяти посредствомъ скучнаго повторенія прочитанного, не глядя въ книгу, я думаю, мало употребляется при воспитаніи государей; а между тѣмъ, если бы онъ обладалъ преимуществами, которыя ему приписываются, имѣ бы не слѣдовало пренебрегать въ отношеніи государей, такъ-же какъ и въ отношеніи самыхъ незнатныхъ школьнниковъ: государи такъ-же нуждаются въ хорошей памяти, какъ всѣ остальные люди и, вообще говоря, не уступаютъ имъ этой способностью, хотя никогда не упражняли ее указаннымъ способомъ. Тѣмъ душа занята, чѣмъ она интересуется, то и запоминается всего лучше; если къ этому присоединить методъ и порядокъ, то этимъ, мнѣ кажется, сдѣлано все, что можно сдѣлать, для укрѣпленія слабой памяти; тотъ-же, кто вздумаетъ добиваться этого какимъ-нибудь другимъ путемъ, особенно нагружая ее вереницами чужихъ словъ, которыми учащійся вовсе не интересуется, тотъ по моему мнѣнію врядъ-ли достигнетъ результатовъ, окупавшихъ хотябы только половину затраченного времени и труда.

Я не хочу этимъ сказать, что дѣтскую память не нужно упражнять. Я думало, что ей слѣдуетъ давать занятіе, но оно не должно заключаться въ заучиваніи наизусть цѣлыхъ страницъ, которая, какъ только урокъ отвѣченъ и задача исполнена, снова забываются, съ тѣмъ, чтобы уже больше не вспоминать. Это не улучшаетъ ни памяти, ни ума. Я уже указывалъ, что именно дѣти должны заучивать наизусть изъ авторовъ; когда эти мудрыя и полезныя изрѣченія запечатлѣлись въ ихъ памяти, нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы они не забывались и почаще спрашивать ихъ²⁾; независимо отъ той пользы, которую эти изрѣченія могутъ имѣть принести въ ихъ позднѣйшей жизни, какъ хорошия правила и наставленія, это будетъ пріучать ихъ, часто задумываться надъ тѣмъ, о чѣмъ имѣетъ слѣдуетъ помнить,—что и представляеть единственный способъ сдѣлать память быстрой и двѣспособной. Привычка часто сосредоточиваться будетъ удерживать

1) Такъ какъ память не имѣть самостоятельного существования, зависеть отъ общаго воспитанія души, то объ этомъ общемъ воспитаніи нужно главнымъ образомъ заботиться, имѣя въ виду ея улучшеніе. Д.

2) Периодическія повторенія безусловно важны для продолжительного сохраненія того, что запасено въ памяти. Всякое усиленіе вниманія, связанные съ такими ретроспективными обзорами и подготовкой къ новому, усиливаютъ соответствующія пріобрѣтенія ума. Въ некоторыхъ предметахъ конструктивныхъ упражненій обеспечиваются постоянный обзоръ нашихъ умственныхъ пріобрѣтений; въ другихъ полезно дѣлать правильные, периодическіе экзамены съ цѣлью возобновленія прежнихъ знаній. Помимо также устраиваемыхъ кумулятивныхъ экзаменовъ, чтобы по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ знаній не забывались старые. Д.

ихъ умы отъ безцѣльного стремлениѧ куда глаза глядѣть и возвращать ихъ мысли изъ бесполезныхъ, незнамательныхъ блужданій; поэтому я и считаю полезнымъ давать имъ каждый день что нибудь для заучиванія на память, но во всякомъ случаѣ что-нибудь такое, что само по себѣ достойно запоминанія, и что, по вашему мнѣнію, имъ слѣдовало бы имѣть въ памяти всякой разъ, когда вы спрашиваете о немъ или они сами ищутъ его. Это заставитъ ихъ часто обращать свои мысли внутрь, а лучшей интеллектуальной привычки и пожелать нельзя.

177. Но кому-бы ни было вѣроено обученіе ребенка въ теченіе этого нѣжнаго и податливаго периода его жизни, это во всякомъ случаѣ долженъ быть человѣкъ, который считаетъ латынь и языки самой маловажной частью воспитанія; и зная, насколько добродѣтель и благожелательная душа предпочтительнѣе всякой науки или языка, ставить своей главной задачей образовать душу своихъ школьниковъ и дать ей надлежащее направление; такъ какъ, если это достигнуто, хотя-бы при упущеніи всего остальнаго, то въ свое время и все остальное будетъ приобрѣтено, если-же это не достигнуто и не упрочено, если дурныя и порочныя привычки не искоренены, то языки и науки и всѣ прочія приобрѣтенія воспитанія окажутся ни къ чemu, развѣ только сдѣлаются человѣкъ еще болѣе вреднымъ или опаснымъ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько-бы ни трубыли обѣ обученіи латинскому языку, какъ о важномъ и трудномъ дѣлѣ, мать можетъ обучить ему своего ребенка, если пожелаетъ затратить на это два или три часа въ день и заставлять его читать ей Евангелие на латинскомъ языкѣ: для этого ей нужно только купить латинскій Новый Завѣтъ и, попросивъ кого-нибудь отмѣтить послѣдніе слога тамъ, где они являются долгими, въ словахъ, имѣющихъ больше двухъ слоговъ, (что достаточно для правильного произношенія и правильной разстановки ударенія), ежедневно читать его, сличая съ англійскимъ Евангелиемъ; въ такомъ случаѣ ей нельзѧ будеть не понять латинской текстъ. Когда-же она прочтетъ евангелистовъ по латыни, пусть тѣмъ-же способомъ читается басни Эзона, а затѣмъ пусть переходитъ къ Евтропію, Юстину и другимъ подобнымъ книгамъ. Я говорю обѣ этомъ не какъ о своей выдумкѣ, а какъ о фактѣ, лично мнѣ известномъ и показавшемъ, что такимъ путемъ легко выучиться латинскому языку¹⁾.

¹⁾ Локкъ подразумѣваетъ здесь простое умѣніе читать по латыни. Врядъ-ли нужно говорить, что даже для этого умѣнія его способъ слишкомъ недостаточенъ и не надеженъ. Вся умственная дисциплина, доставляемая изученiemъ латинской грамматики, какъ уже замѣчено выше, тѣряется при такомъ упрощенномъ методѣ обучения. При всемъ томъ я думаю что методъ Локка можно примѣнить въ теченіе короткаго времени къ начинаяющимъ, чтобы проходить ихъ къ предмету. «Методъ изученія языковъ, въ особенности латинскаго, предлагаемый Локкомъ, имѣть то огромное преимущество, что при его примѣненіи юная душа сохраняетъ живость и бодрость, матерьялы легче перевариваются и усваиваются и, проникая до внутреннихъ источниковъ дѣятельности, доставляютъ болѣе быстрый и прямой стимулъ энергіи учащагося. При обычныхъ методахъ, учащийся из-

Но вернемся къ тому, о чмъ я началъ говорить; ттъ, кто беретъ на себя обязанность воспитанія молодыхъ людей, особенно молодыхъ джентльменовъ, долженъ имѣть за собою чмъ большее, чмъ латынь, чмъ даже знаніе свободныхъ наукъ: онъ долженъ быть человѣкомъ выдающейся добродѣти и благоразумія, обладать здравымъ смысломъ, благодушемъ и умѣніемъ держать себя съ достоинствомъ, непринужденно и ласково въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своими питомцами. Но объ этомъ я подробно говорилъ въ другомъ мѣстѣ.

178. Одновременно съ обученіемъ французскому и латинскому языкамъ, ребенокъ, какъ уже сказано, можетъ также приступить къ изученію ариѳметики, географіи, хронологіи, исторіи и геометріи. Ибо если эти предметы будутъ преподаваться ему на французскомъ или латинскомъ языкахъ¹⁾, когда онъ только начинаетъ понимать какой либо изъ нихъ, то онъ приобрѣтетъ познанія въ этихъ наукахъ, а на придачу знаніе языка.

(Географія.)

Съ географіи, какъ мнѣ кажется, нужно начинать: такъ какъ изученіе фигуры земного шара, положенія и границъ четырехъ частей свѣта²⁾ и отдѣльныхъ королевствъ и странъ связано только съ упражненіемъ глазъ и памяти, то ребенокъ будетъ съ удовольствіемъ заниматься этимъ. Насколько это вѣрно, можетъ показать слѣдующій примѣръ: въ домѣ, где я теперь живу, есть ребенокъ, котораго его мать такъ хорошо ознакомила этимъ способомъ съ географіей, что онъ зналъ границы четырехъ частей свѣта²⁾, могъ указать любую страну на глобусѣ и любое графство на картѣ Англіи; зналъ всѣ большія реки, мысы, проливы и заливы на земномъ шарѣ и могъ найти долготу и широту любого пункта, имѣя еще менѣе шести лѣтъ отъ роду. Конечно, эти вещи, которыхъ ребенокъ усвоить при помощи зрѣнія и запечатлѣть въ своей памяти, не составляютъ всего, что

немогаетъ вадъ грамматическими упражненіями, имѣющими цѣлью усвоеніе правилъ и безчислennыхъ исключений, и все это раньше, чмъ ему познать увидѣть хоть ключекъ литературы. Когда же, наконецъ, онъ переходить къ болѣе приятной пищѣ, она постоянно приправляется язвчими анализами и вопросами. Подобная система можетъ, пожалуй, производить соудиныхъ педагоговъ-грамматиковъ, но бесплодна въ отношеніи истинной культуры.» III.

¹⁾ Это противно всякому здравому обученію. Усилія учителя должны быть направлены къ изолированію затрудненій. Если онъ прибанитъ къ трудностямъ предмета трудности мало знакомаго языка, то какъ предметъ, такъ и языкъ, пострадаютъ отъ раздѣленія вниманія между вими. Преподавать на иностранныхъ языкахъ можно лишь послѣ того, какъ ученикъ овладеетъ ими почти какъ роднымъ. Д.

²⁾ Въ то время Австралия не была еще открыта, острова же, при соединяемыхъ нынѣ къ ней, не выдѣлялись—насколько они были известны въ то время—въ особую часть свѣта. Пер.

онъ долженъ изучить на глобусѣ. Но все же это хороший шагъ и подготовка къ дальнѣйшему, и значительно облегчитъ усвоеніе оставшаго, когда разсудокъ созрѣсть для этой задачи; кромѣ того, онъ выигрываетъ этимъ время; а удовольстіе узнавать разныя вещи облегчить ему усвоеніе языковъ.

(Ариѳметика—астрономія.)

179. Когда естественные подраздѣленія земного шара хоропо запечатлѣлись въ его памяти, пора приняться за ариѳметику¹⁾. Подъ естественными подраздѣленіями земного шара я подразумѣваю различныя положенія частей суши и моря въ связи съ различными названіями и подраздѣленіями странъ, не касаясь тѣхъ искусственныхъ и воображаемыхъ линій, которыя придуманы въ видахъ пренепрѣнія этой науки.

180. Ариѳметика есть легчайшій и, слѣдовательно, самый ранній родъ абстрактнаго разсужденія, доступный уму; и она такъ общепотребительна во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности, что безъ нея врядъ ли можно обойтись въ чёмъ бы то ни было. Во всякомъ случаѣ, ее никогда нельзя знать слишкомъ подробно, слишкомъ хорошо, а потому упражненія въ счетѣ нужно начинать такъ рано и вести ихъ такъ далеко, какъ только допускаютъ способности ребенка; и заниматься ими понемногу каждый день, пока онъ не овладеетъ счислениемъ. Когда онъ освоится съ сложеніемъ и вычитаніемъ, можно будетъ вести его дальше въ географіи; и познакомивъ его съ полюсами, поясами, параллельными кругами, объяснить ему, что такое долгота и широта, какъ употреблять карту, и по числамъ, указанныхъ на ея сторонахъ, опредѣлять относительное положеніе странъ и находить ихъ на земномъ глобусѣ. Когда онъ научится всему этому, можно перейти къ небесному глобусу, и, перебравъ еще разъ всѣ круги—причемъ особенно подробно остановиться на Эклиптике или Зодиакѣ, чтобы запечатлѣть ихъ вполнѣ ясно и отчетливо въ его душѣ,—объяснить ему фигуры и положенія различныхъ созвѣздій, которые можно указать сначала на глобусѣ, а затѣмъ въ небесахъ.

Когда это кончено и онъ довольно хорошо ознакомился съ созвѣздіями нашего полушарія, можно сообщить ему иѣкоторыя свѣдѣнія о нашемъ планетномъ мірѣ; для этого слѣдуетъ сдѣлать чертежъ Коперниковской системы и объяснить положеніе планетъ и ихъ относительное разстояніе отъ солнца, центра ихъ обращенія. Это самый простой и естественный способъ подготовить его къ пониманію.

¹⁾ Трудно объяснить, почему Локкъ ставитъ ариѳметику послѣ географіи. Ариѳметику надо вводить на очень ранней стадіи воспитанія, хотя бы только ради цѣлой и приятной интеллектуальной дисциплины, которую она доставляетъ. Это логика дѣтства. Д.

В. Г. БІЛІНСКІЙ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

вступительно писателем Г. А. Фальборка

чертежи жизни и педагогической деятельности Бѣлинского с примѣчаніями и библіографическими указаніями

Г. А. Фомина.

газеты „ШКОЛА и ЖИЗНЬ“ XII - 259 стр.,
7Б. 1912 г. Цѣна 1 руб.

Слѣдует заметить, что Бѣлинскому давно уже отведено почетное
место в исторіи русской педагогіи, что его педагогические
труды не утратили до настоящаго времени своего значенія, у
насъ до сихъ поръ не было сколько нибудь полнаго отъзываго
о нихъ и даже не имѣющіяся у насъ книги
Феодосіистова «Сводъ мнѣній Бѣлинского о дѣтской гера-
меніи» СПБ., 1884, 2-ое изд. СПБ. 1898; А. Н. Сальникова «Бѣ-
линскій о воспитаніи умственному и нравственному» СПБ. 1898
В. Турулова и П. М. Шестакова «Бѣлинскій о воспитанії
и играхъ для дѣтской чтенія», М. 1911) вошла въ
главная часть всего написанного Бѣлинскимъ въ области педа-
гогики. Дозволю изъ его сочиненій все, относящееся къ
ставитъ свою задачу (точная книга), (Р. «Предисловіе»
книги).

Издательство газеты „ШКОЛА и ЖИЗНЬ“, С.-Петербургъ,
Кабинетская ул., д. 18.